

Золото

Жаталья
Солнцева

В горах ближе к небу

Annotation

Бывший сотрудник сыскного агентства «Барс» Марат Калитин отправляется на Памир, чтобы на месте разобраться в загадочных событиях в районе Язгулемского хребта. Он расследует взрыв в туннеле, где снимался фильм, и последовавшее за взрывом исчезновение людей. Марат надеется отыскать работавшую в съемочной группе Ларису по просьбе ее мужа, но Лариса обнаружена мертвой. Кто убийца? И не связана ли смерть молодой женщины с найденным ею золотым самородком?

Постепенно становится ясным, что корни странных событий уходят в глубокую древность и связаны не только с исчезнувшими земными цивилизациями, но и с жизнью других планет.

- [Наталья Солнцева](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

Наталья Солнцева

В горах ближе к небу

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

С любовью,

ваша Наталья Солнцева

Все события и персонажи вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Глава 1

Да создаст
праматерь род
человеков,
Бремя Богов на
него возложим.

*(Шумеро-аккадский
эпос)*

Марат Калитин вошел в офис киностудии «Дебют». Он очень спешил, – нужно было успеть на самолет, вылетающий в Душанбе.

Секретарша в малиновом брючном костюме преградила ему дорогу.

– Вы куда?

На ее щеках играл румянец, соперничающий с цветом ее одежды.

– Мне нужен господин Чаров.

– Его нет.

– Отлично. Я сам посмотрю.

Марат решительно отодвинул рассерженную даму и направился по коридору, ища глазами кабинет кадровика.

– Он занят... – запоздало крикнула ему вслед секретарша.

Но Калитин уже открыл дверь. За столом сидел упитанный мужчина, черноволосый, черноглазый, с крупными яркими губами на бледном лице. Серый с металлическим отливом костюм сидел на нем безукоризненно.

– Я по поводу работы! – выпалил Марат, опережая вопрос хозяина кабинета.

Глаза Чарова возмущенно блеснули. Он машинально поправил узел галстука.

– Разве вас не предупредили, что я занят? – сдерживая раздражение, спросил он.

– Нет.

– Странно... Впрочем, вы уже здесь, так что говорите.

– Я по объявлению в газете, – соврал Калитин. – Хочу заработать денег на квартиру. У меня много профессий – шофер, сварщик, грузчик. Готов выполнять любые поручения.

Он изображал настырного провинциала, который не признает

приличий.

– Мы давно не даем никаких объявлений, – холодно ответил кадровик. – Нам больше не нужны сотрудники.

– Почему?

Чаров барабанил пальцами по гладкой поверхности стола. Руки у него были холеные, на безымянном пальце красовался массивный золотой перстень.

– Киностудия закрывается, – вздохнул он и отвел глаза. – Весь штат будет распущен в течение недели.

Эта информация оказалась совершенно неожиданной для Марата.

– У вас работает мой друг...

Чаров равнодушно рассматривал свой перстень, поворачивая его в солнечном свете то в одну, то в другую сторону. Грани перстня ярко вспыхивали.

– Значит, вашему другу придется искать новую работу, – лениво процедил он.

– Мы собирались работать вместе, – гнул свое Калитин. – Я могу поговорить с ним?

– Конечно, можете. Разговаривайте, сколько вам угодно... При чем здесь я? Вы меня отвлекаете, молодой человек! У меня много дел... в связи с ликвидацией киностудии.

– Мой друг находится на Памире, в командировке, с вашей съемочной группой.

– Да? – вскинул глаза Чаров. – Ну, так подождите немного. Они все скоро приедут.

Назойливый посетитель переминался с ноги на ногу, вздыхал, почесывал затылок, но уходить не собирался.

Кадровик потерял терпение.

– Что-то еще? – недовольно спросил он.

– Н-нет... – проямлил Марат. – Вы меня так расстроили. А господин Ревин обещал, что я буду работать у вас. Он меня обнадежил.

Он ничего не собирался говорить о Ревине. Слова вылетели сами собой.

– Даниил Петрович? – удивился Чаров. Его глаза приобрели иное выражение. – Почему же вы сразу не сказали?

«Так и есть! – подумал Марат. – Ревин и тут приложил руку. Можно было раньше догадаться. Памир, туннель, строительная фирма, киносъемки... все это как-то связано».

– Ну, я... растерялся... – бубнил Калитин, лихорадочно соображая, как

теперь быть. – А что, вы мне не отказываете? Вы дадите мне работу?

Кадровик перестал разглядывать свой перстень и поднял голову.

– Если вас прислал господин Ревин, это меняет дело, – сказал он. – Думаю, что-нибудь найдется. Зайдите через неделю.

Марат с облегчением вздохнул. Если бы Чаров предложил ему работу прямо сейчас, выкрутиться из сложившейся ситуации оказалось бы сложнее. А через неделю столько воды утечет...

– Спасибо! – он изобразил на лице радостную улыбку. – Я обязательно найду.

Но Чаров уже потерял к посетителю интерес и уставился в свои бумаги.

Выйдя из офиса киностудии, Кали тин поспешил в аэропорт.

На небе ярко сияло солнце. С крыш капало, в голых кустах суетились воробьи и синицы. На лицах людей появилось то особое выражение ожидания весны и того, что она может принести с собой, которое так нравилось Марату. Он и сам ощущал сладкий трепет в груди...

«Неужели я влюбился?» – спросил он себя. Сам вопрос показался ему глупым и одновременно восторженно-приятным. Вчерашняя встреча с Ангелиной Львовной в его квартире и состоявшийся между ними разговор поразили Марата нежностью и внезапно вспыхнувшей страстью, которую оба старались подавить. Предстоящая, хотя и недолгая разлука взволновала их, особенно Марата. Он вдруг испугался, что может больше никогда не увидеть Лины, ее горячих глаз и мягкой улыбки, не услышать ее шуток или неторопливых, взвешенных рассуждений. Она была самой спокойной из всех женщин, которых он знал.

Калитин всегда считал, что ему нравятся взбалмошные кокетки. До этого последнего дня в Москве. Разумеется, он не сказал Закревской, куда едет. А она не расспрашивала. Проявлять излишнее любопытство было не в ее правилах.

«Меня некоторое время не будет в городе, – как бы между прочим сообщил он. – В командировку еду, по делам «Профиля». Товарища одного повидать надо. Вот, позвонил, совместный бизнес предлагает. Хочу лично встретиться».

«Тебя проводить?»

«Нет! – поспешно отказался он. – Не люблю прощаться...»

Ангелина Львовна не стала настаивать.

Они пили коньяк и кофе почти до самого утра, говорили обо всем... и ни о чем. Потом он вызвал ей такси.

«Позвонишь?» – спросила она, садясь в машину.

Господин Калитин повел плечами.

«Как получится...»

Такси, поднимая брызги, развернулось и исчезло за углом дома. Марат почувствовал себя таким одиноким, словно он остался на необитаемом острове. Миллионный город смотрел на него желтыми глазами чужих окон. Над домами стояло сумеречное, беззвездное небо. И оно тоже показалось Марату чужим.

По сути, в его жизни все было чужим – биография, адрес, род занятий и даже фамилия. Только имя он не захотел менять. Его вторая, скрытая жизнь, как ему казалось, была важна и полна смысла. А ту, которую он вел напоказ, в виде прикрытия, Марат привык считать нудным и бессодержательным спектаклем. Он стал человеком-маской, который давно забыл свое истинное лицо. Маска приросла к коже, а дешевая игра на публику заменила ему собственные чувства и переживания. Он запутался. Роль начала управлять актером? Или актер устал от роли?...

Марат жил, словно в тумане, без права выйти на свет. Во имя чего? Этот вопрос возник у него впервые. Получалось, что вся его видимая жизнь существовала для окружающих людей. А лично ему, Марату Калитину, предназначались только звонки по мобильному телефону, сообщающие, что он должен включить компьютер и прочитать зашифрованное задание. Дальше он мог действовать на свое усмотрение – либо приступить к делу, либо отказаться. Агент такого ранга, как он, пользовался определенной свободой. Задания были скорее предложениями, чем приказами, и если Калитин их выполнял, то получал щедрое вознаграждение. Обычно он охотно брался за работу и блестяще справлялся с ней. Хоть какое-то развлечение!

Марату было скучно, и недавно накатившая на него депрессия являлась одним из проявлений угасающего интереса к жизни. Зато он познакомился с Ангелиной Львовной. Она не только помогла ему выкарабкаться из внутреннего застоя, но и пробудила в нем чувства, о которых он не подозревал. Женщины тоже были для него чем-то не настоящим, частью фальшивой игры. И даже разочарование и боль, испытанные им по вине Аллы-Алины, почти притупились.

Он настолько привык изображать чужую жизнь, как будто занимался этим давным-давно. Нахлынувшие на него «видения» внесли свежую струю в унылое существование, и когда они прекратились, Калитин огорчился. Ему стало их не хватать. Там, в свалившейся на него иллюзорной реальности, он тоже притворялся кем-то другим. Он жил и действовал, преследуя неведомую ему цель, ради которой выдавал себя не

за того, кем являлся на самом деле. Загадочная цель не давала ему покоя. Он пытался вспомнить ее и не мог. Устав от бесплодных попыток, Марат погружался в сомнения по поводу того, нормален ли он. Что, если депрессия была первым признаком душевного недуга?

Самолет на Душанбе вылетел с небольшим опозданием. Марат сидел с закрытыми глазами, тщетно пытаясь заснуть. Раньше это ему удавалось без труда. А сейчас... Нечто изменилось. Он еще не понимал, не мог в полной мере осознать, что именно произошло. Но чувствовал нервное напряжение. Наверное, так снежный барс чует угрозу схода лавины.

Ровно гудели двигатели, и Калитин, наконец, провалился в тревожное забытие. Он все-таки задремал, и перед ним сразу возник милый образ Лины. Она – его единственная подлинная связь с этим миром. Не что-то выдуманное, прикрывающее истинную суть вещей, а сама эта суть. Его переживание любви к ней есть самое ценное из всего, испытанного им до сих пор.

Остаток полета прошел для Марата в эйфорическом блаженстве, поглотившем время и пространство.

Столица Таджикистана встретила пассажиров рейса Москва – Душанбе ярким солнцем, теплом и запахом цветущих деревьев. Мокрый асфальт блестел. У здания аэровокзала молодые таджички продавали тюльпаны.

– Недавно дождь прошел, – сказал спутник Марата, грузный пожилой мужчина в очках с толстыми стеклами.

За этими стеклами его глаза были неестественно большими.

Марату опять все показалось чужим: и здание аэровокзала, и небо, и деревья, и женщины, наперебой предлагающие купить цветы, и этот идущий рядом человек.

«Меня утомил перелет», – подумал господин Калитин...

Памир

Место катастрофы было оцеплено солдатами внутренних войск, на дорогах расставлены блокпосты. Милиционеры и военные, изнемогая от внезапной жары, проверяли документы, осматривали проезжающие автомобили.

Марат приехал к туннелю вместе с другими членами комиссии по расследованию чрезвычайных ситуаций. Его представили как эксперта из

Москвы. Первым делом он познакомился с Хушкадамом Батыркуловым, председателем комиссии.

– Мне звонили по поводу вас, – сказал этот красивый восточный мужчина с седыми висками. – Господин Багров, кажется?

– Багров, Алексей Юрьевич, – слегка поклонился Марат.

– Каковы ваши полномочия?

– Самые широкие, – ушел от ответа приезжий. – Я бы предпочел оставаться в тени. Могу я назваться вашим помощником?

– Разумеется... – неохотно согласился Батыркулов. – Я получил распоряжение не мешать вам. Вы специалист...

– Широкого профиля, – закончил его фразу Марат.

Батыркулов мрачно кивнул. Его задела скрытность московского эксперта, но продолжать разговор в том же духе он посчитал нецелесообразным. Какое его дело, в конце концов? Москвича прислали по указанию вышестоящего лица, и Батыркулов не несет за действия этого Багрова никакой ответственности. Большим людям виднее.

– Понимаю вас, – только и сказал он. – Если что-то понадобится, обращайтесь в любое время дня и ночи.

– Спасибо.

Господин «Багров» с воодушевлением пожал протянутую ему руку и откланялся. Самый скользкий момент легализации прошел гладко. Теперь можно спокойно работать. И Марат отправился на поиски начальника строительства.

Паршин лежал в своем комфортабельном вагончике, едва живой от радикулита. Известие о взрыве в туннеле отняло у него последние силы.

– Меня уже спрашивали, – простонал он при виде Марата. – Сколько можно?

– Простите, но я должен выполнять свои обязанности, – сухо ответил «эксперт». – У меня к вам несколько вопросов.

– Черт бы вас побрал с вашими вопросами!

На Калитина не произвел никакого впечатления свирепый тон начальника строительства. Отчасти он даже сочувствовал Паршину.

– И все-таки... Предварительного заключения о причине взрыва пока нет. Что вы лично думаете по этому поводу? Как насчет технических нарушений?

– Мы все делали по инструкции! – взревел Паршин, пытаясь приподняться, но со стоном рухнул обратно на подушки. – Как положено! Ясно вам? Хотите все свалить на нас? Не выйдет. У меня с самого начала было предчувствие, что с этим туннелем не все в порядке. Черт...

От боли и досады он сболтнул лишнее и тут же пожалел об этом.

– Не все в порядке? Что вы имеете в виду?

– Ничего особенного... Просто интуиция. Мне не хотелось руководить этой стройкой, вот и все.

– Должна же быть какая – то причина для вашего нежелания? – настаивал Марат.

Паршин помолчал, морщась и ерзая. Он не мог удобно устроиться на койке. Дотошный эксперт страшно раздражал его.

– Ну... раньше тут уже пытались прокладывать туннель... Давно. Еще в семидесятых. А потом передумали.

– Почему?

– Вот и я гадал, почему. То ли средств не хватило, то ли... Не знаю. Место тут удобное, как раз для автомобильной трассы. А строить не стали. Слухи всякие ходили...

– Какие слухи?

– Не люблю я сплетни пересказывать! – разозлился Паршин. – Это к делу не относится.

– Ладно, – согласился Марат. Он решил поговорить с Паршиным еще раз, когда тому полегчает. – Вы давно болеете?

– Дней десять. Так прихватило... что шевельнуться не мог. Стало чуть легче, а тут взрыв. Перенервничал, опять приложило. Хоть криком кричи!

– Кто руководил строительством вместо вас?

– Валера Изотов, мой заместитель.

– Он не мог допустить серьезную оплошность или технический просчет?

– Послушайте... – Паршин глубоко вздохнул. – Во-первых, Изотов грамотный инженер, классный специалист, а во-вторых – порядочный человек. Я исключаю техническую ошибку. И потом, у нас ведь не производились саперные работы. Ну, отчего мог произойти взрыв? Газ? Сомнительно. Это ведь не шахта, где идет выработка породы. Землетрясение? Но тогда был бы просто обвал. Да и не трясло нас в ту ночь. Изотов сразу с сейсмологами связался, те уверяют, что землетрясения не было. Значит...

– Вывод напрашивается сам собой, – задумчиво произнес Марат. – Вы использовали при строительстве взрывчатку?

– Конечно. Бурили шурфы и взрывали.

– А говорите – не производились саперные работы.

– Так то давно было...

– Взрывчатка осталась?

– Да, – ответил Паршин. – Она хранится на складе, с соблюдением всех правил безопасности.

– Склад оборудован сигнализацией?

– Разумеется. А как же? Если вы думаете, что кто-то взял взрывчатку с нашего склада, то напрасно. Изотов вместе с представителями органов в первую очередь это проверили. Все взрывчатые вещества на месте. Они относятся к материалам строгой отчетности.

Марат задумался.

– Человеческие жертвы есть?

– В туннеле работают спасатели, – ответил Паршин. – Пока ни одного трупа не нашли. Но двое рабочих из ночной смены пропали. Предположительно, они могли находиться в районе взрыва.

– Почему так поздно спохватились?

– Звук взрыва глухой, к толчкам все привыкли. Здесь практически постоянно трясет. Горы, сейсмическая зона... А сигнал тревоги не сработал. И потом... взрыв произошел ночью, когда в туннеле почти никого нет. В ночные смены у нас люди работают только в экстренных обстоятельствах. Если проходчики отстают от графика... или авария какая-нибудь.

– Понятно. Могли в туннель попасть посторонние?

Паршин отвел глаза. Ему не хотелось подводить Изотова, но о киносъёмочной группе знали все, так что молчать не имело смысла.

– Могли... – мрачно ответил он.

– Кто? Каким образом?

– Да киношники проклятые! Приехали на нашу голову... Пристали, как пиявки. Пустите, мол, эпизод снимать надо. План горит! Финансы горят! Я бы ни за что не пустил. А Валера, добрая душа... Вот теперь будет расхлебывать. Мало не покажется.

– Что за киношники? Откуда приехали? – спросил Марат, догадываясь, что речь идет о съёмочной группе киностудии «Дебют».

– Из Москвы. Надо было им аж на Памир тащиться? Людям деньги девать некуда, вот что я вам скажу.

Марат согласно кивнул. Он думал примерно также. Перед самым отлетом в Душанбе он успел проверить источник финансирования киностудии «Дебют». Их спонсором действительно оказался Ревин.

– Что они снимают? Какой фильм? – на всякий случай поинтересовался он.

– Катастрофу, – буркнул Паршин. – Знаете, каких кино называется? «Взрыв в туннеле»! А?! Каково?

– Да... интересно все складывается.

Этого Калитин не ожидал. Странное совпадение.

– Изотов пустил их в туннель снимать взрыв, – сказал Паршин. – Дурак!

– Ну и как, сняли?

– Ага, сняли. А на следующую ночь нате вам, получите! Может, это они все подстроили?

Марат уже знал, что съемочная группа расположилась в кишлаке недалеко от стройки. Но побывать там не успел.

– Как с ними поговорить? Никто не собирается в кишлак?

– Их автобус здесь, – сказал Паршин. – На нем чертовы киношники приехали. Режиссера своего забирать. Можете с ними побеседовать.

У Кали тина в голове воцарился полнейший хаос.

– Забирать режиссера? Откуда?

Паршин в очередной раз вздохнул. Он устал. Но отвязаться от «эксперта» было не так просто.

– Из медпункта, – признался начальник строительства. – После съемок режиссер куда-то делся. Пропал! Говорят, заблудился. Они его искали, но не нашли. Так и уехали. А утром вернулись. Не все, конечно, а только каскадеры с Борисом. Это их главный.

– Где режиссер пропал? В туннеле?

– Не помнит он, – зло сказал Паршин. – Утром явился невесть откуда. Говорит, плохо ему стало, заблудился среди скал, промерз. Ребята его в медпункт отвели. Он до сих пор там. Доктор не велел трогать, пока ему не полегчает. Вот Борис и ждет.

Марат решил, что от Паршина он узнал достаточно. Теперь следует обдумать полученную информацию. Он попрощался с больным и вышел.

День клонился к вечеру. Сахарные верхушки гор покрылись сумеречной дымкой. Похолодало. Марат прогуливался по территории, прилегающей к порталу туннеля, и размышлял. Главным действующим лицом его размышлений являлся... господин Ревин.

Получается, что Даниил Петрович вкладывал деньги частично в проект туннеля, потом в строительную фирму, которая специализируется на проходке, потом спонсирует киностудию через подставное лицо – некого Гаврилова. Съемочная группа на его деньги едет черт знает куда – на Памир! – и содействует... взрыву туннеля? Абсурд. С какой стороны ни возьми.

В строительство вложены огромные средства, и не только Ревина. Зачем, спрашивается, сначала строить, а потом взрывать?

«Если взрыв туннеля организовали не киношники, то кто? – гадал Марат. – Зачем тогда они здесь? Снимают кино? Неужели господин Ревин такой рьяный поклонник кинематографа? И почему они назвали свой фильм «Взрыв в туннеле»? Слишком откровенно и привлекает внимание. Глупо... Возможно, они не имеют к настоящему взрыву никакого отношения».

Калитин решил поговорить с Борисом. Вдруг что-то да прояснится?

Но каскадер не сообщил ему ничего нового. Кроме того, что режиссеру Бахмету стало плохо в туннеле, он вышел, побрел куда глаза глядят и заблудился.

– Мы хотели его забрать, – жаловался Борис. – А доктор не позволил. Сказал, только утром. Ну, а ночью... сами знаете, что случилось. Теперь нас не выпускают отсюда, хотя всех уже допросили.

– Расспросили... – мягко поправил его Марат. – Вы уверены, что вам больше нечего добавить?

– Вроде нечего, – покачал головой Борис...

Глава 2

«Сны видит лишь тот, кто спит».

(из папирусов Древней Египта)

«Я буду скучать по тебе», – сказал Марат, когда они подошли к машине.

Это было так на него не похоже, что у Ангелины Львовны сжалось сердце. Она почувствовала острую, необъяснимую печаль. Ведь он вернется! Командировка – не дальний поход и не война. Почему же ей стало так одиноко, когда он захлопнул дверцу такси?

Она перебирала в памяти подробности их последнего разговора. Марат все расспрашивал о Ревине, какие-то мелочи... потом они просто болтали. О разном. Потом он неожиданно сказал:

– Я хочу вспомнить, кто я. Или кем был... Она не поняла.

– Что ты имеешь в виду?

– Сам не знаю. Наверное, эти «опусы» навеяли на меня странные мысли. Тот человек, который там... словом, я ведь так и не знаю, кто он. Может, я? Или кто-то другой?

– Это важно для тебя? – удивилась Ангелина Львовна.

Марат помолчал.

– Наверное, раз я все время об этом думаю.

Она молча смотрела на него. Он вдруг обнял ее и поцеловал. Поцелуй был коротким, как бы дружеским. Но приятным. Очень.

– Хочешь выпить?

Она впервые была у него дома и с интересом разглядывала обстановку. Хорошая мебель, техника, книги... дорогие вещи. За всем этим совершенно не проступала индивидуальность. Типовая квартира с евроремонтом.

Марат принес коньяк и фрукты. Налил ей и себе в бокалы из богемского стекла.

– Знаешь, что мне напоминает твоя квартира? – она повела рукой вокруг. – Гостиничный номер.

– Твои комплименты потрясают, Лина! – засмеялся Марат. – Никому бы не удалось сделать это лучше.

– Я надеюсь...

Им было легко вдвоем. Никаких обид, никаких претензий. Никакой фальши. Даже Марат почти не притворялся. Он просто существовал рядом с женщиной, которая будила в нем странные желания, томительный трепет юности... Казалось, весь его предыдущий опыт испарился, исчез. Может быть, так чувствовал себя Адам, первый мужчина на земле?

– Над чем ты смеешься? – возмутилась она. – Прекрати немедленно!

– Если бы ты знала, какие глупые мысли приходят мне в голову...

Они долго целовались в темноте, полной ночных шорохов и запаха апельсина. Потом пили коньяк и снова целовались. Потом, когда Ангелина захотела его по-настоящему сильно, как никогда в жизни не хотела мужчину, начало светать. Марат еле справился со своим собственным желанием. *Это* не должно произойти между ними вот так, впопыхах. Он опомнился, умылся холодной водой, постоял в ванной, глядя в зеркало и не узнавая себя... потом вызвал ей такси и проводил до машины.

Госпожа Закревская ехала домой по сонной Москве, утопающей в розовой дымке рассвета, и вспоминала поцелуи Марата, его лицо, когда он смотрел, как она садится в машину.

– Я буду скучать по тебе, – прошептала она, оглядываясь на его крепкую фигуру.

– Что вы сказали? – спросил водитель.

– Нет-нет... ничего.

Дома она набрала номер Самойленко.

– Олег?

– Черт тебя возьми, Ангелина! Ты хоть иногда, для разнообразия, смотришь на часы? – проворчал он.

– Нет.

– Это заметно.

– Твоя школа. Ты сможешь завтра... то есть сегодня принять моих пациентов?

– Если они захотят... А что случилось?

– Я не приду на работу. Жутко устала и хочу спать.

Она уснула, когда уже совсем рассвело. Мысли о Марате плавно перетекли в странную молитву...

*О, одновременность, пребывающая вне времен,
Раскрой мне объятия интуитивного постижения!*

*Приподними покров противоречий, скрывающий
суть вещей!*

Мы молим, чтобы Сын Солнца,
Стоящий сейчас здесь, был принят как ваги сын...
Заставьте же этот мертвый камень звенеть
священным голосом!

О, лучезарный Владыка Вечности, позволь нам
плыть

По реке бытия, сохраняя ум пустым, а сердце
легким...

О, священные символы полночного Солнца,
Скрытые в Шу – Великой Пустоте –
благословляющие Проникновение и Уход...

Слова молитвы, произносили нараспев высокие,
облаченные в золотистые одежды существа. Плечи их
покрывали львиные гикуры, а лица – золотые маски в
виде львиных голов.

Свод большого зала опирался на огромные колонны,
покрытые иероглифами. Стены украшали чудесные
фрески, выполненные красной, черной и белой красками.
Посреди зала, на выложенном мозаикой полу стояла
огромная золотая статуя, вокруг которой и
совершалась загадочная церемония.

– В полночь я вижу Солнце, сияющее
восхитительным светом! – провозглашал жрец с
золотым диском на голове.

Ему вторили все присутствующие, голоса которых,
подхваченные эхом, как бы обрушивались сверху вниз,
теряясь между колонн.

– Полночное Солнце – Дух, сияющий во мраке!
«Мра-а-а-ке-е-е...» – подхватывало эхо.

– Таинственный свет, оживляющий сущее!
Видимый в полночь так же хорошо, как и в полдень! Все
бессильно перед лучами твоими, о Божественный гиар!

«Ша-а-а-а-р-р-р...» – раздавалось под высокими
сводами.

– О Светило, при восходе одетое в голубой туман!
Ты – небесный гиар в полдень, сияющий и
блистательный Золотоволосый Спаситель Мира I Твой
цвет желтый, и власть твоя безгранична!

«...лрани-и-и-чна-а-а-а...»

– На закате ты исчезаешь в красном огненном одеянии за горизонтом, чтобы с триумфом возникнуть из объятий тьмы!

«...Ы-Ы-Ы-Ы...»

Ангелина Львовна в ужасе вскочила. Сидя на постели, она медленно возвращалась из своего странного сна в привычную обстановку комнаты. Таких ярких, осязаемых, полностью реальных снов она раньше не видела.

Захотелось вдохнуть свежего воздуха. Она поспешила к окну и распахнула форточку. Холодная сырость хлынула в легкие...

– Мне никогда не снилось ничего подобного, – бормотала она, делая судорожные вдохи. – Никогда... ничего подобного...

Тут же память услужливо подсунула ей предыдущее сновидение о смерти алхимика.

В сущности, ничего особенно пугающего ни в первом, ни во втором сне не было. Но эта невероятная, пронзительная ясность, достоверность происходящего наводили на Ангелину Львовну жуть.

Откуда берутся такие сны? На кафедре нас учили, что из подсознательного. В таком случае откуда берется это подсознательное?

На ее мысли как будто опустился испещренный золотыми знаками занавес, сквозь который она не могла смотреть ни вперед, ни назад. Прошлое и будущее казались одинаково размытыми, запутанными и недоступными для постижения.

Желание спать пропало. Только теперь доктор Закревская по-настоящему поняла пациентов, которых мучили кошмары. Они все боялись ночи.

Спать ей больше не хотелось, а чем занять себя, она не знала. Позвонить Марату? Невозможно. Он же уехал! Покинул Москву и не сказал, когда вернется.

«Там, куда я еду, вряд ли есть сотовая связь», – вскользь обронил он.

Ей не надо было объяснять, что это означает. И так понятно: он просит не звонить.

Время от времени он уезжал в свои таинственные командировки. Интересно, почему он обставляет их такой скрытностью? Может, старается быть загадочным? Это определенно возбуждает женщин. Имидж «крутого», слегка разочарованного супермена... И ведь прекрасно работает! Впрочем, не все ли равно...

– Мне все равно! – громко произнесла она.

Собственный голос показался ей странным. В памяти снова возникли

фигуры жрецов в золотых львиных масках, залитый светом зал, огромная золотая статуя посередине...

«Я не хочу об этом вспоминать, а картина сна сама лезет в голову, – подумала Ангелина Львовна. – Надо отвлечься. Помечтать о чем-нибудь. Хотя бы о встрече с Маратом. Как долго мы знакомы, а интимные отношения до сих пор не сложились. Мы оба делали вид, что нас связывает только дружба, взаимная симпатия. А это не так...»

Мысли о Марате навели на нее грусть. «Лучше почитаю что-нибудь», – решила она. Открыла книжный шкаф, постояла в раздумье. На глаза попала книга Юнга.^[1]

На третьей странице Ангелина Львовна осознала, что смысл написанного не доходит до нее. В воображении появляется образ из сна: золотая статуя, мерцающая в переливах света, словно спящее Божество, излучала первозданную величественную мощь...

Закревская тряхнула головой, отгоняя назойливое видение. Золотая статуя отделилась, но не исчезла.

– Буду читать книгу, – вслух произнесла Ангелина, думая, что это поможет ей углубиться в психологические изыски господина Юнга.

Не тут-то было. Столь привлекательное раньше чтение вызывало зевоту и ломоту в висках. Строчки расплывались перед глазами, не желая складываться в стройную последовательность. Каждое предложение утомляло монотонностью и отсутствием ясно выраженной идеи.

Золотая статуя из сна казалась гораздо более реальной, чем все рассуждения о предмете, который был так же непонятен автору, как и читателю.

«Неужели я долгие годы всерьез увлекалась подобным вздором? – поразила Закревская. – Я пыталась объяснить душу человеческую языком, не предназначенным для этого. Внутренний мир каждого из нас существует и развивается по собственным законам. Невозможно постигать дух, используя логику, предметы и формы...»

Памир. Община гуру Нангавана

Здесь, выше в горах, никто не знал о взрыве в туннеле. *Шраваки* продолжали жить по своему обычному распорядку. Утренняя медитация не обещала сюрпризов. Но... иногда происходит неожиданное.

– Вдохните и представьте себе, что вы выдыхаете, – монотонно бубнил

Нангаван. – Выдохните и представьте себе, что вы вдыхаете.

Он повторял эту фразу раз за разом, сидя в позе лотоса на теплом шерстяном ковре. Летом они медитировали, сидя на циновках, но сейчас приходилось пользоваться толстыми коврами. Пол оставался холодным, хотя печку топили каждый день.

Нангаван не выспался и чувствовал себя скверно. Ночь он провел в лихорадочных раздумьях, метаясь между двух огней. То он проклинал себя за принятый им дьявольский дар, то успокаивал свою совесть тем, что сверхъестественные способности даны ему Высшим Разумом не случайно, а для выполнения *миссии*. Следом возникал вопрос, какова же эта *миссия*?

«Что я должен делать? – мучился Нангаван, теряясь в догадках. – Может быть, производить золото и раздавать его страждущим? Кормить нищих? Защищать убогих? Использовать неиссякаемые средства на строительство больниц? Финансировать новейшие медицинские исследования? Что от меня требуется?»

В его воображении разворачивались грандиозные акции благотворительности, в которых он играл главную роль защитника обиженных и покровителя несчастных. Это выглядело следующим образом: Нангаван стоял на высоком пьедестале и держал в руках рог изобилия, из которого под восторженные крики толпы нескончаемым потоком лилось золото...

Потом вдруг сию торжественную картину сменяла трагическая судьба Фауста. Дьявол сначала дает насладиться роковым подарком, а затем... взыскивает с должника страшную плату.

«Чур меня, чур, чур...» – бормотал Нангаван.

Кроме золотого самородка, найденного им в пещере, никаких других проявлений чудесных способностей не было, хоть тресни. Он старался и так, и сяк... никакого результата. Ни ясновидения, ни телепатии, ни умения двигать взглядом предметы, ни волшебных превращений – ничего. И Нангавану захотелось проверить свой дар.

Поздно ночью, когда все члены общины уснули, он крадучись выскользнул из дому и поспешил в пещеру. Там он долго сидел, изо всех сил стараясь вообразить себе, как буквально из воздуха возникает кусок золота... Напрасно. Вокруг него на полу пещеры валялись обыкновенные камешки, даже отдаленно не похожие на желтый металл.

Нангаван похолодел. Судя по всему, Высший Разум разочаровался в нем и решил наказать недостойного. Зачем человеку способности, которые пугают его? Вместо того чтобы радоваться и благодарить провидение, он дрожит от ужаса, мучается и не спит ночами. Такой глупец не заслуживает

внимания Высших Сил.

«Господи! – взмолился Нангаван, ползая по полу и судорожно перебирая камни. – Прости меня за мои сомнения! Я болван! Мне не хватило мудрости понять, чего я удостоился. Я искренне раскаиваюсь и умоляю вернуть чудесный дар! Клянусь, что сумею правильно распорядиться им!»

По щекам Нангавана текли слезы. Он уже забыл все свои страхи по поводу дьявольских проделок и мечтал только об одном – вернуть себе божественный дар.

Время либо остановилось, либо пролетело слишком быстро. Над горами затеплился хмурый рассвет. Нангаван, измученный и отчаявшийся, не заметил, как задремал.

По небу плыли сизые тучи. Моросил дождь. Весенняя сырость пробирала до костей, и Нангаван проснулся от холода. Было слышно, как по редким арчовым кустикам у входа в пещеру шуршат капли.

Становилось все светлее. Нангаван с трудом поднялся. Тело затекло, голова гудела, во рту ощущалась противная горечь. Сгорбившись и тяжело ступая, он побрел к выходу. И вдруг... среди камешков что-то блеснуло. Боясь поверить своим глазам, Нангаван встал на колени, нерешительно протянул дрожащую руку... На ладонь тепло лег маленький, похожий на фисташку, кусочек золота.

Учитель гнал от себя мысль, что камешком мог оказаться самородок, незамеченный им в прошлый раз. Нет! Только не это! Дух Горы сжалился над Нангаваном и вернул ему волшебную способность! Он снова имеет власть над золотом...

Возвращаясь в дом, Нангаван, сам того не желая, снова подумал о коварстве Сатаны. Разве тот не привык использовать в своих целях пороки людей? Алчность, например. Или гордыню.

«Ведь я хочу стать великим, – признался себе Нангаван. – Следовательно, я поддался греху гордыни».

Он опять запутался. Отступивший было страх охватил его с новой силой.

– Вдохните и представьте себе, что вы выдыхаете, – продолжал бубнить Нангаван. – Выдохните и представьте себе, что вы вдыхаете.

Он произносил эти слова машинально, они не мешали ему думать о своем. Например, о грехе или о *миссии*, которая так и оставалась непонятной ему.

– Учитель! Учитель! – завопил Хаким, вскакивая со своего места и возбужденно размахивая руками. – У меня получилось! Я смог!

Нангаван вздрогнул. Он не сразу сообразил, о чем идет речь.

– Я знаю! Я все понял! – продолжал вопить Хаким. – Я свободен! Я...

От избытка чувств у него перехватило горло. Остальные *гираваки* тоже повскакивали. Никто не понимал, что происходит. Наконец всеобщее волнение улеглось, и Хаким смог рассказать о своих ощущениях во время медитации.

– Я сидел и выполнял то, что говорил Учитель. И вдруг, непонятным образом, встал, расправил плечи и вздохнул полной грудью. В этот же самый момент я увидел, что мое тело продолжает сидеть в позе лотоса у моих ног...

– Тебе не показалось? – недоверчиво спросил Криш. – Анаша, гашиш, опиум... Может, ты чего-то накурился?

– Я не курю, – возмутился Хаким. – Тем более наркотики. С какой стати? Я сидел, медитировал, и...

– А сейчас ты тоже видишь свое тело со стороны? – перебил его Белкин.

– Сейчас? Нет...

Хаким растерянно замолчал.

– Почему?

– Ну... я полагаю, это было мимолетное ощущение. Я слишком обрадовался, вскочил и все испортил, – огорчился Хаким. – Но мне не показалось! Я в самом деле стал чем-то отдельным от своей плоти...

Нангаван не верил ушам. Судя по рассказу Хакима, тот получил просветление во время медитации. Сам гуру так долго медитировал, что успел разувериться в результате. Ему пришла в голову *миссия*. Может, это еще один полученный им божественный дар – способствовать просветлению духа?

На всякий случай он пока промолчал. Как же ему отрешиться от гнетущих сомнений? Они разъедают душу подобно червям, способным испортить любой, самый прекрасный плод.

Остаток дня прошел в обсуждении нового состояния Хакима. Все пришли в возбуждение. Привычный ход вещей был нарушен. Криш бродил по дому в глубокой задумчивости, Белкин непрерывно жевал орехи. Длинный Витек без конца протирал свои очки, то снимая их, то надевая обратно. И даже молчун Яков сказал по этому поводу пару слов.

– Завидую тебе, брат, – пробормотал он, обнимая Хакима. – Ты вдохновил всех нас. Какое счастье, что надежды сбываются!

Хаким же пребывал в состоянии эйфорического восторга. Что-то должно измениться. Просветление не дается просто так! За ним следуют

еще более изумительные, потрясающие явления. Замирая в предвкушении неведомого счастливого будущего, Хаким уснул. И ему приснился странный сон. Как будто неизвестный голос позвал его куда-то.

– Ты должен найти его... – твердил голос.

– Кого? – не понял Хаким.

Голос затих на время... и зазвучал снова, теперь уже громче.

– Ищи его! Ты должен!

Повинуясь голосу, Хаким поднялся и, подобно лунатику, зашагал к выходу. У дверей он оглянулся на свое тело, которое неподвижно лежало, укрытое двумя шерстяными одеялами.

Ветер разогнал тучи, и на черном небе висела зловещая луна в мутном ореоле. Хаким брел наугад, послушный некоему внутреннему импульсу, который вел его вперед. Он не видел дороги и удивился, оказавшись у пещеры, где любил медитировать в одиночестве Учитель.

– Кто ты? – задал Хаким вопрос голосу. – И зачем привел меня сюда?

В ответ – тишина. Равнодушно мерцали далекие звезды. В лунном свете скалы казались уродливыми исполинами, обступившими маленького ничтожного человечка. Хаким хотел испугаться и не смог. Его эмоции притупились. Влекомый все тем же загадочным импульсом, он двинулся дальше...

– Ищи его! Он здесь, рядом! – приказал голос.

– Да что? Что я должен искать? – возмутился Хаким.

Он заметил, что идет совершенно бесшумно. Под его ногами ничего не похрустывает, не шуршит.

– Теперь сюда! – позвал голос, увлекая Хакима в отверстие между скалами. Игра света и тени делала эту узкую щель почти невидимой. – Ищи здесь!

Хаким попытался втиснуться в щель, и ему это удалось. «Настоящее тело ни за что не пролезло бы сюда», – подумал он.

Между скалами стояла непроглядная тьма.

– Мне ничего не видно, – успел пробормотать Хаким, и у него... открылось второе зрение.

Возможно, это именно так и называется. Он не знал, как сказать об этом более правильно. Темнота оставалась все такой же густой и вязкой, но глаза Хакима начали видеть. Внутри скальной щели поверхность была ребристой, покрытой множеством продольных углублений.

– Ты почти у цели! – сообщил голос.

Хаким стоял, не зная, что ему делать дальше. Он поворачивал голову, рассматривая углубления. Скалы казались зеленовато-голубыми в темноте,

и Хаким отметил необычайную четкость рельефа. Одно из углублений показалось ему привлекательным. Рука сама потянулась туда, ощупывая шершавые стенки, пока не наткнулась на что-то гладкое.

– Ты нашел его! – радостно воскликнул голос, и... все пропало.

Хаким проснулся. Он лежал на своем жестком ложе и слышал храп толстяка Белкина.

– Белыч, черт тебя побери, опять рычишь, – проворчал Длинный, вставая в туалет.

Он выходил по малой нужде раза два-три за ночь. И по дороге обязательно будил толстяка, чтобы тот перестал храпеть. На несколько минут в комнате воцарялась тишина. Когда Длинный возвращался, Белкин уже снова выводил замысловатые рулады.

Хаким не смог заснуть до утра. Он лежал с открыты – ми глазами и вспоминал «ночное путешествие». Дорогу, залитую луной, скалы и узкую щель между ними... Все так ясно стояло у него перед глазами!

Когда жидкий рассвет полосами растекся по комнате, Хаким принял твердое решение пойти и проверить, существует ли на самом деле *тот проем в скалах*. Его рука еще хранила ощущение прикосновения к чему-то гладкому, не похожему на обычные камни...

Глава 3

Галактика Эол. Далекое прошлое

Долгие часы ожидания утомили Тэлла Элакриэна. Тяжесть навалилась на плечи. Утратив связь с Хелионом, он почувствовал себя забытым всеми. Впрочем, это скоро пройдет. Его одиночество закончится. «Этлон» – звездолет Тэлла – достигнет зоны, где станет возможной связь со станцией координации полетов Хелиона. Операторы станции всегда в курсе последних новостей, они владеют самой полной информацией обо всем, что может потребоваться пилотам.

Глядя в простирающиеся перед ним безмолвные дали Вселенной, Тэлл пытался уловить смысл ее молчания. Голографическое изображение точно воспроизводило картину ближнего космоса за бортом «Этлона» – гигантскую карусель звезд, словно между пилотом и космосом не было прочной, непроницаемой для излучений оболочки корабля.

Если бы кто-нибудь сейчас увидел Тэлла, то решил бы, что перед ним юный Бог, сидящий в облаке солнечного света и придиричиво оглядывающий свои творения. Его величественная фигура имела внушительные размеры. Лицо отличалось безупречным совершенством: высокий лоб, изысканная форма носа, красивые губы и особый разрез глаз. Сверкающий взгляд Тэлла завораживал. Гладкая, как зеркало, кожа с оттенком золота переливалась; короткие блестящие волосы ложились витыми прядями, оставляя лоб открытым. Пышное одеяние из яркой «атласной» материи, богато украшенное золотым орнаментом, напоминало «платье короля». Кто бы мог подумать, что перед ним простой пилот!

– Элакриэн, это Ари. Ты меня слышишь? Прервавшаяся связь возобновилась. Голос оператора казался взволнованным.

– Слышу, – без промедления ответил Тэлл.

– «Эрбор» обнаружен. Наши предположения оправдались, и скоро ты сможешь осмотреть его. Неизвестно, что там произошло. Будь осторожен.

– Я понял.

Речь шла о корабле, на котором Манфи в последний раз покинула Хелион и... пропала. Множество запросов, отправленных со станции на «Эрбор», оставались без ответа, долгие поиски не давали результатов. Время шло, а Манфи как в воду канула. И все же космические службы

Хелиона упорно продолжали искать корабль. Их волновала судьба пилота.

«Эрбор» оказался совсем не в той части галактики, где ему следовало быть, согласно заданию, полученному Манфи.

На связь с Ари вышли ацтланы, загадочные для жителей Хелиона существа, люди-птицы. Они заметили в своей солнечной системе покинутый звездолет, похожий на корабли Хелиона. По описанию Ари узнал «Эрбор». Оператор получил от ацтланов изображение корабля, и последние сомнения рассеялись.

Завершая в космосе свою работу, Тэлл не раз задумывался о возвращении на Хелион. О том, что не увидит Манфи, не дожидая ее из полета. Это повергало его в уныние. Теперь, когда он получил сообщение об «Эрборе», о возвращении на Хелион можно на время забыть.

«Наконец-то!» – мысленно воскликнул Элакриэн и занялся расшифровкой полученных данных. Он отключил голографический экран. Как по волшебству, картина космоса исчезла, и обстановка вокруг Тэлла мгновенно изменилась. Теперь его окружал роскошный интерьер, характерный для космических кораблей Хелиона.

Внутреннее убранство помещений «Этлона» поражало обилием предметов и богатством отделки. Несколько круглых рабочих кабинетов, расположенных в центре корабля один над другим, видеобиблиотеки, кабина управления и зоны отдыха больше напоминали палаты дворца, нежели отсеки космического корабля. Задрапированные сверкающей тканью стены, ярко-красная мебель, хрустальные лифты. Их прозрачные кабины мгновенно и бесшумно доставляли пилота куда следует.

Корабли Хелиона напоминали огромные драгоценные дворцы, на сооружении которых не экономили. Космические суда должны обеспечивать максимальный комфорт и отвечать самым взыскательным требованиям пилотов и пассажиров.

На «Этлоне» пассажиров не было. Тэлл Элакриэн являлся единственным его обитателем.

В излюбленном им верхнем кабинете стояла скульптура большой черепахи, выполненная из золота в натуральную величину. Ее массивный рельефный панцирь был покрыт множеством замысловатых символов, изрезан концентрическими линиями разной толщины. Выпуклые янтарные глаза черепахи светились изнутри, словно живые. Тэллу никогда не надоедало любоваться ею. Черепаха напоминала ему Хелион, родной дом... и Манфи. Манфи любила забираться на черепаху верхом, делая вид, что едет. Как давно это было...

Большую часть времени Тэлл проводил в кабине управления, за

компьютером. Расшифровав данные об «Эрборе», он попытался установить связь с кораблем. Запросы, отправленные им на бортовой компьютер «Эрбора», по – прежнему оставались без ответа.

Тэлл знал, что Манфи умерла.

Жители Хелиона не теряли связь с теми, кто по той или иной причине ушел из жизни. Существовал еще второй, незримый Хелион – астральный двойник их планеты, где среди красоты и роскоши пребывали души умерших. Когда они вновь вступали в жизнь, получая власть над телом, то не забывали о тонком мире, приютившем их на время. Увы, теперь многим приходилось слишком долго ждать своего часа. Некоторые успели потерять надежду обрести иную жизнь, привыкли к своим тонким телам и постепенно стали забывать мир твердых форм. Мысли беспрепятственно проникали туда и обратно, чтобы живые могли общаться с «мертвыми», и наоборот.

Тэлл знал – разлученные смертью влюбленные видятся в снах и могут обмениваться телепатическими потоками. Почему же с ним все иначе?

Множество раз Тэлл звал Манфи, умоляя ответить ему. Но все его усилия оказывались тщетными. Манфи безвозвратно канула, исчезла...

«Манфи, где же ты? – с горечью вопрошал он. – Почему ты не отвечаешь?! Почему покинула меня?»

В последнее время Элакриэн часто вспоминал огромный и величественный храм «Хели», где он и Манфи в знак любви обменялись золотыми браслетами. Как будто невысказанная мудрость, живущая в старых стенах храма, могла помочь ему вернуть утраченное счастье... Иногда Тэлл полностью погружался в прошлое. Он грезил и видел радостные глаза Манфи, ее чудесный наряд, ослепительные искры свадебных фейерверков. Полуденное солнце озаряло око гигантской золотой рыбы, украшавшей верхушку храма. Тэлл едва не таял в его лучах, ощущая, как их с Манфи чувства сплетаются, словно звуки одной мелодии.

Как много всего произошло с тех пор. Как много изменилось! Обитатели Хелиона переживали не лучшие времена. Их великолепные тела в значительной мере состояли из золота, которое по неизвестной причине начало истощаться. Цивилизацию ожидала гибель.

Элакриэну, как и другим пилотам, часто приходилось покидать свою планету в поисках золота. Оказалось, что этот благородный металл обладает разными свойствами в зависимости от того, под каким солнцем он родился. Не всякое золото могло спасти обитателей Хелиона.

Тэлл стал одним из лучших «космических странников» и приобрел ценный опыт, который считался достоянием всех хелионцев. Они умели

почитать и хранить обретенные знания. Их блистательная культура, несмотря на угрозу полного исчезновения, стала одной из самых великих в галактике Эол.

Манфи не нравилось подолгу ждать Тэлла из полетов. Она увлеклась той же страстью к открытиям и далеким звездам и стала пилотом. Тэлл и Манфи встречались все реже и реже, отчего их чувства особенно обострились. Как бы далеко друг от друга они ни находились, оба могли видеть на своих браслетах «звезду влюбленных» – лучистую зеленую точку, которая пульсировала в такт биению их сердец.

Элакриэн не мог даже предположить, что однажды традиционный свадебный подарок причинит ему такую боль. В сознании Тэлла накрепко запечатлелись минуты, когда он считал слабеющие удары сердца своей возлюбленной и знал, что ничем не может помочь ей. Он видел, как замер последний импульс, и «звезда влюбленных» на его браслете угасла...

Его сковала тяжелая, жуткая неподвижность. Тэлл не чувствовал, как катились слезы по его застывшему лицу.

Не верилось, что кто-то мог причинить вред Манфи, посмел разрушить ее тело, красота которого была достойна поклонения. Что теперь нигде во всей Вселенной больше не сияют ее чудные, дерзкие и нежные глаза...

Элакриэн ощущал себя пустым и холодным, как заброшенная планета, на которой нет ничего, кроме злого смертельного ветра. Жизнь померкла, подобно светилу, вся энергия которого растрочена напрасно. «Час судьбы...» – именно тогда впервые ему на ум пришла эта странная неоконченная мысль.

Воспоминания разбудили притаившуюся боль. Тэлл никак не мог сосредоточиться.

Чтобы добраться до указанного Ари участка галактики, ему понадобится преодолеть огромное расстояние. Именно ему, Тэллу, предстоит разобраться, что произошло с того момента, как исчезли «Эрбор» и Манфи.

Он не думал о том, что может увидеть на обнаруженном корабле, который столько времени «висел» в космосе, не подавая сигналов. Не гадал, кто или что погубило Манфи и теперь подстерегает там его? «Час судьбы» снова настал для Элакриэна.

– Именно я оказался ближе всех к «Эрбору»! – ли – ковал он. – Манфи! Манфи! Если бы ты могла меня услышать!

Тэлл готовился к долгим часам сна. Пока «Этлон» доставит своего пилота в нужное место, пройдет немало времени. Он выполнил все

расчеты, установил режим работы бортового компьютера. Маленький таймер, встроенный в золотой перстень на его руке, начал отсчет минут, в бесконечном течении которых «Этлон» наберет нужную скорость и помчится куда следует. Оставалось занять место в камере пассивного присутствия и позволить сну завладеть умом и телом.

Никто из пилотов Хелиона не любил эту вынужденную меру. Лежа на мягкой поверхности внутри камеры, Тэлл чувствовал, как забытье медленно заволакивает его сознание... и вот он уже парит внутри большого светящегося шара, одинокий и ничем не владеющий. За порогом сознания раскрывал свои объятия океан безмолвия, окунувшись в который можно забыть все...

– Тэ-э-эл-л! Тэ-э-эл-л-л!

Голос Манфи встревожил и удивил его.

– Манфи? Ты здесь?

– Нет...

– Ради небес, где ты? Что с тобой?

– Не знаю... я ничего... не знаю...

– Манфи, где ты? – настойчиво повторял Тэлл. – Отзовись... откликнись... подай мне знак!

Он напряженно ожидал ее ответа. Его окружала все та же белая молочная пустота, которая иногда становилась прозрачной.

– Манфи, скажи мне хоть что-нибудь! – просил он.

– Я сама... я сама остановила свое сердце. Мне показалось... нет другого выхода. Но я ошиблась. Я ужасно ошиблась, Тэлл!..

Он почувствовал, что она плачет...

Планета Земля. Памир. Наше время

Инженер-геодезист Дрозд вполне оправдывал свою фамилию. Крупный, выдающийся вперед нос делал его похожим на птицу. За ним специально посылали военный вертолет, чтобы получить пояснения относительно взрыва.

Батыркулов не понимал, зачем это нужно.

– Вы понимаете, что такое геодезия, господин Багров? – раздраженно спрашивал он Марата.

Калитин, то бишь «эксперт Багров», толком не понимал. Но признаваться в своей некомпетентности не собирался. И задал встречный

вопрос.

– Место для строительства туннеля выбирал он?

– Место для туннеля определяют геологические изыскания, – с трудом сдерживаясь, ответил Батыркулов. – Прикажете и геологов сюда вызвать?

– Не мешало бы...

– Ну, знаете ли! – взвился председатель комиссии. – Это уж слишком! При чем тут геологи и геодезисты? Какое они имеют отношение к взрыву? Вот если бы туннель просто обвалился, тогда конечно...

Марата забавляла его злость.

– Геологи были здешние? – как ни в чем не бывало поинтересовался он.

Батыркулов с шумом надул щеки. Однако посмотрел-таки по документам. Настырность Багрова и глупые вопросы, которые тот задавал, возмущали главу комиссии. Но... делать нечего: он получил строгое распоряжение оказывать москвичу всяческое содействие.

– Геологи приезжали из Москвы! – с изрядной долей ехидства сообщил он «эксперту». – Прикажете послать за ними?

«Багров» махнул рукой.

– Ладно, не стоит.

Ему вдруг пришла в голову мысль, что московские геологи тоже могут быть связаны с Ревиным. Наверняка это он посодействовал. Значит, место для туннеля выбрано не случайно. Над этим фактом придется подумать. Потом.

В любом деле Марат прислушивался к своей интуиции вместо того, чтобы слепо исполнять инструкции. Вот и сейчас у него возникло убеждение: не все так просто. Разгадка кроется не в конце, а в начале. Чтобы выяснить, кто и зачем устроил взрыв, надо понять, кто и зачем решил строить туннель именно здесь.

Беседуя с Дроздом, Марат пытался установить сей факт.

– Как вы думаете, по какой причине произошел взрыв? Может быть, террористический акт? Все же афганская граница рядом.

– Фигня все, – сердился геодезист. – Тут боевики сроду не появлялись. Потому как на этом участке вдоль границы непроходимые горы. Возьмите карту и посмотрите. Можно пограничников спросить, они вам то же самое скажут.

Марат уже изучил карту прилегающей местности и был полностью согласен с Дроздом. Просто он решил так построить беседу. Зайти издали.

– С этим туннелем сразу возникли проблемы! – выпалил Дрозд. –

Дохлае место...

– Что вы имеете в виду?

– Видите ли, каждый геодезист имеет свою ошибку глаза... но таких просчетов, как здесь, я давно не помню. Чертовщина какая-то! Этот туннель решили строить с двух сторон. Понимаете? Значит, должен быть стык...

– То есть?

– Ну, в определенном месте две проходческие бригады должны встретиться. А не вышло. Не встретились. Пришлось вносить поправки, то да се... Крику было! Паршин, начальник строительства, чуть меня не сожрал. Матерился, как последний грузчик! Но я делал все точно, голову даю на отсечение. Дрозд в геодезии не новичок. Меня вся страна знает.

– И все-таки ошиблись?

– Не знаю, как это объяснить. Длина проходки небольшая. Плевая длина. Для ориентирования подземной основы – оси туннеля – я использовал гирокомпас.^[2] Он дает максимальную точность. Можно, конечно, отклониться, но не настолько же?!

– Вы полагаете, на гирокомпас что-то повлияло?

Дрозд долго молчал, смотрел мимо Марата вдаль, где в облачной дымке терялись очертания горной гряды. Потом тяжело вздохнул.

– Не знаю... Если скажу то, что думаю, вы меня за идиота примете. А врать не хочется. Не люблю я этого.

– Рискните, – улыбнулся Марат. – Вдруг встретите в моем лице единомышленника?

Инженер окинул «эксперта» недоверчивым взглядом.

– Меня и так считают алкашом и бабником. Не хватало еще заработать репутацию чокнутого.

– Вы правда бабник?

– Что мне остается делать, по-вашему? – усмехнулся Дрозд. – Вся моя жизнь проходит в командировках. Какая женщина станет терпеть такого мужика в доме? Я, между прочим, третий раз женат. И думаю, не последний.

– Курите?

Марат вытащил пачку сигарет, протянул геодезисту. Тот взял две штуки.

– Давно не баловался такими... Эх, житие мое бестолковое! Питаюсь всухомятку, сплю где попало, о горячем душе приходится только мечтать. Как тут без водки обойдешься?

Он зло пускал дым из ноздрей, молчал.

– Вы говорили что-то о гирокомпасе... – напомнил Марат.

– Да... Странное это место, – Дрозд повел рукой в воздухе. – Горы, туннель... и все прочее. Жутко мне здесь было. Я даже напился, когда уезжал.

– Почему жуткое?

– Чувствуется что – то этакое... худое. Как будто за то – бой постоянно наблюдают. Гирокомпас опять же... дал офигенную погрешность. Но ведь такого не бывает! Одним словом, я когда под землю спускался, не чаял выбраться поскорее. Вернее, даже не под землю, а внутрь горы... там сразу ледяная дрожь пробирала. Аж зубы стучали. Водка и та не помогала. Только вы не подумайте, будто я напивался на работе. Это потом, в вагончике... выпить и отрубиться, чтобы кошмары не мучили.

– Что вас пугало? – спросил Марат. – Может, видели что-то? Или слышали?

Дрозд покачал головой.

– Если конкретно, то ничего... Не могу я этого объяснить! Вот, например, идешь вдоль высоковольтной линии, и вокруг тебя воздух гудит, потрескивает. А ничего не видно. Поле... понимаете? Так и в туннеле. Сейчас, конечно, все по-другому: внутри горы полно народу, техники, свет проведен, вентиляция. И все же... многим там становится не по себе. Почему? Кто знает?

Марат понял, что инженер рассказал все. Дальнейшие расспросы ни к чему не приведут.

– Спасибо вам, – сказал он, вставая. – Вы мне очень помогли.

– Надеюсь, – усмехнулся Дрозд. – Из-за чего взрыв произошел, я понятия не имею. Только геодезия тут ни при чем.

После беседы с геодезистом Марат отправился в ки – шлак, где жили киношники. Надо было поговорить с Бахметом, но он решил сделать это завтра. Тем более что режиссер оставался в медпункте. Господин «Багров» заручился обещанием двух милиционеров, что Бахмет будет под строжайшим присмотром, завел мотоцикл и пустился в путь.

Горная дорога была ему не в новинку, а крутые повороты доставляли настоящее удовольствие. Солдаты из оцепления дважды проверяли у него документы, из чего Марат заключил, что подходы к туннелю под надежной охраной.

Кишлак лепился к горам, как птичьи гнезда. Стены домов в грязных потоках. Белить их будут позже, к лету. У дороги притулился к корявому дереву автобус. Видимо, транспортное средство съемочной группы. Один остался возле туннеля, а второй здесь.

Марат соскочил с мотоцикла и осмотрелся. Пожилая таджичка, переваливаясь, несла ведро с водой.

– Где тут живут приезжие из Москвы? – спросил Марат.

Она долго жевала губами, качала головой.

«Не понимает по-русски. Или глухая», – рассудил Кали тин и показал рукой на автобус. Женщина обрадованно кивнула, жестом показала, чтобы шел за ней. У большого забора она остановилась, переминаясь с ноги на ногу.

– Понял, – сказал Марат, улыбаясь как можно приветливее. – Спасибо.

Таджичка пошла дальше, а он толкнул калитку на ржавых петлях. На пороге дома стояла дородная тетка с платком на высокой прическе. Платок был яркий, в красных и желтых разводах. По двору лениво бродили овцы.

– Здравствуйте, – вежливо произнес Марат. – Я к вам. Из Москвы.

Женщина продолжала смотреть на него непонимающим взглядом. Он заметил, что ее глаза мокры от слез.

– Что-то случилось?

– Вы кто? – вместо ответа спросила она.

– Я к Ларисе Мельниковой, привез письмо от мужа. Могу я с ней поговорить?

– К Ларисе? – женщина чуть посторонилась, пропуская его в дом. – Меня зовут Глафира, – представилась она. – Мы живем вместе.

– Очень приятно, – слегка поклонился Марат. – Алексей Багров, знакомый Мельникова.

Он решил пока не представляться «экспертом». Люди будут чувствовать себя свободнее, глядишь, и расскажут что-то интересное.

Глафира повела его в комнату, забитую ящиками и одеждой.

– Это наша с Ларисой комната, – сказала она. – Садитесь на ящик, больше некуда. Здесь все инвентарь. Тесно, не повернешься. Я администратор, а Лариса – моя помощница.

Она замолчала и только шмыгала носом.

– Могу я...

– Чаю хотите? – перебила его Глафира.

– Не откажусь.

– Вам какой? Мы с Ларисой зеленый пьем.

– Давайте зеленый, – кивнул Марат.

Глафира шумно вздохнула, от чего ее пышная грудь соблазнительно всколыхнулась.

– Я сейчас...

– А где Лариса?

Из глаз администраторши хлынул такой поток слез, будто прорвало шлюзы.

– Нет ее., не-е-ет... – захлебываясь, рыдала Глафира. – Пропа-а-а-ла Лари-и-са... сгинула-а-а...

– Простите? – не понял Калитин. – То есть, как сгинула?

– И-исчезла она... Вчера еще была, а нынче... я проснулась... Ларисы не-е-ет...

Глава 4

Галактика Эол. Далекое прошлое

Элакриэн проснулся. Атмосфера «Этлона» вновь наполнилась драгоценной золотистой воздушной средой. Тяжело выплывая из забытья, Тэлл слышал гул машины, опускающей камеру. Когда та открылась, он все еще оставался неподвижным и безразличным ко всему. Таймер громко пищал, напоминая, что пилот должен полностью прийти в себя.

– Элакриэн, это Коэр, новый оператор. Как самочувствие?

С трудом пошевелившись, Тэлл шумно вздохнул.

– Слышу вздох. Как дела? Ты в порядке?

Коэр впервые сидел за операторским пультом и волновался, поэтому его голос звучал не слишком ободряюще. Стоявший рядом Ари, самый опытный оператор станции, понимающе улыбнулся. Однако и он чувствовал легкое волнение. Нельзя было допустить потерю еще одного пилота, еще одного жителя Хелиона, которых оставалось все меньше. Ни в коем случае!

– Все хорошо, Коэр, – отозвался Элакриэн.

– «Этлон» у цели. Мы видим у себя на экране твой корабль и «Эрбор», – поспешно сообщил оператор.

Пожалуй, слишком поспешно. Ари мягко положил руку на плечо помощника.

– Будь на связи, – уже спокойнее сказал новенький.

– Да, Коэр.

Наконец Элакриэн смог подняться и сесть в лифт, который мгновенно доставил его в кабину управления.

– Включи экран, – распорядился Тэлл, и бортовой компьютер «Этлона» тут же исполнил команду пилота.

Космос «ворвался» внутрь корабля.

«Вот он»... – мысленно отметил Элакриэн, увидев «Эрбор».

Его сердце болезненно сжалось. На фоне россыпи далеких звезд гладкое голубовато – зеленое тело «Эрбо – ра» казалось огромной застывшей глыбой льда.

Тэлл увидел на экране Теуатль – капризное солнце, которому поклоняются ацтланы, – и красный шар их планеты Ацтланики.

Коэр молчал. Ари заранее предупредил его о том, что важные сообщения не следует делать сразу после пробуждения пилота. Надо дать тому возможность самому охватить картину ближнего космоса и только потом уточнять обстановку. Сложная сеть удаленных спутников-наблюдателей обеспечивала операторам возможность видеть происходящее в любом заданном районе. Разумеется, в пределах их сектора галактики.

– Тэлл, тебе решать, как поступить с «Эрбором», – сказал Коэр, когда почувствовал, что время пришло.

Его слова нарушили тягостное молчание.

– Я понял.

Элакриэн переключил экран на режим плотного сканирования. Невидимые лучи пронизывали «Эрбор», позволяя видеть, что там внутри. Груз золота на борту корабля оказался нетронутым.

Манфи... Как ни старался, Тэлл не обнаружил никаких следов ее присутствия.

«Каким образом «Эрбор» мог оказаться здесь?» – удивлялся он.

Оставался еще один шанс узнать хоть что-то – просмотреть записи *кассиореса*, установленного на «Эрборе». Так назывался сверхчувствительный и точный прибор, в сердцевине которого жили своей особенной жизнью кристаллы. Они умели не только воспринимать и надежно хранить информацию, но еще общаться с пилотами и себе подобными прозрачными собратьями в аналогичных приборах. На близком расстоянии можно было осуществить связь между памятью кристаллов с обеих кораблей. Возможно, там хранится разгадка случившегося с Манфи.

Элакриэн обратился к *кассиоресу* «Этлона». Он потребовал установить связь с аналогом на «Эрборе», надел на голову специальный шлем-приемник и приготовился к сеансу трансляции запечатленных образов. Некоторое время он сидел с закрытыми глазами, сосредоточившись, пока не увидел внутренние помещения «Эрбора».

«Как темно! Плохо...» – мысленно отметил Тэлл.

Очень некстати он подумал о том, что «Эрбор» – корабль Манфи. В груди родилась тоска...

Элакриэн невольно открыл глаза. Он сидел в мягком кресле кабины управления и видел перед собой голографическую картину космоса. Связь между кристаллами обеих кораблей нарушилась. Рассердившись на себя, Элакриэн резко снял шлем и вскочил с кресла. Теперь надо начинать все сначала.

Подавив вспышку гнева, он сел на прежнее место, приготовился восстановить связь и закрыл глаза. Ему хотелось сохранить «Эрбор». Для

него слишком дорого все, что связано с Манфи.

«Если бы я смог каким – то чудом включить бортовой компьютер «Эрбора», – думал он.

Тэлл снова увидел кабину управления «Эрбора». Яркая вспышка откинула его назад, расслабленное тело резко дернулось. Однако ему удалось сохранить спокойствие, и связь не прервалась.

– Кто здесь? – воскликнул Элакриэн и вспомнил, что он всего лишь наблюдатель, который просматривает память кристаллов.

Тэлл напряг все свое внимание, но не смог уловить никаких признаков постороннего присутствия на борту «Эрбора». Звездолет был необитаем. Вспышка, на которую среагировал Элакриэн, – всего лишь след уничтоженной памяти кристаллов. Сомнений больше не осталось: Манфи погубил чей-то злой умысел. Брошен вызов не только Тэллу, который любил ее всем своим страстным и нетерпеливым сердцем. Брошен вызов каждому жителю Хелиона.

Что он мог сделать? Виртуальное присутствие на «Эрборе» начинало угнетать его. Пожалуй, так он ничего не сможет предпринять.

«Я должен придумать способ оживить компьютер корабля Манфи», – решил Элакриэн.

Снимая шлем, он продолжал думать, как ему поступить. Он ужасно устал. Затекающее тело неприятно ныло. Глянув на табло отсчета времени, пилот почувствовал себя несколько сбитым с толку. Неужели сеанс виртуальной связи продолжался так долго?

Элакриэн понимал, что обязан принять решение. В таких случаях он использовал неписаное правило: думать о себе, как о постороннем, который мог попасть в похожую ситуацию. Он не должен ошибиться. Кроме того, Тэлл боялся упустить любую мелочь, способную натолкнуть его на догадку: что случилось с Манфи и почему «Эрбор» оказался рядом с Ацтланикой.

Первым побуждением Тэлла стало желание отправиться на «Эрбор» самому, осмотреть его как следует, наладить при помощи *кассиоресов* связь и восстановить в памяти компьютера информацию, необходимую для управления кораблем. «Этлон» и «Эрбор» были из одной серии, их устройство совпадало до мельчайших деталей.

– Воздушная среда «Этлона» на десять процентов ниже нормы, – любезно сообщил контролер режимов жизнеобеспечения.

Тэлл уже видел показания приборов и знал, что процент содержания золота в воздухе заметно упал. Значит, скоро он будет ощущать дискомфорт. Никто не мог знать, что «Этлон» пробудет в космосе намного

дольше, чем планировалось.

Элакриэн потянулся к ажурной подставке, на которой стоял нюхательный прибор, взял его и несколько раз вдохнул мельчайший золотой порошок. По телу растеклось приятное тепло. Он отключил экран, вошел в лифт и поднялся в свой кабинет.

Огромная черепаха смотрела на него янтарными глазами. Тэлл сел на ее широкий панцирь и задумался. Могло оказаться, что на «Эрборе» выведено из строя что-нибудь еще, и тогда он рисковал попасть в затруднительное положение. Вдалеке от Хелиона он не мог рассчитывать на помощь. В случае неприятностей под угрозой окажется его жизнь и судьба обоих кораблей.

Тэлл прекрасно осознавал, что в данный момент ему стоит надеяться только на свои собственные силы. Решение пришло неожиданно. Он пошлет на «Эрбор» робота! Легкость, появившаяся вслед за тем, как его посетила эта мысль, свидетельствовала, что он поступает правильно.

Элакриэн нажал несколько клавиш на панцире черепахи, и правая стена кабинета раздвинулась. В нише за ней стояли три робота. Элакриэн крайне редко прибегал к их услугам. Своим видом они чем-то напоминали черепах: черные и гладкие фигуры с оболочками-панцирями на спине, сложив перед собой четыре манипулятора, ожидали приказаний. Их глаза светились тем же янтарным огнем, что и глаза золотой черепахи в кабинете Тэлла. Роботы могли выполнять множество функций; они подчинялись не только сигналам, но и голосовым командам. Любой из роботов, находясь в подчинении главного бортового компьютера, мог справиться с управлением кораблем и заменить пилота.

«Медлить незачем», – подумал Тэлл, принимаясь за работу.

В нижних помещениях «Этлона» золотистая среда была не столь насыщенной, как в верхнем ярусе корабля, где пилот проводил много времени. Процент ее пригодности упал недопустимо низко. Элакриэн испытывал легкую слабость и периодически вдыхал золотистый порошок. Подготовкой челнока – небольшого летательного аппарата, которых на борту «Этлона» имелось пять, – занимался робот. Тэлл проверял точность его реакций. Он так увлекся, что забыл обо всем, кроме работы. Впервые за долгое время он был почти счастлив.

Находясь в сильном возбуждении, Элакриэн забывал вдыхать порошок. Он перестал замечать слабость. Иногда мысль о том, что он плохо заботится о своем теле, приходила ему на ум и вызывала легкое чувство вины. Но Тэллу некогда было заострять на этом внимание. Он спешил.

Наконец робот сообщил, что все готово к перелету на «Эрбор».

Элакриэн с трудом добрался до лифта и вдохнул полной грудью насыщенный золотом воздух. Ощувив головокружение, он прислонился к хрустальной стенке. Лифт почти мгновенно доставил пилота в кабину управления. Тэлл сел в удобное кресло и расслабился, медленно приходя в себя.

Таймер в его перстне отсчитывал время, отпущенное им самому себе на короткий отдых. Перед глазами возникла густая тьма. Пилот провалился в тревожный сон, из которого его вывел пронзительный писк таймера.

– Пора отправлять челнок!

Элакриэн даже не заметил, что думает вслух. Включилась связь со станцией Хелиона.

– Тэлл, как дела?

Взволнованный голос оператора окончательно привел пилота в чувство.

– Очень устал, – признался Элакриэн. – Челнок с роботом на борту готов к отправке на «Эрбор». В моем воздухе низкая концентрация золота. Среда истощается, а резерв исчерпан.

– Плохо, – огорчился Коэр. – Постарайся ускорить работы. По нашим расчетам, арумия^[3] должно хватить. Увы, ты не сможешь позволить себе камеру пассивного присутствия, но крепкий сон, когда оба корабля лягут на курс к Хелиону, будет вполне уместен.

– Да, Коэр. Я тебя понял.

Тэлл отдал компьютеру приказ использовать последнюю порцию дыхательной смеси. Золотистая среда кабины управления снова стала комфортной.

Челнок стартовал и благополучно достиг «Эрбора». Долгие часы, проведенные за работой, пролетали незаметно для Тэлла. Наконец все наладилось. Робот, подчиненный командам главного бортового компьютера «Этлона», принял управление кораблем Манфи.

Оба корабля, увеличивая скорость, возвращались на Хелион – планету мудрых и высокоразвитых существ, которым осталось сделать всего несколько решающих шагов для постижения самых сокровенных тайн Вселенной.

Теперь Элакриэн мог позволить себе отдых. Он вернулся в свой кабинет, опустил на мягкое ложе и закрыл глаза. Он думал о Манфи...

Планета Земля, Памир. Наше время

Снежные шапки гор, залитые полуденным солнцем, выглядели сказочно. Илья Вересов нигде больше не видел такой сверкающей белизны и ярко-синего неба.

– Хочу домой, в Москву, – заунывно бубнил Голдин. – Надоело все. Вокруг одни маразматики...

Они сидели на большом гладком камне и разговаривали.

– Ты посмотри, красота какая! – говорил ему Илья. – А что в Москве? Дома, асфальт, выхлопные газы... и повсюду люди суетятся, как муравьи.

Но Голдин упрямо твердил свое.

– Чем горы-то лучше? Камни, скалы, ледники, ветер. И пустота... Как можно это любить?

– Эх, Жека! Ничего-то ты не понимаешь! – вздохнул Вересов.

– Хочу в Москву...

– Ну, черт с тобой, езжай. Силой тебя здесь держать никто не будет.

К ним подбежал запыхавшийся Саворский.

– Ребята! В туннеле взрыв! Сегодня база связывалась со строителями... Вот.

Илья некоторое время молча смотрел на него. Смысл сказанного не доходил до его сознания. Первым опомнился Голдин.

– Как взрыв? Почему? – удивился он. – Обвал, что ли?

Кострома пожал плечами.

– Никто пока не знает. Может, террористический акт. Комиссия нагрянула из Душанбе. Военных нагнали, ментов...

– Жертвы есть? – спросил Вересов.

– Говорят, есть. Предположительно два человека.

– Вот что, Жека. Никуда ты не поедешь, – Илья повернулся к Голдину. – Во всяком случае ни сегодня, ни завтра. Дороги наверняка оцеплены. Думаю, скоро спецы и здесь появятся. Будут всех расспрашивать. Кто что видел, слышал?

Голдин подпрыгнул от возмущения.

– А я при чем? Откуда я знаю про взрыв? Чего меня расспрашивать?

– Как чего? – усмехнулся Вересов. – Вот ты откуда здесь появился? Чем занимаешься? От нашей базы до строительства рукой подать.

– Я... из общины.

– Это ты так говоришь. Может, ты диверсант! Заложил взрывчатку в туннеле, потом убежать хотел. Но не повезло. Попался в капкан!

Он оглушительно захохотал.

– Маразм! – завопил Голдин. – Ты, Илья, издеваешься надо мной! Зачем бы я тогда около лагеря крутился, если я диверсант? Я бы другую

дорогу нашел.

– Так ведь ты не знал, что завхоз капканы расставил.

У Голдина был такой растерянный вид, что Кострома не выдержал и тоже засмеялся.

– Да ну вас! – обиделся Женя. – Нашли чем развлекаться. Разводняк устроили... Там несчастье, люди погибли, а вы...

Но Вересов уже его не слушал. Он думал о золоте. Маркова увезли в ближайшую больницу. О найденном в его рюкзаке самородке знали только он и Саня Аксельрод. Говорить об этом при опросе или не говорить? С одной стороны, золото не имеет отношения к взрыву в туннеле, а с другой... Кто знает?

– Надо нашим сообщить, – сказал он. – Потапенко и Аксельроду. Пусть спускаются сюда, в лагерь. Иди, Кострома, попроси, чтобы на следующем сеансе связи им обязательно передали. Нам все равно придется тут задержаться.

– На сколько?

– Не знаю. А у них продукты кончаются.

Саворский нехотя поплелся к большой палатке, где находилась радиостанция.

– Почему мне так не везет? – сокрушался Голдин. – Жена с негром убежала, с работы уволили, денег нет, мать пилит днями и ночами! Хотел в горах спрятаться. И не вышло! Такие маразматика собрались в этой типа общине, что легче повеситься, чем с ними сутки провести. Что за жизнь?! А?

Вересов поскреб заросший подбородок и улыбнулся.

– Нет, ты послушай, – не унимался Женя. – Решил я убежать от них, так поди ж ты! В капкан угодил! Хорошо, что вы рядом оказались. Вот скажи, Илья, кто-нибудь из ребят попался в завхозовы капканы?

– Ну... вроде нет.

– Вот! – он многозначительно поднял кверху указательный палец. – То-то и оно! А я сразу напоролся. Чуть ногу не потерял.

– Не преувеличивай, – засмеялся Вересов. – Строишь из себя мученика. У нас вон Марков в расщелину свалился, ногу сломал, ребра повредил. Всякое бывает.

Женя обхватил голову руками и застонал.

– Не-е-ет... Это совсем другое. У людей случайности происходят, а у меня – закономерности. Понимаешь, в чем разница? Не успел я домой собраться, в Москву, как на тебе! Взрыв в туннеле! Ни много ни мало. И сиди теперь, дорогой Женя, кукуй здесь до второго пришествия. Скажешь,

это нормально?

Вересов задумался.

– Знаешь, Жека, нам в этом походе тоже не везет. Прямо рок какой-то преследует. Гоша травму получил, перед этим... он банки консервные распотрошил. Зачем, спрашивается. Говорит, мол, его голос какой-то заставил. Наверное, глюки, горная болезнь. Потом мы под камнепад попали. Чудом живы остались. Не ты один пострадал.

И это Илья еще не упомянул ни о самородке, ни о мертвце, который в горах свалился к ним вместе со снегом. А потом таинственно исчез.

Но Голдин был твердо убежден в своем первенстве по части неудач.

– Все равно... – твердил он. – Вам до меня далеко. Ты со своей Варькой живешь еще?

– Сам не знаю. Наверное, нет. Ушел я от нее.

– Вот видишь! – обрадовался Женя. – Ты сам ушел. Поэтому тебе не обидно. А моя... да что говорить! – он сердито махнул рукой. – Ты в другой раз жениться будешь?

Илья пожал плечами. О женитьбе он не думал. Голдин истолковал его жест по-своему.

– Правильно. Не знаешь. Значит, у тебя еще есть шанс. Зато мне жениться нипочем нельзя! Обязательно стерва попадетсЯ. Хоть во второй раз, хоть в пятый. Я вообще с бабами больше связываться не буду. От них запросто с ума сойдешь! Придется с мамашей жить. Бобылем.

– С мамашей тоже неплохо, – согласился Вересов. Они замолчали и думали каждый о своем.

– Когда спецы приедут? – не выдержал Женя. – Что же, мы должны сидеть и ждать?

– Что еще делать? Ждать, конечно. Может, они до нас к вечеру доберутся, а может... прямо сейчас.

– Маразм!

– Ладно, не кипятись. Куда тебе спешить?

После обеда в лагерь явились два милиционера, голодные, грязные и злые. Они приехали на мотоцикле, который им пришлось оставить внизу у дороги.

– К вам не доберетесь. Чуть ноги не поломали.

Приезжие поговорили с каждым по отдельности и попросили дня два-три никуда не отлучаться.

Спрашивали они у всех одно и то же. Не видел ли кто в горах посторонних и отлучался ли кто-нибудь из лагеря в прошедшие трое суток. Посторонних никто не видел. А отлучился только один человек – Гоша

Марков, которого отправили в больницу.

Милиционеры жутко устали. Они задавали свои вопросы только по обязанности. Вересов не заметил ни у одного из них хотя бы искорки интереса. Поэтому сказал то же, что и все.

Стражи порядка покинули лагерь уже в сумерках.

– Что ж ты им про голуб-явана не рассказал? – потешались альпинисты над завхозом. – Надо было доложить, сколько он у тебя банок с консервами выпотрошил.

Тот добродушно огрызался.

– Отстаньте, черти! Хотите из меня посмешище сделать?

– Какой тут смех? Тут самое настоящее хищение. Сколько ты орал на всех? Пусть бы спецы разбирались. И про капканы надо было рассказать. Может, они бы у тебя опыт переняли.

Капканы и консервные банки стали гвоздем программы за ужином, который сопровождался оглушительными взрывами хохота.

– Хватит вам зубы скалить, – возмущался завхоз. – Дурачье! Что вы жрать будете, если я это дело пуцую на самотек? Я отвечаю за продукты. Вам лишь бы посмеяться, а у меня – ответственность.

Илья промолчал о своих предположениях насчет завхоза и банок. Если это его рук дело, вряд ли он помнит. Разве что какая-нибудь встряска, как у Маркова, случится. Странно устроен человеческий мозг.

Ночью, лежа без сна, Вересов думал о золоте. Правильно ли он поступил, что промолчал? Но... его ведь о самородке никто не спрашивал.

– Илья... – Голдину тоже не спалось. – О чем ты думаешь?

– Ни о чем.

– Наверное, Варьку свою вспоминаешь? Вересов презрительно фыркнул.

– Делать мне нечего!

– Она у тебя красивая... Слушай, сколько ты можешь без женщины обходиться?

– Сколько надо, столько и могу.

– Врешь!

– Да спи ты! – рассердился Илья. – Исповедник! Но Голдин ничуть не испугался.

– Знаешь, что мне пришло в голову? Я только сейчас вспомнил... У нас в общине говорили про взрыв в туннеле. Точно. Как раз накануне моего бегства. Они вечно всякую чушь несли.

– Какую чушь?

– Ну... там же это... кино снимали. Как раз про взрыв. Специально из

Москвы приехали. Чтобы все было точь-в-точь... по-настоящему, блин.

– Ты откуда знаешь? – насторожился Вересов.

В его памяти возникла женщина, набирающая воду из ручья. Она тоже говорила о фильме. Съёмочная группа приехала из Москвы снимать катастрофу в туннеле. Как он мог забыть?

– У нас Витек очкастый, по прозвищу Длинный, соль рассыпал, – хихикнул Женя. – Пришлось ему к строителям топать.

– Зачем?

– Так за солью же! До них он, правда, не дошел. Соль ему тут дали, в вашем лагере.

– А-а! Он мне еще о тебе рассказал. Высокий такой, тощий...

Вересов живо вспомнил долговязого парня, которого они с Костромой привели в лагерь. Черт, как он мог выпустить это из виду?

– Длинный разболтал нашим про туннель, про кино. Те сразу всполошились. Давай спорить, наезжать друг на друга...

– Постой... ты же говоришь, он до строителей не добрался. Откуда ему стало известно...

– Ему про съемки тут сказали, – перебил Голдин. – У вас в лагере.

– Понятно. А почему в общине разволновались?

– Так они же с приветом. Те еще маразматика! Выдумывают, что ни попадя. Такого нормальному человеку в голову не придет. В общем... они там считают, будто мысли материальны. И что если в туннеле снимать кино про взрыв, то... может произойти настоящий взрыв. Представляешь?...

Глава 5

Москва

Машенька Ревина еще больше похудела. Ее мышинное личико неестественно заострилось, ключицы торчали, а ноги и руки превратились в тростинки.

– Я ужасно выгляжу, да? – спросила она, перехватив взгляд Ангелины Львовны. – Ладно, можешь не говорить, я и так знаю. Аппетита нет, сон пропал, все на нервах... Красота улетучилась.

Она истерически засмеялась.

– Хочешь кофе?

Профессиональный опыт подсказал доктору Закревской единственно правильный выход в данной ситуации: пока не разыгралась истерика, переключить внимание Машеньки на что-то другое.

За кофе беседа перешла в более спокойное русло.

– Мне нравится твой офис, – сказала Ревина, оглядываясь по сторонам. – Он у вас один на двоих?

– Да. Олег Самойленко – мой компаньон. Или партнер. Как правильно? Машенька смешно наморщила носик.

– Откуда я знаю? Это Ревин – крутой бизнесмен. А я так... домохозяйка. – Она скорчила гримаску, будто собиралась чихнуть, и вдруг заплакала. – Что я говорю? Он ведь ушел от меня. Забрал вещи и ушел.

– Вы что, поссорились?

– Ага. Поскандалили... Знаешь, из-за чего? К нам на квартиру стали звонить какие-то люди и угрожать. Мол, если Данила не одумается, то... Ну, ты понимаешь. Я жутко испугалась! Смешно было надеяться, что все эти штуки с деньгами фирмы пройдут безнаказанно. Холмогоров меня предупреждал.

– Ты рассказала Ревину о звонках? Машенька шумно высморкалась и вздохнула.

– Конечно. Только он, как всегда, отмахнулся. Не лезь, говорит, в мои дела. Тебя это не касается. Как же не касается?! Ведь его убьют, дурака такого! – она снова заплакала. – Камикадзе чертов! И зачем я только за него выходила? Жила бы себе спокойно... Помнишь, мне Гриша Мазуров предложение делал? Была бы сейчас «королевой бензоколонок».

– Кем?

– «Королевой бензоколонок», – улыбнулась сквозь слезы Ревина. – Гриша занимается нефтью и бензином. Очень успешно, между прочим.

Закревская вспомнила упитанного белобрысого паренька, который среди одноклассников ничем особо не выделялся. Кто бы мог подумать, что он так пойдет в гору.

– Разве Гриша ухаживал за тобой?

У Машеньки вмиг просохли глаза. Когда она говорила о своих поклонниках, то вся преображалась. Лицо ее начинало светиться, щеки розовели, а зрачки становились огромными, как у кошки.

– С пятого класса. Ты что, не замечала? Ой, Геля, ты из-за своей зубрежки ничего вокруг не видела.

Ангелина Львовна не обиделась. Во-первых, подруга была абсолютно права, а во-вторых, обижаться глупо.

– Что правда, то правда, – согласилась она. – Кроме учебы и книг меня ничего не интересовало.

Они еще немного поболтали об одноклассниках. Кто на ком женился, кто кем стал, у кого как судьба сложилась. Потом разговор снова вернулся к Ревину.

– За мной мальчишки стаями бегали, – смеялась Маша. – Хоть я и худющая была, как вобла сушеная, и в детстве, и в юности. Но всегда имела успех. И Ревин за мной бегал. А потом... будто с цепи сорвался. Вот ты мне объясни, как врач, что это с людьми делается? Отчего они становятся бешеные?

– По разным причинам.

По лицу Машеньки пробежала тень.

– Не знаю, что за причины такие. Чего моему Даниле не хватало? Он ведь всего достиг, всего добился. И денег, и положения в обществе. У нас же все есть, – шикарная квартира, машина, дача! Отдыхать ездили, куда хотели, покупали, что хотели. Ну, чего еще человеку надо?

– Человек, Маша, сам себя до поры не знает. И своих желаний тоже. Они ему или открываются, или...

– И ты туда же! – взорвалась Ревина. – Вокруг люди как люди – живут, развлекаются, ходят в гости. А некоторые вообразили бог знает что. Себя путают, других путают... Я Даниле говорю: «Ты доиграешься, что нас обоих прикончат. И все! Пышные похороны. Разве мы об этом мечтали, когда женились?» Он посмотрел на меня, как на полоумную. У меня аж мороз по коже пошел. И заявляет: «Мы с тобой, Маша, совершенно чужие люди. Между нами пропасть. Самое лучшее, что ты можешь сделать, это

забыть меня. Вычеркнуть из своей жизни». Я реву как белуга, а он... вещи собирает. Скотина!

Она громко зарыдала, уронив голову на руки.

– Скотина! Скотина...

Ангелина Львовна встала и накапала ей валерьянки в стакан с водой.

– На, выпей и успокойся. Слезами делу не поможешь.

Машенька взяла стакан дрожащей рукой, выпила. Магический шар стоял напротив нее – холодный, прозрачный и равнодушный, хотя за окном вовсю светило апрельское солнце. Ангелина Львовна вспомнила, каким он становился при Ревине: золотистое сияние зарождалось в его сердцевине и переливалось, не достигая поверхности. Интересно, это действительно так или имел место обыкновенный обман зрения? Хотелось бы проверить. Судя по реакции шара, Машенька и ее супруг в самом деле люди разные.

Госпожа Ревина немного успокоилась.

– Данилу вчера чуть не убили, – сказала она. – Снайпер. Ревин как раз выходил из банка. Мне Холмогоров позвонил, рассказал... Представляешь, до чего дело дошло? В Москве покушения на бизнесменов не редкость, но... каждый надеется, что чаша сия минует его. И мы с Данилой так думали. А вчера...

Слезы снова полились из ее глаз. Уже не черные, как раньше, а самые обыкновенные, потому что «несмыываемая» французская тушь давно смылась.

– Как это случилось?

– Да как всегда. Данила вышел, и тут у него из кармана что-то выпало, то ли портмоне, то ли... телефон. В общем, не знаю. Он внезапно наклонился, и пуля попала в охранника. Прямо в лоб. Все бросились кто куда... но разве от снайпера спрячешься? Только он больше стрелять не стал.

– Ужас...

– Думаешь, Ревина это испугало? Поехал, как ни в чем не бывало, по своим делам! Даже не напился. Я сдуру решила, что у него нервный срыв, депрессия... Ничего подобного. Звоню вечером ему в гостиницу, спрашиваю, мол, как ты? Может, мне приехать? А он... смеется. Я, говорит, все выполнил, что мне было положено, и терять в этой жизни мне нечего. Так и заявил. Псих!

– Тебе надо уехать куда-нибудь, – посоветовала Закревская. – К родителям, например.

– Только не это. У мамы сердце слабое. Я и так за нее боюсь. Если в новостях про Данилу передадут... Ой, лучше не думать! Она ужасно за нас

переживает. Ей Данила по душе пришелся. Она его как сына любит.

– Все равно. Одной тебе в квартире оставаться нельзя.

Машенька кивнула.

– Я к подруге переехала. В Болшево. Там спокойно... Лес, птички поют.

Ангелина Львовна, как могла, успокаивала Ревину. Та наконец устала от слез и жалоб, засобиравшись домой.

– Вызову такси, – сказала она. – Я нашей машиной не пользуюсь. Боюсь. Вдруг бомбу подложат? О господи, спаси и помилуй...

Она неумело перекрестилась, достала из сумочки сигареты.

– Много куришь? – спросила Закревская.

– Пачки на день не хватает...

Подъехало такси. Закревская вышла на улицу вместе с Машей. Апрель покрыл Москву тончайшей зеленоватой дымкой. Из-под прошлогодней травы вылезли желтые цветочки мать-и-мачехи. Солнце высушило асфальт.

– Весна... – радостно вздохнула Ангелина Львовна. – У метро продают фиалки и тюльпаны. Любишь тюльпаны?

Госпожа Ревина посмотрела на нее, как на блаженную. Неужели кто-то может радоваться жизни, когда у нее такое несчастье? Семейная драма разбила ее сердце, и весенние запахи, краски и звуки вызывали у нее глухое раздражение. Весна несла с собой новое, а Машенька оплакивала старое. Она чувствовала невыносимую тоску, сменяющуюся страхом. Это был страх перед будущим без Ревина, без его денег, без привычного комфорта и достатка, без мужского внимания, наконец. Как он посмел? Она могла прекрасно устроиться, выйдя замуж за того же Мазурова! И теперь не курила бы по пачке сигарет в день и не принимала бы на ночь снотворное. Жила бы себе в свое удовольствие...

Подъехало такси, и Машенька села в него, все также погруженная в обиду на себя, доверчивую и глупую, на Ревина, на школьную подругу Гелю и на весь белый свет. Даже весна ее не развлекала, а, напротив, была ее врагом. Вся эта прелесть просыпающейся природы заставляла ее сердце обливаться кровью. Госпожа Ревина вдруг в один миг потеряла опору в жизни, которую считала незыблемой. Она страдала, и все должны были страдать вместе с ней.

«Теперь мне придется искать работу, – подумала Машенька и залилась слезами. – Неизвестно, захочет ли Ревин помочь мне деньгами. Да и будут ли у него самого средства к существованию?»

Это казалось ей ужасно несправедливым. Ее диплом филолога валялся где-то у родителей. Машенька не допускала мысли, что он может когда-

нибудь ей понадобится. А профессиональные навыки? Она их не имеет. Все, чему ее пять лет учили в университете, давно вылетело из головы. Теперь она не сможет работать даже учительницей в школе.

«Мужчины – предатели по своей сути, – с горечью думала госпожа Ревина. – На них нельзя рассчитывать. Взять хотя бы Холмогорова. Когда у нее с Данилой было все хорошо, Геннадий Алексеевич настойчиво оказывал ей знаки внимания. Зато сейчас и не смотрит в ее сторону. Будучи состоятельной дамой, женой преуспевающего бизнесмена, она вызывала у него интерес, а без Ревина стала не нужна. Выходит, что сама по себе она никто – нищая, пустая, отвергнутая женщина».

– Почему я такая невезучая? – в отчаянии прошептала Машенька, давясь слезами.

– Что? – спросил таксист, оборачиваясь.

– Нет-нет, ничего...

Он деликатно промолчал и включил музыку.

Знакомые песни казались госпоже Ревиной отзвуками прошлого, которое ушло навсегда. Невозможно вернуть юность, нетерпение любви, радужные надежды, желание жить дальше...

Выехали за кольцевую. За окнами такси мелькали березовые рощи, едва тронутые зеленью, мутные речушки с унылыми берегами, покрытые ржавой хвоей обочины, темные елки, пласты грязного снега в тени между стволов. И над всем этим невыносимо сияло яркое, лихорадочное солнце. Господи, какая тоска! Машенька вдруг осознала, почему большинство самоубийств случается именно весной. Слишком сильна разница между пустотой в душе и дыханием новой жизни, которая таит в себе новые обещания. Им невозможно поверить. Они уже один раз обманули и обманут снова...

Машенька отчетливо представила себе, как она входит в свою комнату, открывает шкаф, достает снотворное, высыпает на ладонь все таблетки и с наслаждением, с радостью глотает их, запивая минеральной водой. А потом ложится на кровать, под пуховое одеяло, и засыпает. Чтобы никогда не проснуться. Какое блаженство! Не нужно больше ни о чем думать, ничего решать. Не нужны деньги, работа, мужчины... Ничего никому не нужно объяснять...

– Приехали! – сказал таксист, грубо вторгаясь в ее сладкие грезы. – Вам помочь?

– Не надо...

Машенька протянула ему смятую купюру и, пошатываясь, побрела к дому...

Памир

Глафира оказалась женщиной обстоятельной, не теряющей самообладания в самых сложных ситуациях. Она была страшно расстроена, но все же накормила гостя ужином, напоила чаем и приготовила ему чистую постель.

– Ночуйте здесь, с нами, – предложила она. – Скоро совсем стемнеет. Куда идти?

Марат представился членам съемочной группы Алексеем Багровым, знакомым Мельниковых. Его вполне устраивало оказанное гостеприимство. Находясь среди киношников, он сможет узнать больше подробностей.

– Расскажите мне, как пропала Лариса, – попросил он. – Ее муж очень волнуется.

– Но... откуда он мог узнать? – удивилась администраторша. – Мы сами только сегодня утром обнаружили, что Ларисы нет. Никто еще никуда не сообщал. Мы искали ее... Потом пришел старик-хозяин и рассказал о взрыве в туннеле. Здесь в горах – своя «голубиная почта». Слухи разносятся довольно быстро. Все так перепуталось! То Бахмет пропал, теперь вот Мельникова... Да еще взрыв в придачу. Что за напасть такая?

Глафира несколько раз шмыгнула носом, но сдержала готовые хлынуть слезы.

– С остальными хоть все в порядке? – спросил Марат.

Она кивнула.

– Борис с каскадерами взяли автобус и поехали к туннелю искать Бахмета. Это наш режиссер. К счастью, все обошлось. Оказывается, он просто заблудился. Скалы... незнакомая местность... Понимаете? Может быть, и Лариса найдется?

– Кто обнаружил, что Ларисы нет?

– Я и обнаружила. Встала утром, а... ее нет. Сначала ничего плохого мне в голову не пришло. Мало ли? Человек в туалет вышел или по воду к ручью. Потом... тревожно стало. Час прошел, а ее нет. Глянула – ведра для воды на месте и туалет пустой. Все спят еще. Мы с Ларисой раньше всех вставали. Воды принести, завтрак приготовить – это наша обязанность. Ну, думаю, влюбилась девка! Загулялась, замечталась...

– Почему именно влюбилась?

– Как же! – улыбнулась Глафира. – У них с инженером Изотовым...

Она осеклась и испуганно уставилась на гостя. Перед ней сидит друг Мельникова, а она болтает всякое. Так можно запросто мужа с женой

поссорить. Ах, несдержанный язык!

– Вы не бойтесь, – успокаивающе произнес Марат. – Я Мельникову ничего не скажу. Сейчас самое главное – найти Ларису. Все прочее... как-нибудь уладится.

Администраторша не очень ему поверила, но последний довод сочла убедительным. Сначала надо найти Ларису.

– Я ничего не знаю, – смутилась она. – Так... предполагаю, что у них с Изотовым возникла симпатия друг к другу. Лариса женщина интеллигентная, романтичная... Могла пойти погулять, на рассвет полюбоваться, помечтать. Поэтому я панику раньше времени поднимать не стала. Сама принесла воду, чайник поставила и начала кашу варить. А Ларисы все нет и нет. Тут уж я забеспокоилась. Ребята проснулись, я сразу к ним. Одевайтесь, говорю, живее, надо Мельникову искать. Может, оступилась где, упала, ногу подвернула. Горы ведь! Тропки крутые, каменистые. Всякое могло случиться. Ну, они быстренько собрались и пошли. В кишлаке Ларису никто не видел. Дома далеко разбросаны, – потеряться легче легкого. Ребята с ног сбились, но нигде поблизости ее не оказалось. Искали до обеда. Вернулись голодные, злые. «Нет твоей Мельниковой! – говорят. – Испарилась». Поели молча и снова пошли искать. Только все напрасно.

– Что вы-то думаете? Куда могла деться Лариса? Администраторша пожала плечами.

– Ума не приложу. Такая смиренная, ладная девка... на нее это не похоже.

– Что не похоже?

– Уйти и никого не предупредить! – рассердилась Глафира. – Уж мне бы она сказала, если тайное свидание или еще что.

Марат знал, что Изотов со стройки никуда не отлучался, все время был на виду. И до взрыва, и после. Но... может быть, у Мельниковой были еще поклонники? Из съемочной группы, например. Или из местных?

Администраторша все его предположения решительно опровергла.

– Лариса – баба простая. Она хитрить, интриги плести не умеет. У нее все на лице написано.

– Допустим, – согласился Марат. – В таком случае где же она?

Глафира не выдержала и заплакала.

– Не знаю... – всхлипывала она. – Ребята говорят, голуб-яван задрал. Больше ей деваться некуда.

– Голуб-яван? Это еще кто?

– Снежный человек... Он огромного роста и очень свирепый.

Таджики, которые живут в кишлаке, жутко его боятся.

– Вы серьезно? – удивился Марат. Байки про снежного человека он и раньше слышал, даже в книжках читал. Но чтобы вот так наяву столкнуться... – Полагаете, он ее прямо с одеждой проглотил?

– А что ему стоит? Чудовище! – охотно подтвердила Глафира. – Это же монстр!

– По-моему, вы «ужасов» насмотрелись по телевизору.

– Я знала, что вы мне не поверите, – обиделась администраторша. – Зачем тогда спрашивать?

Марат постарался сгладить неловкость.

– Кто-нибудь его видел, этого снежного человека? – как можно серьезнее спросил он. – Воочию, а не понаслышке?

– Говорят, видели... И местные, и наши. Ночью, когда луна всходит, среди скал замечали огромные тени. Сама Лариса видела. Она тогда от страха в обморок упала. Еле откачали...

– А следы? Я читал, после снежного человека остаются громадные следы.

– Какие тут, на камнях, следы? – возразила Глафира. – Может, и были. Я не знаю. У нас не научная экспедиция. Мы вообще-то кино снимать приехали.

Господин «Багров» молча согласился.

После ужина он отправился расспрашивать остальных членов группы. Их было немного. Пиротехники, два оператора, врач, гример и пятеро артистов – все мужчины. Они подтвердили слова администраторши.

– Вы действительно думаете, что Ларису загрыз голуб-яван? – всех по очереди спрашивал Марат.

Мнения разделились. Некоторые именно так и считали. Другие же предполагали, что Мельникова могла отправиться на прогулку, забраться, куда не следует, оступиться и упасть в пропасть. Там, внизу, ее не найдешь.

– Вы же видите, какая тут местность, – объяснял старший пиротехник Николай. – Расщелины глубокие, дна не видать. Если она чего-то испугалась и побежала, запросто могла сорваться. Лариса – барышня чувствительная, нервная.

– В любом случае надо искать, – настаивал Марат. – Вдруг она еще жива?

– У нас нет ни специального снаряжения, ни навыков. Хотите, чтобы еще кто-нибудь вниз свалился?

– Я хочу найти Ларису Мельникову. Это жена моего друга.

– Тогда нужно обращаться за помощью к альпинистам. Только они

смогут осмотреть близлежащие расщелины. Их лагерь рядом со стройкой. По здешним меркам, разумеется.

– Пожалуй, вы правы, – согласился гость.

Они помолчали. Марат специально не задавал вопросов о взрыве в туннеле. Это потом.

– Правду говорят, что Мельникова видела снежного человека? Даже как будто в обморок упала?

– Не слушайте вы всякую чушь! – возмутился Николай. – Это бабские сплетни. Вам, наверное, Глафира наболтала? Глупости! Мельникову укачало в автобусе. Я же говорил, что она излишне чувствительна. У нее, вероятно, нервы никуда не годятся. Обычные галлюцинации. Такое бывает, особенно в горах. Горная болезнь, слышали?

Этой же версии придерживался и доктор, молодой веснушчатый парень.

– У Мельниковой, вероятно, развилась горная болезнь, – сказал он. – Ее организм плохо приспосабливается к непривычным условиям. Это может вызвать своего рода психоз. Так что, если у нее ночью был приступ, она вполне могла выскочить из дому, побежать куда глаза глядят. А в темноте... сами понимаете.

– Значит, вы в голуб-явана не верите? Доктор смешно скривился.

– Я реалист. Предпочитаю более простые объяснения. Снежный человек – это заманчиво. Но я привык смотреть на вещи трезво. Кто его видел? По-настоящему никто. Огромные тени по ночам... могут оказаться игрой воображения. Если кто-то очень хочет увидеть монстра, он его непременно увидит.

– Вы считаете, что голуб-яван – фантазии любителей приключений?

– В значительной мере.

Опросив всех членов съемочной группы, Марат решил пройтись по кишлаку. Местные жители понимали его с трудом. Объясняться приходилось чуть ли не на пальцах. Горные таджики разводили овец, и в поисках пищи животные частенько забредали в укромные уголки. Но на овец никто не нападал.

– Весь хищник куда-то делся, – на ломаном русском говорил самый старый житель кишлака, который в молодости жил в Душанбе. – Барс нету. Овцы ходят свободно. Их никто не трогает.

Это единственное, что удалось установить Марату. Голуб-яван, если он здесь водился, животных не трогал. Сомнительно, что он стал бы нападать на человека. Наверное, Лариса действительно пострадала от горной болезни. Хотя... не такая уж тут и высота. Вот он, например, чувствует себя

совершенно нормально.

Господин «Багров» вернулся в дом поздно ночью. По дороге он усиленно озирался в надежде увидеть «огромные тени». Увы, ему не повезло. Луна спряталась за тучи, и холодный ветер гнал одинокого путника поскорее в тепло человеческого жилья.

Николай с Глафирой еще не спали, пили чай из широких глиняных кружек.

– Мы вас ждем, – сказала администраторша. – Уже начали беспокоиться. Кабы вы куда не пропали.

– Думали, меня голуб-яван слопал? – пошутил Марат. – Видно, он только в полнолуние выходит на охоту. А нынче, на мое счастье, тучи. Темнотища, хоть глаз выколи.

Николай неопределенно хмыкнул, но ничего не сказал.

– В туннеле был взрыв, слышали? – как бы между прочим обронил гость. – Что вы думаете по этому поводу?

– Откуда вы знаете? – угрюмо спросил Николай.

– Во-первых, на дорогах оцепление, а во-вторых, Глафира сообщила.

– Трещотка! – разозлился пиротехник. Администраторша поспешно вскочила.

– Я спать пойду. Спокойной ночи... Николай проводил ее тяжелым взглядом.

– Чаю хотите? – спросил он Марата.

– Если угостите...

Пока пиротехник наливал чай, гость задал следующий вопрос. В виде шутки.

– У вас фильм-катастрофа?

– Ну...

– Вы, кажется, устраивали взрыв в туннеле?

– Ну, я. И что с того? Это кино. По-на-рош-ку! Для съемок.

– Значит, и взрывчатку привозили? Николай злобно уставился на «Багрова».

– Это же обыкновенный фейерверк. Вы что, не понимаете?

– Все заряды использовали?

– Все. А в чем дело? Вы что имеете в виду? Марат невинно опустил глаза, улыбнулся.

– Ничего... Я просто так. Полюбопытствовал. Николай рассвирепел.

– Ладно, хватит! – заорал он. – Прекратите свои дурацкие намеки! Любопытный нашелся!

Он встал и вышел, громко хлопнув дверью.

Калитин спокойно напился чаю, посмеиваясь про себя, и отправился в комнату Глафиры. Та сделала вид, что спит. Постель Ларисы была пуста. Администраторша приготовила ее для гостя.

Марат лег и сразу провалился в сон...

Под утро его разбудил громкий шепот.

– Эй, Багров, проснитесь!

Над ним наклонилось заспанное лицо Глафиры.

– Что случилось?

– Я вам сказать хочу... Вдруг Ларисе это поможет? Она самородок наша, настоящий, золотой...

Марат спросонья ничего не понимал. Бредит тетка, что ли? Какой еще самородок...

Глава 6

«Трудились они в болотах и топях».

(Шумеро-аккадский эпос)

Галактика SO-88, планета Арагил. Далекое прошлое

Драгия – небольшая планета на самом краю галактики SO-88. В прошлом эта планета-малышка выглядела довольно симпатично: буйная, сочная зелень трав и деревьев, великое разнообразие фруктов, поля ярких цветов, множество рек с теплой мутно – зеленой водой и крупными ленивыми рыбами, пестрые жуки, легкие бабочки, порхающие в лучах розового солнца...

Никто из сегодняшних жителей Драгии уже не верил, что все это великолепиие, запечатленное на картинах «старых мастеров», существовало на самом деле. Приятный климат резко изменился. А вместе с ним изменилась и жизнь.

Сегодняшняя Драгия являла собою жалкое зрелище. Иссиня-черные тучи тяжело плыли над жидким болотом, в которое превратилась ее некогда благодатная почва. Воздух пропитался гнилостными парами. С низкого, затянутого тучами неба безостановочно лил дождь, то мелкий, то проливной. И лишь изредка небо светлело, но и тогда оно оставалось непроглядно – серым и унылым. Не осталось ни одного деревца, ни одного чахлого кустика – все сгнило и растворилось в жидкой грязи. Тучи мелких насекомых, которые раньше вились над зловонной жижей, простиравшейся от края и до края небес, и те исчезли. И только в глубине планеты, под солидной толщей грунта, искусственно освещенный и обогретый, жил большой подземный город Жад.

Все, что Драгия еще могла дать обитателям Жада – были воздух и золото. Остальное – продукты питания и сырье для изготовления необходимых предметов обихода – они вынуждены были обменивать на золото у соседей, жителей других планет.

Спрос на золото неуклонно возрастал. Особенно ценились крупные

самородки, которые добывали на поверхности Драгии прямо из болота. Воды, размывая почву планеты, обнажали золотиносные жилы, которые тонкими пластами располагались у самой поверхности. Глубина болота только в некоторых местах была значительной; в основном, ее уровень позволял осуществлять добычу золота без всякой особой техники.

Собранное золото не требовало почти никакой дополнительной обработки. Жители соседней галактики, прилетавшие на Драгию с планеты Хелион, щедро платили за найденные самородки техникой и приборами. Затхлая атмосфера, насыщенная миазмами болот, не подходила хелионцам, и они использовали роботов, которые безукоризненно исполняли волю своих создателей. Хелионцы выполняли проектировку и расчеты для реконструкции Жада. Многие произведения искусства, декоративные рельефы и панно, украшавшие город, создавались на Хелионе. За короткий срок Жад чудесным образом преобразился. Однако добыча золота по-прежнему велась вручную.

Верховный правитель Драгии берег ресурсы своей планеты и постоянно ограничивал количество золота, подлежащее обмену. Кроме того, благодаря ручному труду, непомерно высокая цена на него оправдывалась.

Из – за медленного неумолимого ухудшения погоды на Драгии, условия добычи желтого металла становились все более тяжелыми: лил дождь, в воздухе накапливались испарения болота. Несмотря на высокую оплату труда, желающих выполнять такую работу найти не удавалось. Даже раньше, когда климат на поверхности планеты не был еще настолько суров, драгийцы считали добычу золота унизительным занятием. Попытки правителей силой заставить их работать вызвали жестокий бунт. Некоторые лишали себя жизни, лишь бы не копаться в грязи под проливным дождем. Произошло неслыханное: несколько покушений на самого Канто, верховного правителя Драгии. Численность населения планеты резко падала, многие семьи отказались от рождения детей.

Неожиданно проблема решилась. Как? Об этом не думали. Главное – горожане забыли о трудовой повинности по добыче золота и зажили припеваючи. Никому не хотелось выяснять настоящие причины счастливых перемен.

Изящный сетлей^[4] мчался по особо охраняемой трассе на предельной скорости. По обеим сторонам магнитной дороги «росли» светящиеся искусственные деревья. Их ажурные кроны сплетались в сложные, замысловатые узоры, но Касс этого не видел. Для него все, несущееся мимо, сливалось в широкие световые ленты. Иногда на несколько

мгновений они пропадали, а потом появлялись вновь. Мало кто вообще знал об этой трассе.

Касс был начальником колонии, существование которой держалось в строжайшей тайне. Он заслужил отдых и ехал домой. Касс устал видеть грязные, изможденные тела полубезумных идиотов, населявших колонию, слышать с утра до вечера предназначенную для них речь, которая призывала к подчинению и порядку. Он устал следить за тем, чтобы безмозглую толпу вовремя выводили на работу и загоняли обратно. Единственное, что Кассу нравилось делать, – принимать собранное золото. Созерцание насыпанного в специальные емкости блестящего металла действовало на него очень благотворно. Касс ощущал прилив бодрости и непонятную радость, словно все это богатство принадлежало ему. Хотя на самом деле ему принадлежала только зарплата начальника колонии.

В центре Жада у Касса был отличный дом, его ждала жена. Они с Лет давно не виделись, и Касс, кажется, слегка соскучился. Касс и Лет ладили с трудом. Вместе им было хорошо только сразу после разлуки, а потом очень скоро появлялось раздражение и взаимные претензии. Двух номов^[5] вполне хватало, чтобы Лет смертельно надоела Кассу, а он ей.

Больше всего Кассу хотелось повидаться с Хеттом и узнать последние новости. Хетт – старый друг Касса, единственный, с кем ему всегда удавалось находить общий язык.

Перед водителем сетлея на панели приборов вспыхнуло табло. На нем настойчиво мигала надпись: «немедленно ответить».

– Касс, – отозвался водитель.

Его голос прозвучал умеренно громко, ровно. Каменное выражение лица тоже не изменилось. Он привык быть собранным и предельно внимательным, иначе его жизнь могла оказаться в опасности. Одно лишнее слово, оброненное не там, где надо, и... какой-нибудь трагический несчастный случай положит конец его карьере.

– Ваш код для въезда в город – 20105. Срок пребывания – два нома, – отчеканило табло.

– Понял.

Дважды прозвучал громкий неприятный сигнал, и табло потухло. У определенного знака на трассе Касс должен набрать код. Если он немного замешкается или ошибется, его сетлей на одном из темных участков дороги налетит на невидимую преграду и превратится в обломки. Любого, кто мог случайно обнаружить эту трассу, ждала неминуемая смерть. Только смерть по-настоящему гарантирует сохранение тайны.

Показался знак, и Касс набрал код. Несколько темных пролетов дороги

его не покидало неприятное чувство страха, потом он расслабился. Еще немного, он выедет на трассу общего пользования и станет таким же, как все, гражданином Жада.

Касс подумал о том, как хорошо быть простым и незаметным горожанином. Обыкновенные драгийцы не пребывают в постоянном напряжении, могут позволить себе лень и беззаботность. Касс им завидовал. Все так легко, – живи и ни о чем не думай! Почему же он раньше не понимал этого? Он всегда старался выделиться и преуспел. Теперь его жизнь уже не принадлежит только ему. Касс подчинил ее чужим интересам.

Ярко освещенные улицы города вызывали ощущение праздника. Повсюду сияли огни и звучала музыка. Только теперь Касс до конца поверил, что у него начался отпуск. Целых два нома он сможет развлекаться и получать удовольствие!

Жад состоял из сети туннелей, переходов с одного уровня глубины на другой, многочисленных лестниц, навесных тротуаров с ажурными решетками – поручня – ми, мостиков, соединяющих здания, арок, выложенных разноцветными полированными плитками. Город сиял чистотой, неоновым светом и переливами красок.

Синий сетлей Касса медленно и плавно скользил вдоль зданий, примыкающих к стенам узких туннелей. Сами здания располагались в толще грунта; наружу выходили только их фасады, украшенные орнаментами из керамической мозаики. Светящиеся таблички с символами указывали на предназначение сооружений. Как правило, каждое здание имело несколько парадных входов. У лестниц, на поворотах улиц, в углублениях ниш, подсвеченных изнутри, стояли скульптуры. Раскрашенные цветной эмалью, они являли собой дивное зрелище. Скульптуры изображали инопланетян, фантастических животных и птиц.

По туннелям бесшумно скользили разноцветные сетлей. Вереницы прохожих празднично слонялись вдоль зданий по навесным тротуарам. Жители Жада не знали, что значит одеваться по погоде. Они привыкли к одной и той же комфортной температуре, слабому движению воздуха, уюту, налаженной жизни. Население города становилось все более изнеженным и слабым, но никто всерьез не задумывался об этом.

Касс обратил внимание на лица драгийцев. Их нельзя было назвать счастливыми. Начальник колонии вспомнил свои размышления о беззаботной жизни простых горожан. Теперь они не казались ему такими уж правильными. Во всяком случае, он гораздо больше знал о реальной жизни на Драгии, чем все эти двуногие «земляные черви». Наверное, они

даже не представляют себе, как на самом деле выглядит их планета. Большинство из тех, кто родился и вырос в Жаде, ни разу не бывали на поверхности Драгии.

Нет, ему не подходит такое существование! Уж лучше знать правду. Впервые Касс задумался: возможно, он тоже знает далеко не все.

Сетлей остановился у лестницы, ведущей наверх, к входу в одно из узких серых зданий жилого района. У дверей красовались два больших цветка, вырезанных из камня.

Касс вошел в дом. Хотелось пить. Неужели он волнуется? С каждым приходом собственное жилище казалось Кассу все более чужим. Он не понимал почему.

Его никто не встретил. Хорошо, что код замка остался прежним, иначе ему пришлось бы стоять под дверями. Или разыскивать Лет. Интересно, где она?

Широкий пустой холл был слабо освещен. Кассу захотелось немного вздремнуть. Он посмотрел на трейл, миниатюрный аппарат связи, по которому можно поболтать с Хеттом, узнать последние городские новости. Нет... сначала он отдохнет как следует.

По дороге в гостиную Касс продолжал осматриваться. Почти ничего не изменилось с тех пор, как он был здесь в последний раз. Разве что Лет приобрела несколько новых светильников и безделушек непонятного назначения. Она была помешана на безделушках.

Касс вошел в столовую. Сквозь прозрачные дверцы камеры для хранения продуктов виднелись спелые фрукты, разные напитки, стеклянная посуда с какими-то блюдами. Он открыл камеру и взял мягкий оранжевый плод с желеобразной зеленой сердцевинкой, откусил кусок в надежде утолить жажду и скривился. Ему в рот брызнуло что-то невероятно жгучее, то ли кислое, то ли горячее – он не смог разобрать. Касс все выплюнул и с опаской посмотрел на остальные продукты.

– Что это такое? Что за гадость? – пробормотал он.

Как жаль, что Лет отсутствует. Он бы высказал ей все, что полагается.

– Неужели кто-то ест такую мерзость? Где она это взяла? – ворчал Касс по пути к кухонной машине.

Он нажал голубую кнопку. Механическая рука услужливо подала керамическую чашу, наполненную ароматизированной водой. Он поспешил прополоскать рот.

– Убери это! – приказал Касс кухонной машине.

Механическая рука забрала чашу. Потом она принялась вытирать пол. Касс плавал в теплой желтоватой воде бассейна и все еще слышал, как

машина щелкала и гудела, выполняя работу.

Бассейн располагался в большом, похожем на грот помещении. Каменные стены «грота» были с одной стороны гладкие, отполированные, а с другой – грубые и шершавые. В зависимости от освещения, настроения и фантазии хозяев «грот» мог выглядеть по-разному. Он казался то сумрачным, когда тусклый свет отражался в черной воде, то сверкающим, как пещера горного короля, когда освещался цветными прожекторами, от которых появлялись узоры на стенах и потолке.

Касс наслаждался прикосновениями струй, включив водный массаж. Наконец он полностью расслабился. Захотелось спать. Он выбрался из бассейна, улегся на полосу подогретого песка и включил лампу «искусственное солнце»...

Планета Земля, Памир. Наше время

Марату больше не пришлось спать. Через окно лился в комнату бледный рассвет. Глафира, растрепанная и бледная, с заспанным лицом, шепотом отвечала на его вопросы.

– Вы это серьезно, насчет золота? Она лихорадочно кивала головой.

– Да! Да... Я сама видела. Лариса мне показала...

– Где она взяла самородок, не говорила?

Глафира всплакнула и долго сморкалась, прежде чем ответить.

– Честно сказать, я была шокирована. Они с Изотовым... ну... симпатизируют друг другу. Вот. И Лариса попросила его устроить нечто вроде экскурсии...

– Экскурсии? Куда?

– В туннель... Интересно же! Он, разумеется, охотно согласился. Они пошли. И там... что-то случилось непонятное. Вдруг погас свет. Лариса очень испугалась, упала и потеряла сознание. Изотов ее на руках вынес наружу, потом... мы привели ее в чувство.

«И правда, нервная барышня, – подумал Марат. – Чуть что – в обморок. Может, у нее в самом деле горная болезнь?»

– Часто у Мельниковой случались обмороки? – спросил он.

– Бывало... – кивнула администраторша. – Видать, здоровье слабое. Наш доктор тоже так считает.

– Хорошо. Допустим, Лариса пошла с Изотовым в туннель, там погас свет, она испугалась, потеряла сознание. Ну и что? При чем тут золото?

– Я точно не знаю, – ответила Глафира. – Но, думаю, связь есть. Мы вернулись в кишлак, Лариса все время лежала. Никуда не отлучалась. На следующее утро мы снова поехали к туннелю: на съемки последнего эпизода. Мы никак не могли снять взрыв.

– Почему?

– Паршин не разрешал. На наше счастье, он слег с радикулитом. Ларисе удалось уговорить Изотова, и тот пустил нас в туннель. Благодаря ей, понимаете? Эпизод мы благополучно отсняли. Но Мельникова... она все время нервничала, была сама не своя. Я думала, она боится из-за того... происшествия, или ей все еще нездоровится. Когда мы начали собираться, вещи складывать после съемок, Лариса отозвала меня в сторонку. Мы спрятались за ящиками, и она показала мне самородок. Вытащила из кармана куртки и спрашивает, мол, что это такое? Я глянула – сразу мурашки по коже побежали. Золото! Спрашиваю, где взяла? Она говорит, нашла...

– Где нашла?

– В кармане собственной куртки.

– Вы ничего не путаете? – удивился Марат.

– Я тоже не поверила. Но она именно так ответила: «В кармане куртки». Я точно помню.

– Какого размера был самородок?

– Не очень большой, как морской камушек...

– Ваш разговор мог кто-нибудь слышать? Глафира задумалась, поправляя волосы.

– Мы спрятались... но, кажется, кто-то подходил к ящикам. Мелькнула тень, и Лариса быстро сунула золото обратно в карман. Тут погас свет. Началась паника, беготня... было уже не до разговоров. Изотов помог нам выбраться из туннеля. Потом, когда мы садились в автобус, выяснилось, что Бахмет пропал. Его искали... В общем, нам с Мельниковой больше поговорить не довелось.

– Вы вернулись в кишлак вместе с Ларисой?

– Да. В автобусе рядом сидели. Она заснула. В дом я ее втащила полусонную, уложила в постель. Сама долго не спала. Думала, куда Бахмет делся? О золоте решила поговорить с ней утром. Ворочалась, ворочалась, и все-таки усталость взяла свое...

– То есть вы уснули? Глафира виновато кивнула.

– Ага. Крепко, как на грех. А утром... Ларисы уже в комнате не было. Остальное вы знаете. Я хотела промолчать о золоте. Никто, кроме меня, его не видел. Неприятно, если обо мне будут говорить, что я придумываю

всякую галиматью. Вы-то хоть верите?

Марат сразу поверил Глафире. Такое она бы сочинять не стала. Да и зачем?

– Спасибо вам, Глафира, – серьезно сказал он. – Вы правильно сделали, что все мне рассказали. Я постараюсь найти Ларису. Самородок мог послужить причиной ее исчезновения. Но больше никому ни слова. Обещаете?

– Обещаю... вот вам крест!

Господин «Багров» знал цену женским обещаниям, поэтому добавил для остротки:

– Мы не знаем, что случилось с Мельниковой. Ее могли убить...

– Из-за золота? – ахнула Глафира. Ее глаза стали большими, как два блюдца. – Вы думаете, что и меня...

– Вам лучше забыть о самородке, – зловеще прошептал Марат, оглядываясь на дверь. – Вы меня поняли?

– Господь милостивый! – запричитала Глафира, тоже невольно оглядываясь на дверь. – Спаси и помилуй! А я-то, дурочка, все на голубявана грешила... простофиля. Спасибо, что подсказали. Я теперь рот на замок закрою. Не сомневайтесь.

– Больше вы ничего подозрительного не заметили?

Администраторша долго и старательно пыталась вспомнить что-нибудь еще, но так и не смогла.

– Нет, – с сожалением призналась она. – Больше ничего не припоминаю.

Марат отказался от чая и завтрака, предложенных Глафирой. Ему хотелось побродить по окрестностям кишлака. Что он надеялся узнать? Мало ли... Вдруг повезет, и появится хоть какая-то зацепка.

Он шел между высокими каменными заборами, с удовольствием вдыхая прозрачный горный воздух. Бетра не было. Над домами поднимались дымы, блеяли овцы в загонах. Хозяйки растапливали печи, готовились варить еду на целый день.

Марат обратил внимание, что в селении нет собак. Это показалось ему странным. Вспомнились слова старого таджика про хищников, которые куда-то подевались.

Он не испытывал голода. Им овладело нетерпеливое возбуждение сыщика, который вот-вот нападет на след.

Яркая, пышная красота весенних гор поразила его. Везде, где зеленела трава, раскинулись ковры маков, диких тюльпанов и бонгардий. Карликовые деревья покрылись нежной листвой. Марат с трудом

продирался сквозь заросли шиповника и жимолости. Гигантские зонтичные травы кое-где достигали ему до пояса. Великолепие растений перемежалось красноватыми скалами, серым гранитом, лиловыми тенями трещин и глубокими обрывами.

Господин «Багров» взмок, облазив ближайшие окрестности кишлака. Никаких следов снежного человека ему обнаружить не удалось. Зато стало ясно, что найти здесь Ларису Мельникову или ее мертвое тело будет не так-то просто.

Он присел на камень и осмотрелся. Камень оказался теплым. Солнце поднялось высоко, растапливая остатки снега и льда. Между огромных, покрытых мхами и лишайниками валунов весело журчал ручей. Марата заворожила его однообразная незатейливая песенка. Воздух был настолько чист и прозрачен, что к окружающим кишлак снежным вершинам, казалось, можно дотянуться рукой.

«Два, три века здесь не имеют никакого значения, – подумал Марат. – Трудно отличить год от столетия в горах, которые исчисляють жизнь вечностью».

Ему вдруг почудилось, будто все это он уже видел, – весеннюю пестроту лугов, нагромождения скал, снежные шапки вершин, подобные алмазным коронам. И на всем – печать равнодушия и отрешенности.

В противоположность спокойствию гор, Марата неожиданно охватило сильное волнение, поднявшееся волной к горлу. Что это? Он чувствует опасность? Или... Нет, не может быть. Сердце его неприятно сжалось, в висках стучало.

Он встряхнулся, спустился к ручью, зачерпнул ледяной воды и умылся. Стало немного легче. Калитин вернулся к камню, сел и начал думать.

Куда делась Мельникова? Она могла пойти в горы и заблудиться... могла сбежать. Ее могли убить. Имеет ли это отношение к взрыву в туннеле? Вполне вероятно. Лариса могла что-нибудь услышать или увидеть, и ее просто убрали как ненужного свидетеля.

Пиротехники у всех на глазах носили в туннель взрывчатку – якобы для съемок. Могли они заранее, еще во время мнимого «взрыва», заложить настоящий заряд? Могли. Никто не следил за каждым их шагом. Могли они специально повредить кабель? Могли. Свет погас, и в темноте, суматохе им легче было проделать все необходимое. Остается главный вопрос. Зачем?

Теперь золото. Откуда Мельникова его взяла? Нашла в кармане куртки? Допустим. Тогда как оно появилось в кармане ее куртки? Подложили? Все тот же вопрос: кто и зачем? Если Мельникова лжет,

остаётся непонятным, откуда у нее самородок. Нашла в горах? Украла у кого-то из членов группы? Привезла с собой? Возможно...

Зачем она показала золото Глафире? Молчала бы, и все было бы в порядке. Не логично.

У Марата закружилась голова. То ли от горного воздуха, то ли от неразрешимой задачи. Как бы там ни было, а Мельникову придется искать. Живую или мертвую. Наверное, будет правильно попросить альпинистов о помощи. Только они смогут тщательно осмотреть окрестности. Киношникам и местным жителям это не под силу.

Господин «Багров» вернулся в дом к обеду. Глафира хлопотала на кухне. Мужчины играли за столом в карты, угрюмо переглядывались.

– Мне нужно поговорить с вами, – сказал Марат. – С каждым в отдельности.

Никто из членов группы не отказался от разговора, хотя далеко не всем понравилась дотошность приезжего.

К сожалению, эти беседы не помогли делу. Кто что делал в туннеле во время съемок, установить было практически невозможно. Да, все друг друга будто бы видели. Но любой мог отлучиться незамеченным. То же и в отношении ночевки в кишлаке. Все плохо спали. Почти каждый, кроме Глафиры, выходил ночью во двор. Подышать, покурить или в туалет. Мельникову никто не видел. Никто не заметил, как она вышла из дома...

Глава 7

Галактика SO-88, планета Драгия. Далекое прошлое.

Замок Вальганиуса стоял в широком рукаве туннеля, на возвышении, в стороне от центральной магистрали. Из его фундамента с четырех сторон били широкие, шумные струи темных подземных вод. На острых камнях, окружавших замок, висели клочья белой пены. За камнями начиналась отвесная стена.

Магистр Вальганиус закрылся в своей мастерской. Он работал. Тревожные мысли мешали ему сосредоточиться. Он умел проникать мыслями далеко в будущее. То, что он увидел там, потрясло Вальганиуса. Его длинное узкое лицо побледнело, хотя это казалось невозможным. Все жители подземного города и так отличались бледностью.

Внешность Вальганиуса портила слишком большая вытянутая голова. Во всем прочем он выглядел гораздо внушительнее любого из коренных жителей Жада. Магистр наблюдал, как жизнь под землей постепенно подтачивает жизненную силу драгийцев, этих маленьких и слабых существ. Их кожа стала слишком тонкой и почти белой, а тела – хилыми и болезненными.

Конечно, Вальганиус мог бы обзавестись самым красивым телом, но он считал, что уродство привлекает гораздо больше внимания, чем совершенство, которое быстро приедается. Вальганиус не был уродом, но весь его вид – высокая фигура, острый нос с горбинкой, выдающийся вперед раздвоенный подбородок и пронзительный взгляд глубоко посаженных глаз, – производил именно то впечатление, на которое он рассчитывал. Будь Магистр красавцем, ему бы завидовали, но и только. Он не так глуп, чтобы попасться на удочку тщеславия! Вальганиус сам любил ловить на эту наживку.

Магистра устраивала жизнь, которую он вел на Драгии, куда прибыл как гость, а потом остался насовсем. Здесь к нему пришел настоящий успех. Вальганиус приобрел влияние в кругах правящей верхушки Жада. Ему буквально смотрели в рот. Звание Магистра он присвоил себе сам, так как не нуждался в чужих оценках и отличиях. Вальганиус слишком далеко отодвинул границы невозможного и проник в такие области знания, что оценивать его стало некому. Его попросту боялись.

– Хетт, иди сюда! – громко крикнул он, зная, что секретарь находится в соседней комнате.

Хетт, слуга и секретарь Магистра, вздрагивал всякий раз, когда слышал пронзительный и скрипучий голос своего хозяина. Он сразу же поспешил на зов. По дороге ему попалось одно из тех ужасных созданий, которые слонялись по просторным хоромам Вальганиуса. Хетт никак не мог привыкнуть к ним. Эти отвратительные, жуткие существа подчинялись только своему хозяину. Казалось, что остальных они просто не видят и не слышат. Хетт прекрасно понимал, что это обманчивое впечатление. Он не раз становился свидетелем сверхъестественной ловкости, силы и бесстрашия уффов, как называл их Вальганиус. А еще уффы обладали феноменальной памятью. Хетту казалось, что они видят не только глазами, но и затылком. Не было такой мелочи, которую они упустили бы из внимания. Хотя о каком *внимании* могла идти речь? Живое внимание, присущее обычным жителям Жада, у них напрочь отсутствовало. Ничто не могло взволновать уффов, этих чудовищ, заставить их обернуться, посмотреть теплым, осмысленным взглядом. «Только Тьма могла породить подобное!» – не раз думал Хетт, обходя странных слуг Вальганиуса десятой дорогой. Вот и теперь секретарь торопливо отступил в сторону, пропуская одного из них.

– Хетт, ну где же ты, принеси мне мой трейл.

– Хорошо, господин Вальганиус, сейчас, – ответил секретарь, входя в комнату.

Если бы не щедрая оплата его услуг, Хетт давно сбежал бы. В замке Магистра все казалось противоестественным: поведение самого хозяина, общество его неприятных слуг и даже сама обстановка жилища. Вещи и те проявляли необъяснимые, с точки зрения Хетта, свойства. Вот, к примеру, огромные тяжелые зеркала в черных металлических рамах распространяли странные ароматы и являли отражения несуществующих в пределах замка жильцов и предметов. Проходя мимо, секретарь старался не смотреть в их пугающую серебристую глубину. Он опасался, что вместо собственного отражения увидит там какое-нибудь кошмарное видение.

Секретарь подал Магистру трейл и вышел из мастерской. Теперь он свободен. Трейл надолго займет хозяина. Иногда Вальганиус проводил с трейлом так много времени, что Хетт успевал соскучиться. Как ни странно, уффы тоже «скучали». Без Вальганиуса они становились вялыми и неповоротливыми.

Так было раньше. На этот раз секретарь не мог дожидаться, когда хозяин уедет. С некоторых пор жизнь Хетта изменилась. Он и не

предполагал, что с ним может произойти нечто подобное. Хетт боялся разоблачения... но был не властен над собой. Чего ему стоило скрывать свои чувства от хозяина! Хвала Богам, Вальганиус не слишком интересовался его неприметной персоной. Заслуженная секретарем репутация послушного и скромного помощника теперь работала на него. Хетт кое-чему научился от Магистра: он распознал скрытые пружины, которые управляют ходом событий. Одна из таких пружин – репутация. Стоит заслужить доверие, и открывается возможность воспользоваться им в своих собственных интересах.

Хетт ушел к себе в комнату и занялся просмотром корреспонденции. Постепенно мысли секретаря вернулись к тому, что стало для него постоянным источником радости и печали.

Мелодичный перезвон оторвал Хетта от запретных мыслей. Вальганиус снова призывал своего секретаря. Счастливое выражение его лица сменилось на привычное натянуто-вежливое. Излишнего подобострастия Магистр не приветствовал.

Хетт столкнулся с хозяином в коридоре.

– Я срочно уезжаю, – заявил Вальганиус и указал на скромную металлическую коробку с ручкой. – Возьми вот это и проводи меня к сетлею.

– Хорошо, господин.

Секретарь молча шел за Магистром. Ему с большим трудом удалось скрыть свою радость. Металлическая коробка оказалась довольно тяжелой и оттягивала руку. «Что там такое?» – гадал Хетт. Его мучило любопытство.

Уффы выглядывали из окон первого этажа замка. Их лица казались масками.

Единственная дорога, ведущая к замку Вальганиуса, была выложена красными плитами. Узор, выбитый на каждой плите, если на него посмотреть, вызывал сильное головокружение. Дабы избежать неприятностей, следовало идти, не глядя под ноги. Иначе можно упасть. Хетт давно привык ко всем премудростям жизни в усадьбе Вальганиуса, он мог пройти по этой дороге с закрытыми глазами.

– Съезди домой на пару дней, – милостиво разрешил Магистр. – Если хочешь, – с иронией добавил он и многозначительно улыбнулся, садясь в сетлей.

Хетт принялся благодарить. При этом он внутренне похолодел, его сердце замерло от страха. Неужели хозяин подозревает его в чем-то? Лицо секретаря сохраняло спокойное, приветливое выражение.

Вальганиус уехал, не дослушав благодарностей Хетта. Закрывая ворота за черным сетлеем господина, секретарь чувствовал себя сбитым с толку. Он вернулся в замок. Уффы отпрянули от окон и разбежались по комнатам. «Мог ли Магистр догадаться? – ломал голову Хетт. – Нет, он просто проверяет меня».

Секретарь много раз убеждался в невероятном коварстве и хитрости Вальганиуса. И все же он решил, что не стоит придавать слишком большого значения уловкам господина.

Свобода! Хетт знал, как распорядиться ею. Его жизнь так и осталась бы серой и монотонной, как у большинства драгийцев, если бы не любопытство. Он грешил им с самого детства, обожая подслушивать и подсматривать. Здесь, в усадьбе, он следил за хозяином. И вот однажды ему открылось нечто необыкновенное...

В замок Вальганиуса тайно привезли огромный темный ящик, внутри которого... Даже наедине с самим собой Хетт не смел назвать – *что*. Магистр обладал дьявольской проницательностью и запросто мог уловить мысли секретаря. О содержимом ящика Хетт узнал не сразу. Но как только ему удалось увидеть *это*... он чуть не лишился рассудка. Хетт и не подозревал, что в мире может существовать *такое*. Он увидел нечто, красотой затмевающее солнце!

Секретарь потерял голову. Вряд ли он понимал, какие чувства испытывает. На Драгии никто не говорил о любви. Хетт читал об этом в электронных текстах единственной библиотеки Жада. Читать его побудило все то же любопытство. Но чтение – это одно, а жизнь – совершенно другое. Такой простой вывод оказался озарением для Хетта.

О содержимом ящика знали только Вальганиус и его секретарь, тайно посещавший комнату, где было спрятано сокровище. Сегодня он не мог явиться туда без подарка. Он должен написать новые стихи. Раньше Хетт не писал ничего подобного. Прекрасное *нечто* стало его музой. Хетт не мог отказаться от счастья видеть *это*, произносить слова восхищения, читать стихи, которые являлись ему сами собой, без всякого усилия.

Он вернулся к себе и начал записывать:

Ослепленным очам красота неизвестна,
Но прозрели бы очи, чтобы *увидеть*...
Поверьте, слепые прозрели бы очи
Для того лишь, чтобы *увидеть*...
Ночью угаснет свет, во тьму оденется мир,
Но и ночь отступит в смятенье,

Даже звезды объаты волнением,
Лишь однажды увидев...
О, зачем вы проснулись, мечты?
Для чего вы меня погубили
Неясным звуком леи?^[6]
Из жизни простой увели,
И сказкой волшебной пленили?
Для чего?...

Хетт остался доволен музой, которая его посетила. Как коренной житель Жада, он уже давно не видел звезд. И тем более солнца. В подземном городе царила вечная ночь, расцвеченная огнями, или искусственный вечный день, – кому что больше нравится. Но в стихах Хетту являлись забытые образы, приводя его в восхищение.

Он мечтал о той минуте, когда вновь увидит. Эти минуты составляли теперь весь смысл его жизни. Оставалось дожидаться, пока уффы уснут. Их сон был чуток, но Хетт научился бесшумно ходить по замку, без единого звука открывать любые двери. Кроме того, он придумал, как обезопасить себя от уффов. На этот раз слуги Магистра будут спать как мертвые, потому что он подсыпал в кухонную машину, которая подавала уффам питье, снотворный порошок...

Планета Земля, Памир. Наше время

Чтобы сэкономить время, Марат решил не возвращаться к туннелю. Киношники подробно объяснили ему, как добраться до базового лагеря альпинистов, и он отправился в путь. До вечера ему лучше быть на месте. Ночами в горах холодало, а идти в темноте по незнакомым горным тропам, да еще тащить за собой мотоцикл и вовсе не представлялось возможным.

Здесь, в районе Язгулемского хребта, ему предстояло выяснить: зачем господин Ревин с риском для жизни вкладывал огромные деньги в строительство туннеля и съемки фильма, кто и почему устроил взрыв и куда подевалась Лариса Мельникова, обыкновенная школьная учительница. Правда, бывшая.

У Марата была великолепно развита интуиция. Именно ей, а не логическим рассуждениям он отдавал предпочтение. Это много раз

оправдывалось. Он явственно ощутил, что искать разгадку надо не в туннеле. Вернее, не в том, кто и как его взорвал. Все и проще, и сложнее. Само строительство, выбор места... Казалось бы, ни в первом, ни во втором нет ничего странного. Нужна автомобильная трасса, ее, по определению специалистов, лучше всего проложить через Язгулем. Место тут удобное, так что все логично. Марат уважал логику, но та сильно уступала интуиции. Интуиция – признак гения, а логика – свойство приземленного ума.

Он решил слушаться внутреннего голоса и поехал к альпинистам. Там он надеялся кое-что узнать.

Мотоцикл быстро преодолел расстояние до развилки. Марат вытащил из планшета карту. Развилок было несколько, и только одна из них, третья по счету, вела к базе альпинистов. Впрочем, «развилка» – это громко сказано. Калитин едва не пропустил ее. Извивающаяся между камнями и скалами тропа, по которой надо бы ехать на ишаке, а никак не на мотоцикле, вела чуть вверх, теряясь в зарослях шиповника и арчи.

Марату пришлось немало помучиться, прежде чем он решился оставить мотоцикл и идти к лагерю своим ходом. Он был в превосходной физической форме и все же быстро устал. Передвигаться в горах, по незнакомой местности оказалось не так-то легко. Спустя полтора часа начало темнеть. Тропа превратилась в тропинку, которая вилась теперь вдоль крутого склона. Марат достал фонарь. Из-под ног, шурша, осыпались мелкие камешки. В некоторых местах тропинка опасно подходила к краю обрыва. С непривычки путешественник испытывал сильное напряжение. Все тело гудело, пот заливал глаза. Потом идти стало легче. Тропа снова расширилась и шла чуть вниз. По бокам попадались карликовые деревья.

Когда запахло дымом, Марат вздохнул с облегчением. Все-таки он добрался!

Посередине большой поляны горел костер. Вокруг него сидели несколько бородатых мужчин в ветровках и громко смеялись. Марат остановился за деревьями, чтобы отдышаться.

Над костром висел вместительный котел, распространяя аромат тушеного мяса. Один из мужчин встал и принялся помешивать варево. Калитин только сейчас почувствовал, что голоден.

– Здравствуйте! – как можно приветливее сказал он, выходя из своего убежища.

Мужчины у костра сразу насторожились и повернулись в его сторону.

– Привет, коль не шутишь, – ответил один из них, самый внушительный по виду.

Марат представился Алексеем Багровым, членом комиссии по расследованию причин взрыва в туннеле. Ему пришлось предъявить соответствующую корочку.

– К нам уже приезжали спецы, – сказал тот же внушительный дядя, назвавшийся завхозом базы. – Обо всем расспрашивали.

– Теперь еще я спрошу, – улыбнулся Марат. – Еле добрался к вам. Надежно вы тут устроились.

– Мы вообще-то собрались поужинать, – сказал седоватый человек с твердым изучающим взглядом. – Присоединитесь?

– С удовольствием...

Каша с мясом и какими-то пахучими корешками показалась Марату очень вкусной.

– Это наш завхоз мудрит, – шутили мужчины. – Как только снег сошел, он сразу отправился за витаминами. Напихивает эти корешки в каждое блюдо. Сначала мы есть боялись, а потом ничего, привыкли. Голод не тетка.

– Я же о вас забочусь, – обиделся завхоз. – Чудаки, ей-богу! Весна пришла. Зелень кушать надо. А, им не объяснишь!

Он махнул рукой и набрал себе вторую порцию каши.

После ужина господин «Багров» познакомился с постоянными обитателями базового лагеря. Их оказалось шестеро: начальник, завхоз, трое спасателей и врач.

– Не маловато вас? – удивился Марат. – Вдруг какая-нибудь группа попадет в экстремальные условия? Как вы сможете помочь?

– В таком случае вызываем специальный отряд, – ответил седоватый человек, назвавшийся начальником лагеря. – Раньше базы были оснащены получше и штат имели побольше. Но теперь альпинизм некому финансировать, поэтому выживаем, как получается. Многие отправляются в горы на свой страх и риск.

– Все группы, которые находятся в горах, имеют с вами связь?

– Должны.

– То есть вы не ручаетесь?

– Разумеется, нет. Мы находимся здесь, чтобы обеспечить безопасность восхождений. Но всегда есть люди, которым чихать и на собственную жизнь, и на жизнь своих товарищей.

– А те пятеро кто? – спросил Марат, указывая на альпинистов, которые держались несколько особняком.

– Это группа Ильи Вересова. Их вообще-то было пятеро, но один провалился в трещину, ногу сломал. Мы его сняли со скальной площадки, оказали неотложную помощь и отправили в больницу.

- Так их и сейчас пятеро, – удивился Марат.
- Нет. Пятый спустился сюда из общины. Какой-то друг Ильи.
- Что за община?

– Это вы лучше у него расспросите, – пожал плечами начальник лагеря. – Я не вникал. Давно слышу про гуру, который основал в здешних горах общину просветленных. Живут отшельниками. А чем они там занимаются? Не имею понятия.

Марат по очереди переговорил со всеми, но ничего нового не услышал. Кроме истории с покушением на консервные банки. Он сумел так расположить к себе завхоза, что тот ему все выложил. И про голуб-явана, и про капканы.

- Так вы подозреваете снежного человека? – от души хохотал Марат.
- Ну... Кто еще мог натворить такое?
- А поймался ни в чем не повинный отшельник?
- Я такого не ожидал, – смутился завхоз. – Черт его принес, не иначе. Но капканы сразу забрал от греха подальше. Ну их в баню! Еще когонибудь принесет нелегкая, а мне отвечай.

О взрыве в туннеле альпинисты узнали от строителей по рации. Ни перед взрывом, ни в ту ночь, ни после никто из лагеря не отлучался. Во всяком случае надолго.

– От нас до туннеля – хорошим шагом несколько часов пилить, – объяснил завхоз. – И обратно столько же. Так что, если бы кто уходил, все бы заметили.

Илья Вересов и его ребята особенно понравились Марату. Молодые, сильные, ловкие... Настоящие «барсы». Один Кострома казался неопытным и робким, как девушка. Он то и дело заливался краской, и веснушки на его лице становились ярче.

– Мы все время были вместе, на виду друг у друга, – сказал Илья. – Кроме Гоши. Он вышел ночью из палатки, провалился... Снежный карниз подвел. Досадная случайность. Мы его почти сразу нашли. Со сломанной ногой он никуда ходить не мог.

У Марата сложилось впечатление, что Вересов чего-то не договаривает. Но у такого лучше не допытываться. Захочет – сам скажет.

– Можно мне воспользоваться вашей связью? – обратился господин «Багров» к начальнику базы. – В кишлаке человек пропал. Женщина. Хочу сообщить председателю комиссии.

- Таджичка?
- Нет. Из съемочной группы. Как вы думаете, люди Вересова помогут искать?

– Конечно! Здесь без специального снаряжения не обойтись. Если она в пропасть сорвалась или...

– Мы пока не знаем, – перебил его Марат. – Позвольте, я свяжусь с Батыркуловым. Времени мало.

– Что ж вы раньше молчали? – удивился начальник базы. – Тут каждая минута дорога.

– Поздно уже. В темноте какие поиски?

– И то верно.

Он отвел Марата в палатку с радиостанцией и велел оказать гостю всевозможное содействие. «Багров» сообщил Батыркулову о том, что задержится в связи с поисками Ларисы Мельниковой, и получил добро.

– Ну вот, теперь можно и поспать, – вздохнул он. – Устал я. Утро вечера мудренее.

Несмотря на усталость, сон никак не шел. Внутреннее чутье подсказывало Марату, что Лариса мертва. Поэтому он не торопился с поисками. Как он ни гнал от себя страшную мысль, она возвращалась с завидным упорством.

...и царствовали в империи инков тринадцать Сынов Солнца. И возвели они Куско, Тиауанако, Мани-Пикчу и огромные крепости Олиантатамбо и Саксауаман. И строили они дороги через горы и прокладывали они нескончаемые подземные туннели и лабиринты, в которых...

Марат очнулся. Что это? Опять «видения»? Или он все-таки заснул? Обилие впечатлений породило странные образы.

«Я спал или не спал? – спросил он себя. – О, черт! Не хватало еще мне подхватить горную болезнь!»

Он закрыл глаза и снова попытался заснуть. Напрасно... Образы, один причудливее другого, упорно лезли в голову, не позволяя расслабиться.

– Ну что ты будешь делать? – рассердился Марат. – Пойти свежим воздухом подышать, что ли?

Он натянул на себя куртку и вышел из палатки. Луна лежала на изгибе горного хребта, как яркая голубая жемчужина на ладони Памира. Ночь окутывала это немое великолепие черной прозрачностью.

– Вуаль ночи покрыла лик прекрасный гор...

Марат обернулся. Илья Вересов подошел неслышно, как кошка, встал рядом.

– А вы поэт!

– Люблю горы, – признался альпинист. – Особенно Памир. Здесь ощущаешь себя богом, влюбленным в земное.

Они помолчали.

– Не спится? – спросил Марат.

– Тревожно что-то... Беспокоюсь, сам не знаю почему.

Илья подошел ближе, с усмешкой произнес:

– А вы не простой человек. Я сразу понял. Вы не член комиссии...

– Показать документ?

– Не надо, – отмахнулся Вересов. – При чем здесь документы? Мы с вами взрослые люди.

– О чем вы умолчали, Илья? – прямо спросил Марат.

Он понял, что с Вересовым лучше не лукавить.

– Вот, смотрите. – Илья разжал ладонь, и на ней тускло блеснул самородок. – Золото. Его Марков нашел. Во всяком случае он так сказал. У нас был странный поход... Все не заладилось, как нарочно. Невезуха, одним словом. Тут еще это. Что с ним делать, ума не приложу...

Глава 8

Галактика SO-88, планета Арагил. Далекое прошлое

Сетлей, в котором Вальганиус ехал на свою последнюю встречу с верховным правителем Драгии, покинул пределы Жада и с огромной скоростью мчался по загородной трассе. Магистр не обращал внимания на светящиеся полосы за окнами сетлея. Он думал.

Ему надоело скитаться по захудалым планеткам, на которых никчемные создания судорожно пытались выкарабкаться из нищеты и бесконечной изнурительной вражды. О, как Вальганиус презирал их и рожденные ими в муках примитивные цивилизации! Но что было делать? Представители высокоразвитых сообществ отвергали его услуги. Они были захвачены собственными играми и не интересовались величайшими открытиями Магистра. Его незаурядные способности не были ими востребованы.

Вальганиус слыл непревзойденным мастером интриг, всевозможных хитростей и уловок. Он обожал надувать простаков и делал это виртуозно, с истинным наслаждением. Так им и надо! Впредь будут умнее. Для чего же существует глупость, если не для забавы тех, кто умеет соображать?

Магистра побаивались. Те, кто отважился воспользоваться его многочисленными талантами, потом старались избавиться от неудобного. А ну как он и их обманет? Только на Драгии Вальганиус обрел то, о чем мечтал, – признание, поклонение и неограниченную власть. Здесь он мог делать все, что ему заблагорассудится. Он только-только вошел во вкус...

– Проклятие! – прошипел Магистр. – Проклятие!

Он мог дать себе волю. Ведь никто его не видел. Маску можно снять и хоть пару мгновений побыть самим собой.

Вальганиус приготовил для правителя Драгии доклад, который теперь не имел никакого смысла. Он делал последние па в своей замысловатой пляске.

Магистр ощущал легкую досаду. Почему он не властен над великими законами Вселенной? Она, словно капризная женщина, делает все по-своему. Ее деяния лишены смысла. Она безжалостно ломает планы в самый неподходящий момент, а он, Властелин Духа, вынужден тайно спасаться бегством, как преступник. Магистр тяжело вздохнул.

Сколько усилий потрачено впустую!

Уникальная технология искусственного воспроизводства живых организмов, которая когда-то стоила ему всего, что он имел, способна сделать его влиятельным и богатым в любой части звездного мира. В этом Магистр не сомневался. Всегда найдутся желающие иметь множество послушных, безвольных рабов.

Вальганиус вспомнил уффов – своих первенцев, которых он любил, как собственных детей. Ему пришлось приложить много сил, чтобы создать их. Уффы были его победой, его величайшим, непревзойденным триумфом. Они открыли ему дорогу к иной жизни – полной власти, могущества и славы. Да, славы! О, как он упивался ею в своем воображении, которое наконец-то становилось реальностью!

И что же теперь? Его великая цель, дело всей его жизни – в опасности. Все рушится, идет прахом. Он в один миг может лишиться всего, к чему шел, кажется, целую вечность!

Этого Вальганиус не мог вынести.

Благодаря своим талантам он обрел неограниченную власть над «жизнью» и «смертью» и сумеет сохранить ее. Главное – вовремя покинуть тонущий корабль.

Резиденция Верховного правителя Драгии находилась далеко за городом. Здание было построено из гладкого и теплого на ощупь белого мрамора. Освещенное с четырех сторон, оно переливалось мягкими оттенками розового цвета и напоминало перламутровую раковину. Внутренние помещения резиденции украшали многочисленные мозаики, скульптуры, резная мебель, ажурные занавесы.

Ожидая Вальганиуса, Канто немного нервничал. Он постоянно следовал советам Магистра и ни разу не пожалел об этом. Вальганиуса ему послала сама судьба. Если бы не он... Канто вздрогнул от пробежавшего по телу холода. Его подданные дошли до того, что пытались лишить жизни своего правителя! И это пассивные, инертные драгийцы! Такого история планеты еще не знала. Проклятый климат! Все дело в ужасном дожде, который лил и лил. Ему не было конца...

Никто не знал, что предпринять, как спастись. Просто счастье, что на Драгии обнаружили месторождения золота. Сами Боги наградили его планету этим бесценным даром! Канто не понимал, за какие заслуги. Сначала он много думал об этом, а потом перестал. Все равно ничего путного не приходило в голову. Золото спасло Драгию от неминуемой гибели. И это – главное.

Сильная и могущественная цивилизация Хелион, испытывая острую

нужду в золоте именно такого качества, как на Драгии, нашла их несчастную планету и помогла выстоять в самые тяжелые времена. Надо же, из каких космических глубин явились хелионцы! Канто и не подозревал, что существуют другие галактики, в которых развиты такие знания и такая техника. Достижения хелионцев поражали воображение.

Они построили на поверхности Драгии великолепную взлетно-посадочную площадку, которая возвышалась над болотной жижей, снабдили Канто несколькими летательными аппаратами и научили ими пользоваться. Они превратили тесные, примитивные подземелья, где ютились драгийцы, в просторные многоуровневые лабиринты с гладкими, будто отполированными стенами и потолками, потайными помещениями и чудесными дорогами. Город Жад был обязан хелионцам источниками энергии, системой жизнеобеспечения и прекрасным освещением домов и улиц. Они обменивали на золото превосходные изделия, различные приборы, средства связи и транспорт. Технологии производства сетлеев, трейлов, кухонных машин и многого другого – все это привезли на Драгию хелионцы, щедрые и миролюбивые существа. Причем они совершенно не вмешивались во внутренние дела планеты и политику правительства Канто.

Драгия могла бы процветать, если бы ее жители не восстали. Они оказались капризными, изнеженными, эгоистичными и спасовали перед трудностями. Драгийцы, видите ли, не желали «копаться в грязи» и мокнуть под дождем! Они слишком привередливы и избалованы, чтобы заниматься «черной работой»!

Техника же отказывалась работать в болотной жиже. Несколько машин, предложенных хелионцами, были, по мнению Канто, непомерно дороги и быстро сломались. Так никаких запасов золота не хватит. И вообще, Боги повелели, чтобы драгоценный металл добывался вручную. Он этого достоин, в конце концов! Так Канто и заявил хелионцам. Те согласились, что золото диктует свои условия, которые необходимо уважать.

Если бы еще драгийцы это поняли! Но нет. Они отказывались вылезать на поверхность, подставляя свои слабые тела под дождь и ветер. Сырость страшила их, казалось, сильнее, чем смерть. Ничто не помогало. Ни уговоры, ни высокая оплата труда, ни привилегии, ни угрозы, ни принуждение. Канто не ожидал от своего народа подобного упрямства и непримиримости. У него не было даже обученной армии, дабы держать подданных в подчинении. Только горстка личной охраны. Эта оплошность едва не стоила ему жизни.

Канто и его правительство впали в отчаяние. Они зашли в тупик, не

видя никакого выхода. И тут... на Драгии попросил убежища Магистр Вальганиус. Великий Изгнанник – так он представился. Канто было все равно. Он испытывал полнейшую апатию в преддверии скорой гибели. Если какой-то там Великий Изгнанник хочет разделить их участь и отправиться ко всем чертям, то почему бы не предоставить ему эту возможность? Он просто не знает, что происходит на Драгии.

Так думал Канто. Но Вальганиус рассудил по-другому. Проблема не представлялась ему неразрешимой. Напротив, планета Драгия станет его испытательным полигоном, стартовой площадкой для его опытов.

– Для того чтобы иметь желаемое, нужно потрудиться, – сказал он правителю при встрече. – Я готов помочь вам в обмен на блага, которые я заработаю.

И Канто пообещал Великому Изгнаннику все, что тот попросил.

С тех пор многое изменилось. Правитель уже не представлял себе жизни без Магистра и его неоценимых советов. Вальганиус не только говорил, но и делал. Он творил чудеса! Он оказался палочкой – выручалочкой для ленивого неповоротливого Канто и его министров.

«У них заржавели мозги, – думал Вальганиус, вслух произнося хвалебные, льстивые речи. – Это мне на руку. Пусть они раздуваются от собственной важности, как мыльные пузыри. А я тем временем буду осуществлять свои планы. Они и не заметят, как попадут в полную зависимость от меня, в вечную невозвратную кабалу!»

Так и произошло. Канто уже шагу не мог ступить без Вальганиуса. Он ловил на лету каждое слово Великого Изгнанника, который давно стал на Драгии своим. Вот и сейчас правитель с нетерпением ожидал Магистра в овальном зале своей роскошной резиденции.

На этот раз Вальганиус обещал изложить суть идеи, сулившей сказочные перспективы для правителя и народа Драгии. Разумеется, если Канто решится на осуществление коварного плана, предложенного им.

Нельзя сказать, чтобы общение с Магистром доставляло Канто удовольствие. В присутствии Вальганиуса он чувствовал себя неуютно. Скорее, это была необходимость. Правитель начинал понимать, что попал в непонятную ему зависимость от Великого Изгнанника.

Канто был драгийцем, таким же ленивым и невежественным, как и его подданные. Он никогда не рассматривал жизнь с разных точек зрения. Он слишком заиклился на самом себе, чтобы осознавать тонкое воздействие одной личности на другую...

Планета Земля, Памир. Наше время

Рано утром Марат с группой Ильи Вересова вернулся в кишлак. Они решили искать Ларису Мельникову сами, не привлекая киношников.

«Зачем они нам нужны? – рассудил Вересов. – Только под ногами будут путаться. Без снаряжения и навыков в горы лучше не лезть. Скалы не любят дилетантов. Еще свалится кто-нибудь, разобьется, не дай бог... Придется вместо поисков заниматься пострадавшими. Ну их!»

Марат не мог не согласиться с логикой Ильи.

Он расспросил Глафиру, во что могла быть одета пропавшая женщина. Всхлипывая и шмыгая носом, администраторша перебрала оставшиеся в комнате вещи Ларисы.

– Наверное, она надела синие спортивные штаны, красный свитер и куртку.

– Куртка какого цвета? – уточнил Калитин.

– Коричневая, на молнии...

– Та самая?

Марат имел в виду, та ли это куртка, в кармане которой Лариса нашла золото. Глафира его поняла и кивнула.

– Ага, та самая.

Интересно, золото Лариса взяла с собой? Или оно где-то в другом месте? Пропавшая помощница могла спрятать самородок в комнате.

– Можно, я тут у вас немножко пороюсь? – с видом заговорщика спросил Марат. – Вдруг Лариса записочку оставила или еще что?

Глафира вяло махнула рукой.

– Ройтесь, сколько влезет... Теперь уж все равно.

Марат не понял, что она хотела этим сказать, но раздумывать было некогда. Его ждали Вересов с ребятами.

– Я быстро, – пробормотал он, приступая к поискам.

Надо было сделать это еще вчера. Как он мог так промахнуться? Целая ночь прошла. Кто-то вполне мог обыскать комнату женщин до него. Это все спешка...

– Сюда заходил кто-нибудь, кроме вас? – спросил он.

– Любой мог зайти. Дверь без замка, на ключ не запрешь... А что?

– Да нет... ничего. Я просто так спросил.

Глафира стояла, не зная, куда девать руки, и нервно вздыхала.

– Мне уйти? – наконец, после очередного протяжного вздоха, спросила она.

– Как хотите.

Марату было недосуг отвлекаться на администраторшу. Он торопился. Профессионально исследуя чемоданы, сумки, ящики, мебель и разбросанную повсюду одежду, он не переставал думать.

Если Лариса стала нежелательным свидетелем, то у нее практически нет шансов остаться в живых.

Если же она сама причастна к взрыву, то просто-напросто сбежала. Она могла быть сообщницей преступника или преступников, и ее исчезновение – попытка сбить со следа и внести сумятицу.

Будучи действительно подвержена психозу, Лариса могла выбежать из дома и... тут вариантов несколько. Заблудилась, упала и разбилась насмерть. Упала и не может выбраться, но почему-то не зовет на помощь. Упала, получила травму и находится в бессознательном состоянии.

Есть еще вариант. Покончила с собой. Бросилась в пропасть. Почему? Да тот же психоз. Чем не объяснение?

Оставался вопрос. При чем тут золото? Имеет ли самородок отношение к исчезновению Ларисы? Не является ли именно он причиной происшедшего с ней?

Как и следовало ожидать, никакого золота Марат в комнате не нашел. Либо оно все так же лежало в кармане куртки Ларисы, либо та спрятала его в другом месте, либо... самородок был у нее похищен.

– Алексей! – крикнули со двора.

Господин «Багров» узнал голос Вересова. Он с сожалением обвел глазами комнату. Куда еще Мельникова могла положить золото?

– Алексей Юрьевич! Пора было идти.

Марат, надев темные очки, вышел во двор. Солнце уже светило вовсю. Ветер трепал вековой орех, протянувший свои ветки над крышей дома, гнул кусты у забора. По яркому небу быстро бежали облака.

– Идемте, Алексей Юрьевич, – сказал Илья, переминаясь с ноги на ногу от нетерпения. – Погода портится.

– Разве? – Марат поднял голову. Яркое весеннее утро не предвещало ничего дурного.

Вересов показал на вершины гор, тонушие в тумане.

– Видите, как облака гонит? Ветер северный. Скоро похолодает. Если мы поднимемся выше, то и снег пойти может.

Он скептически покосился на кроссовки Марата.

– В такой обуви вам будет неудобно. Я еще вчера хотел сказать. Забыл. Надо было в лагере подыскать для вас что-то подходящее.

– Ладно, – вздохнул Марат. – Обойдусь как-нибудь.

Трое альпинистов – Аксельрод, Потапенко и Саворский, – стояли чуть поодаль, ждали. Вересов махнул им рукой.

– Выходим!

Так они и шли по окраине кишлака: ребята впереди, Вересов с Маратом сзади, немного отставая.

– Вы думаете, эта женщина, Лариса, жива? – спросил Вересов.

Господин «Багров» неопределенно развел руками.

– Надеюсь...

– А я нет, – покачал головой Илья. – Предчувствие... Мне много раз приходилось искать пропавших, заблудившихся. Чутье выработалось.

– Лучше бы на этот раз оно вас подвело, – серьезно сказал Марат.

– Ага...

Вересов согласился, но без энтузиазма.

– Все равно искать надо!

– Это конечно...

Некоторое время они шли молча, думая каждый о своем. На душе у Вересова стало гораздо спокойнее с тех пор, как он отдал самородок приезжему из Москвы. Пусть теперь у этого Алексея Юрьевича голова болит. А с него хватит.

– Послушайте, Илья, – вторгся в его размышления москвич. – Вы не допускаете, что здесь, в горах, прямо на поверхности можно найти самородное золото?

– Как геолог, я в этом сомневаюсь. Раньше ничего такого не было. Я, например, ни разу не находил. Другие тоже. Вы же были у нас в лагере, почему не поговорили с ребятами? Ручаюсь, что все бы сказали то же самое, что и я.

Марат промолчал. Когда Вересов рассказал ему о золоте, у него возникло странное чувство причастности к чему-то важному, о чем никто, кроме него, не должен узнать. Сначала Марков, потом Мельникова... оба нашли самородки. И обоих нет. Марков-то жив, просто находится далеко, а вот Лариса... Неужели она поплатилась за свою тайну жизнью?

Теперь Марат почти не сомневался, что взрыв в туннеле и золото каким-то образом связаны. Он сразу принял решение помалкивать. Пусть Батыркулов и его комиссия разбираются, как все произошло. О золоте господин «Багров» никому ничего не скажет. Докопаются сами – тогда, как говорится, бог в помощь. А пока...

Он не мог объяснить себе, почему решил молчать. Глубокое внутреннее убеждение в том, что он поступает правильно, возникло на

пустом месте. Ничем не подкрепленное. Но Марат привык доверять себе.

– Вы говорили еще кому-нибудь о самородке? – спросил он Вересова.

– Только Сане.

– Кто это?

– Саня Аксельрод, мой друг, – Вересов показал на альпинистов, шагающих впереди. – Я в нем уверен, как в самом себе.

– Никто больше не должен ничего знать, – сказал Марат. – Вы меня поняли? Никто. Сейчас не время.

Вересов согласно кивнул.

– Я тоже так подумал. Ни в лагере, ни спецам я о золоте не говорил.

– Это может быть опасно для жизни, – на всякий случай предупредил Калитин.

– Я не боюсь, – вскинул на него глаза Вересов. – Просто думаю, что вы правы. Есть в этом что-то... не знаю, как сказать... жуть какая-то. Словно тебе в затылок дышат, а ты, сколько ни оглядывайся, не видишь кто. С нами здесь разные странности случались. Сначала банки с консервами кто-то раскурочил, потом во время камнепада мертвый альпинист сверху свалился... Позже хватились, нет его. Коллективный мираж, что ли? В горах всякое бывает. Я когда Маркова в медпункте проводывал, он признался, что консервы вскрыл и выбросил. А зачем? Сам не понял. Потом золото у него в рюкзаке обнаружилось...

– Мне кажется, исчезновение Ларисы Мельниковой тоже связано с золотом.

Илья даже приостановился, уставившись на приезжего.

– Вы серьезно? Или пугаете меня? Марат покачал головой.

– Вы, смотрю, не из пугливых. Я делюсь своими соображениями, только и всего.

– Спасибо... – усмехнулся Илья.

Непонятно было, доволен он оказанным доверием или нет.

– На здоровье, – с такой же усмешкой ответил Марат.

– Вам бы в общину наведаться не мешало. К Нангавану. Они здесь давно обитают, многое видели. Может, что и подскажут.

– Далеко это?

– Не близко. Голдина попросим, он проводит. Потом, когда женщину отыщем.

Кишлак давно исчез из виду. Ветер крепчал, идти становилось все труднее.

– Я же говорил, погода портится, – сказал Илья.

Они подошли к глубокому провалу. Внизу, между скальных стен белел

снег.

– Другие расщелины еще дальше, – махнул рукой Потапенко. – Я местных расспросил. Надо здесь искать.

– Там никого не видно, – сказал Аксельрод, наклоняясь. – Черт! Выступ мешает. Ну что, будем лезть?

– Что подсказывает ваше чутье? – спросил Марат у Ильи.

Тот молчал, вглядываясь в глубину расщелины.

– Пойдите-ка... – приезжий принялся внимательно исследовать прицепившиеся к скалам мелкие кустики. – Что это, по-вашему?

Он протянул Вересову тонкую синюю ниточку.

– Нитка, – сказал тот. – Кусты колючие, вот она и... Во что была одета ваша дама?

– В синие спортивные брюки, красный свитер и коричневую куртку.

– Значит, надо лезть, – вздохнул Аксельрод. Вересов подошел поближе к краю, снял очки и внимательно приглядывался, выбирая место для спуска.

– Ни черта не видно... Там несколько выступов, – он показал рукой вниз. – Она могла скатиться под один из них. Придется спускаться. Потапенко, дай-ка мне ледоруб на всякий случай.

– Я с тобой, – вызвался Аксельрод.

– Зачем? Если что, я вам крикну.

Вересов привязал к поясу приспособление для подъема тела пострадавшего, попросил ребят подстраховать и начал медленно спускаться.

– Неудобно как, – заметил Кострома, стоя у края провала и наблюдая за происходящим. – Выступов много. Странно, что она не задержалась ни на одном.

– Может, ее там и нет, – возразил Потапенко. – Шла мимо, зацепилась штаниной за куст... и все дела.

Всех охватило лихорадочное нетерпение. Первым не выдержал Аксельрод.

– Ну, что там, Илюха? – крикнул он, сложив ладони рупором.

Вересов молчал.

– Э-эй! Илья! Нашел?

Страховочная веревка несколько раз дернулась.

– Что-то есть! – обрадовался Потапенко.

Марат всматривался вниз, но ничего не видел. Пот заливал глаза. «Это от напряжения, – подумал он, вытирая мокрый лоб. – Хорошо, что больше искать не придется. Лариса здесь». Он чувствовал приближение развязки.

– Э-э-эй! Илья! – кричал Потапенко. – Ты в порядке?

Вересов скрылся за одним из выступов и не подавал голоса. Страховочная веревка снова дернулась.

– Давай, тащи! – крикнул Аксельрод.

Альпинисты действовали слаженно и без лишней суеты. Марат невольно залюбовался. Спустя несколько минут они вытащили безжизненное тело Ларисы. Как и предполагалось, она была одета в синие брюки. Из-под куртки выглядывал красный свитер. Ее бледное запрокинутое лицо отдавало синевой, волосы слиплись и смерзлись.

Марат сразу понял, что она мертва. Но все-таки попытался нащупать пульс, потом расстегнул куртку, приложил ухо к груди. Тишина. Он не видел, как выбирался из расщелины Илья.

– Мертвая она, – тихо сказал Вересов, опускаясь на корточки рядом. – Заледенела вся.

Марат быстро обыскал тело, обшарил карманы куртки. Золота не было. Все, кроме Ильи, с недоумением и скрытым презрением следили за его действиями...

Глава 9

Москва

Ангелина Львовна ехала в метро и думала о Марате. Он не звонил. Впрочем, разве он обещал, что будет звонить?

Сегодня она выехала пораньше: до первого сеанса нужно успеть поговорить с Самойленко. В ее сознании теснились странные образы, возникали феерические картины, которые утомляли, лишали сна и нормального отдыха. Все это было так или иначе связано с золотом. Совершенно чуждые видения и мысли хлынули из неизвестного источника и буквально затопили ее внутренний мир. Сама того не желая, она погружалась в их иллюзорную реальность в самый неподходящий момент. Например, в магазине, раздражая этим продавцов. Доктор Закревская не могла спокойно работать, не могла читать, смотреть телевизор, заниматься обычными домашними делами. Она была близка к панике.

Полный пассажиров вагон метро мерно громыхал, несясь по темным туннелям от станции к станции. Ангелина Львовна задремала... И сразу изо всех уголков ее сознания или подсознания, – она уже перестала отличать одно от другого, – полезли навязчивые мысли о каком-то средневековом монахе, который то появлялся при дворе европейского короля, то священнодействовал в монастырском подвале с узкими окнами и закопченными потолками. Он бормотал что-то о Хрисаоре – магическом золотом мече, символе высочайшего Божественного установления, потом посыпал медную чашу красным порошком и опускал ее в некую кипящую субстанцию... Монах произносил непонятные заклинания, колдуя над раскаленными тиглями, и торжествующе хохотал, пересыпая из ладони в ладонь золотые монеты. На монетах блестел профиль короля...

– *Aurī sacra fames!* – сотрясался от смеха монах.

Ангелина Львовна была не сильна в латыни, но почему-то знала, что произнесенная монахом фраза означает «Проклятая жажда золота!»

– Правь мирами, Золотой Телец! – вопил монах и осыпал себя монетами. – Верши свою волю, Желтый Дьявол!

Внезапно безумного монаха сменяли бородатые люди в грязной одежде, копошащиеся в мелководной речушке. Они говорили о «копытах Золотого Тельца», которые тот забросил на Камчатку... и Ангелина

Львовна догадалась, что это золотоискатели. Маленькие желтые самородки поблескивали на черных от грязи ладонях, а глаза людей горели лихорадочным огнем...

О, как они заблуждаются, думая, что ищут золото! Все обстоит как раз наоборот. Это золото ищет их и находит, безжалостно ломая судьбы и характеры, разбивая вдребезги их алчные сердца.

– Станция Белорусская, – объявил мелодичный женский голос, и Закревская пришла в себя.

Напротив нее сидела сухонькая интеллигентная старушка в кружевном платке поверх шапочки-пирожка.

– Не бережете вы себя, молодежь, – укоризненно качала она головой, глядя на Ангелину Львовну. – Так нельзя...

«Наверное, я выгляжу ужасно, – подумала Закревская, выскакивая из вагона в шум и сутолоку станции. – Уже посторонние люди замечают, что со мной творится неладное. До чего я дошла!»

Выйдя из подземки, она почти побежала. Ей казалось, что так она быстрее отделается от беспокоящих ее образов, окунется в спасительное тепло кабинета, увидит знакомые глаза Самойленко за стеклами очков и... А что дальше? От себя не убежишь.

– Вари кофе! – вместо приветствия крикнула она, вваливаясь в офис.

Олег Иванович, как всегда, курил у окна, выпуская дым в открытую форточку.

– Ты так рано? – удивился он. – И сразу кофе? Это вредно для здоровья.

– Еще вреднее с утра коптить свои легкие дымом! – парировала Закревская, снимая пальто и плюхаясь в кресло. – Давай, принимайся за дело. Живо! А конфеты есть?

– Есть, – кротко ответил Самойленко.

– Так неси их сюда!

– Сей момент...

Ангелина Львовна не могла усидеть на месте. Самойленко отправился в свой кабинет за конфетами, а она – к себе, схватила магический шар, повертела его в руках и побежала к коллеге.

– Вот! – она со стуком поставила шар на стол Олега Ивановича. – Возвращаю обратно с превеликой благодарностью!

– Осторожнее! – возмутился он. – Разобьешь...

– Так вам обоим и надо.

Самойленко с недоумением уставился на нее.

– Что с тобой опять? Мужчина бросил?

– Если бы только это... – Ангелина Львовна бессильно опустилась на стул и заплакала. – Олег... кажется, я схожу с ума. Ты мне веришь?

Самойленко кивнул с самым серьезным видом.

– Это профессиональное заболевание, – ответил он. – Я где-то читал, что психиатры и психотерапевты, постоянно имея дело с неадекватными людьми, как бы перенимают их безумие. Так что не волнуйся.

– Не волноваться?! – взорвалась Закревская. – Ты предлагаешь мне не волноваться?

Она схватила со стола кофейную чашку и бросила ее на пол. Осколки полетели в разные стороны, а один крупный прямиком угодил в сахарницу.

– Тихо, тихо... – Самойленко поспешно сгреб со стола оставшуюся посуду. – Все в порядке. Все хорошо...

– Прекрати! – взвизгнула Ангелина Львовна и замахнулась на него шаром. – Это все твой идиотский кристалл! Проклятый кварц! О, как я вас ненавижу! Обоих!

Коллега с несвойственной ему прытью подскочил к ней и схватил за руку. Он вовсе не хотел, чтобы его замечательный шар разбился. Раз Ангелина так нервничает, значит... убедилась, что воздействие кристалла не выдумки. Женщины такие импульсивные. Не хватало только уничтожить ценную вещь!

– Отдай мне шар, – процедил Самойленко, пытаясь разжать ее пальцы. – Немедленно! Это моя собственность! Какое ты имеешь право...

Он отобрал шар и закрыл его в сейф, где хранились истории пациентов.

– Вот так будет лучше, – с облегчением вздохнул Олег Иванович, возвращаясь к столу. – Чего ты разбушевалась? На тебя не похоже.

– Знаю, что не похоже, – хныкала Ангелина. – Думаешь, мне легко?

– Что случилось? Ты можешь рассказать толком?

– Наливай кофе...

Он с опаской посмотрел на нее.

– Наливай, я посуду больше бить не буду. Правда.

– Ладно...

За кофе она поглотила половину коробки конфет, и только после этого Самойленко услышал о преследующих ее галлюцинациях.

– Они застают меня врасплох! – жаловалась Закревская. – В любом месте и в любое время, где придется! Я уже пару раз чуть под машину не попала. Ужас... И все так явно, так... правдоподобно... будто происходит на самом деле. Просто теряешь ориентацию и перестаешь понимать, где находишься...

– Какая тематика у этих твоих... галлюцинаций? – осведомился Самойленко.

– Ты знаешь... они все так или иначе связаны с золотом.

– Вот! И у меня было то же самое! – он задумался. Потом добавил: – Это все шар. Его проделки. Теперь ты убедилась. Когда я отдал его тебе, мои видения постепенно угасли и прекратились. Наверное, имеет значение расстояние.

– Ты думаешь, у меня все пройдет? Теперь, когда я отдала тебе шар, он оставит меня в покое?

– Уверен. Потерпи несколько дней.

Ангелина Львовна с сомнением покачала головой. Впрочем, конфеты сделали свое дело, – она постепенно утихомирилась.

– Знаешь, чего я не могу понять? – сказал Самойленко. – При чем тут золото? Информация бывает разная. А шар... как будто нашпигован «золотой» тематикой. Золото и Солнце, Солнце и золото! Не одно, так другое.

– Да, странно...

Закревская не верила до конца, что ее «безумие» – всего лишь воздействие магического шара. Но ей стало легче.

– Твой телефон звонит, – сказал Олег Иванович. – Возьми трубку.

– Спасибо... я слышу. Это, наверное, Маша Ревина. Мы договорились, что созвонимся сегодня. Который час?

– Уже девять.

Ангелина Львовна устало поднялась с кресла.

– Пойду к себе...

Звонила действительно Ревина. Прерывающимся от волнения голосом она сообщила, что на ее супруга совершено очередное покушение.

– Ты новости смотришь? Включи телевизор! Сейчас в утреннем выпуске покажут...

– Я... другое смотрю... – пробормотала Закревская.

Машенька, естественно, не поняла, что имеет в виду ее школьная подруга. И хорошо, что не поняла.

– Просто кошмар! – продолжала она. – Ревину в машину подложили бомбу. Я так и знала! Я предупреждала его! «Джип» разнесло на куски... Охранник и шофер погибли.

– А твой муж? Он жив?

– Отделался парой царапин. Представляешь? Дуракам везет! – Машенька истерически захохотала. – У него прорезалось какое-то

дьявольское чутье. Говорит, что почувствовал неладное за секунды до взрыва, открыл дверцу и на полном ходу выскочил из машины. Прямо на Кутузовском, под колеса встречного транспорта. И хоть бы что! Никто его не задавил. Куча машин столкнулись, но Ревин остался жив и невредим. Как тебе это нравится?

Ангелина Львовна не знала, что сказать.

– Правду говорят, будто блаженных бог хранит? – серьезно спросила Машенька.

– Может быть...

Закревская слушала Ревину, а сама продолжала вариться в своих мыслях – туманных и неопределенных. Все ее представления о жизни переворачивались «с ног на голову». Похоже, скоро ей предстоит принять новые реалии...

– Ты меня не слушаешь! – возмутилась Машенька.

– Да, прости... отвлеклась.

– Я спрашиваю, что мне делать? Уехать к двоюродной сестре в Тулу?

– Чего ты боишься? – удивилась Ангелина Львовна. – Покушаются – то на Ревина, а не на тебя. По-моему, тебе ничего не грозит.

– Моя жизнь кончена! – с трагическим надрывом выпалила Машенька. – Кончена, кончена... я знаю. И не переубеждай меня. Все! Я хотела отравиться... Не получилось. Струсилась...

Памир. Община гуру Нангавана

...То, чему они поклонялись, было не дерево и не камень... Они были сотворены, хотя не имели ни отца, ни матери... Они не вышли из чрева женщины...

Эти и другие похожие мысли преследовали Нангавана. Ему стоило больших усилий сохранять невозмутимый вид, чтобы ученики ни о чем не догадались. Гуру уже не знал, каким богам молиться. Он перепробовал все, дабы отвязаться от навязчивых идей, которые нежданно-негаданно овладели его сознанием. Да так, что его собственный рассудок оказался не у дел. Дошло до смешного: ночью он вынужден был красться во двор, пилиться на Луну и обращать мольбы к египетской богине Маат.^[7] Может, хотя бы она снизойдет к его грешной душе и покажет ему Лик Истины?

Нангаван долго стоял, глядя на Луну и взывая к Маат. У него начало

двоиться в глазах, потекли слезы. Показалось, что сквозь лунный туман он видит прекрасную богиню в светлых полотняных одеждах и белых сандалиях... Он не уловил ее слов.

Гуру всем своим существом был обращен к ночному небу, и тут... грубый толчок лишил его равновесия. Он покачнулся и едва удержался на ногах.

– Кто здесь? – прохрипел Нангаван, леденея от страха.

Темная фигура метнулась прочь. Несмотря на растерянность, Учитель все же узнал одного из *гираваков* и ринулся следом. Ему удалось догнать наглеца у самого дома.

– Хаким, ты? – спросил он, хватая ученика за рукав. – Что ты себе позволяешь? Ты едва не сбил меня с ног!

Тот смотрел на Нангавана шальными глазами, не понимая, что происходит.

– Что ты здесь делаешь?

– Г-гуляю... – пробормотал Хаким.

– Посреди ночи?

– Я... мне... было видение. Во сне. Вот я и... пошел...

– Куда? Зачем?

Хаким дернулся, пытаясь вырваться, но Учитель крепко держал его.

– Не знаю... Я... слышал голос. Он велел мне идти...

– Что еще за голос? – строго спросил Нангаван, преодолевая внутреннюю дрожь.

Неужели безумие уже перекинулось на учеников? Тогда им всем конец. Это проклятие дьявола.

– Г-голос... – бормотал Хаким, пряча глаза. – Я должен слушаться...

Нангаван отпустил его. Пусть идет, куда хочет. Учитель больше не чувствовал себя вправе указывать, кому как поступать. Он сам, идя на поводу у своей гордыни, навлек на общину страшную беду. Ему нет прощения. Какой он теперь наставник?

Хаким поспешно скрылся в доме, а гуру сел на холодные каменные ступеньки и поник. Он ненавидел себя, обвиняя в неумной жажде превзойти других, стремлении обладать некими сверхъестественными способностями!

Он сидел так, пока не замерз. Холод проник под одежду и сковал тело. Нужно идти в дом. Нангавану не хотелось никого видеть, ни с кем разговаривать. Поднявшись, он открыл дверь и, стараясь ступать бесшумно, побрел к своему ложу. Внутри помещения стояла настороженная тишина.

Нангаван улегся, уставился в темный потолок и... отключился. Он не знал, сколько прошло времени. Постепенно мысли вернулись к нему и потекли в нужном направлении. «Почему я паникую? – спрашивал себя гуру. – Может быть, это Высший Разум пытается установить со мной связь таким необычным образом? Из космоса идет информация, я ее принимаю. Все нормально. Откуда берутся дурацкие мысли о дьяволе и прочей нечистой силе? Неужели предрассудки, с которыми я так долго боролся, все еще имеют власть надо мной? Выходит, что да. Чем же я занимался столько лет? На что тратил драгоценные часы и дни?»

Придя к неутешительному выводу, Нангаван заснул. Сомнения раздирали его душу, как стая бешеных волков. Ему требовался отдых.

Хакиму же не удавалось нырнуть в спасительные объятия сна, как он ни старался. Ночное происшествие здорово выбило его из колеи. Он сказал Нангавану почти всю правду. Его снова позвал голос, только в этот раз наяву. Вернее, Хаким решил не сопротивляться и сделать все, как ему велели. Что он теряет? Подумаешь, его сон окажется ерундой! Никто ведь не узнает, как было дело...

Итак, дождавшись ночи, Хаким собрался повторить свой призрачный маршрут. Тогда, во сне, голос приказывал ему искать. Что? Поначалу неопределенность смутила его, но потом... он вспомнил, как во время медитации получил просветление, и отдался на волю «трансцендентного сознания». В конце концов, не зря же этому придают такое значение? Ну, неизвестно, что именно надо искать. Какая разница? Высшие Силы подскажут. Главное – выскользнуть из дома незамеченным.

Хаким лежал, затаив дыхание, и ждал, пока все уснет. Когда *гираваки* угомонились, а воцарившуюся тишину нарушал только храп Белкина, настала пора действовать. Он приподнялся и прислушался. Обстановка благоприятствовала его планам. В окна светила полная луна, обитатели общины спали...

«Иди же!» – прозвучало в сознании Хакима.

– Ну вот, опять, – пробормотал он одними губами, бесшумно натягивая одежду. – Снится мне это или не снится?

Он крепко ущипнул себя за ляжку и едва не взвыл от боли.

«Ищи! – повторил голос. – Ты должен!»

Хаким решил не ломать себе голову по поводу сна или яви. Над некоторыми вещами лучше не задумываться, только хуже будет. Иногда необходимо просто действовать.

Он вышел из дома, аккуратно прикрыв за собой дверь. Сегодня утром он смазал петли маслом, чтобы не скрипели.

Лунный свет превращал все вокруг в зачарованное царство. Горы стояли безмолвные и холодные, обратив лица к звездам. Черные ветки деревьев отбрасывали на землю корявые тени.

Хаким глубоко вздохнул и отправился в путь. Он шел наугад, полностью положившись на интуицию.

Холодный воздух проникал под куртку и свитер. Под ногами хрустел щебень. Скалы казались застывшими воинами, охраняющими священную дорогу. Тропа поднималась все выше и выше. Хаким несколько раз споткнулся и чуть не упал. Его внимание привлекли странные звуки, которые заставили остановиться и прислушаться. Что-то булькало, шуршало и глухо перекачивалось...

Некстати вспомнились разговоры в общине про голуб-явана, – ужасного снежного человека, огромного, свирепого и кровожадного, по сравнению с которым медведь и крокодил не хищники, а жалкие дилетанты. Голуб-яван как раз любил выходить на охоту по ночам...

Под ногами у Хакима что-то треснуло, и он мгновенно покрылся испариной страха.

Бульканье становилось все громче, явно приближаясь.

– Да это же ручей! – догадался Хаким. – Фу-ты, черт, как напугал!

Упоминание нечистой силы показалось ему не к месту. Но... слово уже вылетело, не поймаешь. Хаким боязливо оглянулся по сторонам. Черные скалы надвигались одна на другую, сужая проход к пещере Нангавана. Тьма сгустилась, идти стало труднее.

– Зачем я поперся сюда среди ночи? – запоздало каялся Хаким. – Теперь придется добираться обратно совершенно одному, в темноте. Так и в пропасть сорваться недолго. Господи, какой же я дурак!

Однако он продолжал идти вперед. Голос ничего не подсказывал ему, и действовать приходилось на свой страх и риск.

Вскоре показалась и сама пещера.

«Ты почти у цели!» – прозвучало у него в голове.

Хаким прошел еще немного вперед и увидел узкую скальную щель. Он знал, что должен протиснуться внутрь, но не мог себе представить как. Проход был слишком узким для его тела. Ему стоило огромных усилий оказаться внутри.

– Я что, вижу в темноте? – не поверил себе Хаким, ощупывая руками продольные углубления.

Его движения были очень ограничены, он едва мог повернуть голову. Но глаза видели во мраке, как у кошки. Ребристые стенки казались голубовато-зелеными...

– Чертовщина! – пробормотал Хаким и тут же сплюнул. – Вот болван! Опять поминаю нечистую силу!

Его рука сама собой скользнула в одно из углублений. Шершавый камень царапал тыльную сторону ладони. И тут... пальцы нащупали что-то гладкое и холодное.

«Ты нашел!» – радостно воскликнул голос.

Хаким отлично помнил, что сон на этом обрывался, и приготовился проснуться в своей постели. Он зажмурился и постоял так пару минут. Ничего не произошло.

– Ну же, просыпайся, – сказал он сам себе и открыл глаза.

Его обступала со всех сторон та же темнота. Тело, стиснутое скалами, неприятно ныло. Пора выбираться наружу.

Хаким смутно помнил, как вырвался из каменных объятий горы, как добрел до ручья и захотел умыться. Кажется, он присел на корточки и собрался опустить руки в воду... ему что-то помешало. Правая рука оказалась занята.

– Ого! – только и вымолвил Хаким, рассматривая странный предмет.

Гигантская тень пролегла через поляну, по которой струился ручей. Хаким не задумался, показалось это ему или нет. Он ринулся напролом через кусты, не разбирая дороги. Страх подстегивал его. Горное эхо ловило шаги ночного путешественника, многократно отражая их и бросая вниз. Хаким был уверен, что за ним гонится целая стая голуб-яванов, голодных и разъяренных.

Увидев знакомый побеленный *гираваками* забор, он сам себе не поверил. Как он сумел найти дорогу обратно? Хаким испытал невероятное облегчение. Теперь он в безопасности.

Найденный в горах предмет Хаким засунул за пазуху. Так надежнее. Торопливо шагая по двору, он не заметил темной фигуры, притаившейся в тени дома...

Угораздило же его столкнуться во дворе с Учителем! Неизвестно, кто сильнее испугался. С какой стати Нангаван набросился на него? Устроил настоящий допрос, как директор школы провинившемуся ученику. Это неслыханно!

Лежа в постели и сердито ворочаясь, Хаким уже забыл свою растерянность, то, как он мямлил и заикался, не в состоянии объяснить происходящее. Он возмущался поведением Нангавана. Чего ради Учитель «наехал» на него? Здесь не пионерский лагерь, а община свободных личностей, которые имеют право делать то, что считают нужным. Почему Хаким должен отчитываться?

Кипя от благородного негодования, он крутился до самого утра. И заснул с первыми лучами рассвета...

Глава 10

Галактика Эол, планета Ацтланика. Далекое прошлое

Темока – могущественный прорицатель Эочтитлана, одного из самых больших и красивых городов империи Ацтлан, – стоял на вершине главной теокали.^[8] Считалось, что только здесь можно услышать голос Бога.

Ветер раздувал яркие перья на плаще прорицателя. Выдающийся прямо из лба большой нос напоминал клюв. Голову Темоки украшал высокий золотой шлем. Вокруг лба шлем огибали тончайшие пластины с резными краями, увенчанные блестящей пеной мелких, нанизанных друг на друга самоцветов. Два круглых диска по обеим сторонам головы, на которых сверкали хрустальные глаза с изумрудными зрачками, символизировали способность прорицателя смотреть в прошлое и будущее иным, скрытым от непосвященных взглядом. Укрепленный на макушке шлема гладкий черный шар, – символ единого начала всего сущего, подаренный прорицателю Детями Света, – являлся неоспоримым доказательством высокого положения, которое он занимал.

С того момента, как Дети Света впервые посетили Ацтланику, прошло немало времени. Они принесли в Ацтлан знания. Глава царской семьи высоко оценил полученный дар и щедро отплатил гостям золотом, которое привело их в настоящий восторг. Так завязалась дружба, и наступил расцвет империи.

Самородное золото, которым изобиловали реки и ручьи, лежало прямо между камней. Его обменивали на технику, приборы и технологии. За относительно короткий промежуток времени Ацтлану удалось создать высокоразвитую цивилизацию, сохранив при этом свою уникальную культуру. Тиутоакан, – бывший захудалый городок, – стал центром развития науки. Полеты в космос на кораблях, созданных в Тиутоакане, перестали считаться чем-то необыкновенным. Возможности, вначале казавшиеся фантастическими, органично вписались в здешнюю жизнь.

Прорицатель напряженно вглядывался в огненное «лицо» оранжевого солнца, – Теуатля, – живого Бога Ацтлана. Из выпуклых глаз Темоки катились слезы, но он не опускал взгляда, испрашивая ответа на мучивший его вопрос: какое будущее ожидает их всех?

Темока успел состариться, его крылья потеряли былую силу, перья потускнели. Дважды он сумел пережить немилосердный гнев своего Бога, научился читать едва уловимые знаки на его огненном «лице». Впервые за все время, как он стал прорицателем и получил доступ ко всем святыням Эочтитлана, Темока осмелился умолять Бога о помощи.

Долгая жизнь не смогла утомить прорицателя. Он чувствовал жесткие удары ее накатывающих волн, мягкое скольжение отступающих и учился удерживаться на поверхности, не проваливаясь в мутную непроглядность ее глубин. Теперь же, на пороге своего заката, он уже не надеялся, что Теуатль простит своих детей, а сияющий Эуль вернется в Ацтлан.

Темока упорно смотрел вверх. Красноватое небо оставалось таким же непроницаемым. Вдруг пылающий лик Теуатля на миг показался прорицателю светлее обычного. Он боялся верить своим измученным глазам. Но все-таки в его душе вспыхнула крохотная искра надежды.

Завтра он объявит о своем решении провести пышный обряд поклонения Светилу, украсит алтарь гирляндами алых и оранжевых цветов, собранных самыми храбрыми юношами и прекрасными девушками Эочтитлана. Будет избрана лучшая пара для того, чтобы дать обет безбрачия и стать служителями храма.

Правящая верхушка тщательно скрывала от своего народа истинное положение вещей. Божественный Эуль исчез, но об этом знали только трое: царь, Верховный жрец и прорицатель. Несмотря на то что ацтланы лишились божественного присутствия и щедрот Эуля, его продолжали почитать, как и прежде. Золото, запасы которого казались неиссякаемыми, таяло, крупные самородки встречались все реже. Империи грозил упадок.

Зажмурившись, прорицатель сделал несколько шагов к краю каменной площадки, с шумом расправил крылья и, легко оторвавшись от поверхности, взлетел. Боль в глазах понемногу утихла, и Темока вновь смог смотреть.

Черные скалы внизу сверкали россыпями драгоценных камней. На высоких террасах сияли золотые крыши дворцов и храмов, теснящихся среди скал, как птичьи гнезда. Ниже располагались жилые постройки власть имущей верхушки Эочтитлана, а еще ниже лепились домики простых жителей.

Темока невольно залюбовался этой чудесной картиной. Сверху город выглядел восхитительно. Вдали тянулись далекие горные хребты, изгибы реки, фиолетовые чаши полноводных озер, ухоженные сады на пологих склонах.

Жители Ацтлана веровали в одного Бога, который проявлялся во всей

непостижимой, бескрайней Вселенной в образе неисчислимого количества солнц – его Огненных Очей.

Люди-птицы считали себя детьми солнца, присутствующего в каждом из них в большей или меньшей мере. Они хранили глубокую преданность своему Богу и знали, что в момент смерти их души сливаются с солнцем и совершают вместе с ним свой путь в небе. Они всячески оправдывали злое и своенравное солнце, озарявшее их планету, пытаясь заслужить его милость. Протуберанцы,^[9] периодически срывавшиеся с поверхности светила, раскаляли атмосферу Ацтланики и сжигали все живое, что попадалось им на пути. Пока длилась огненная пляска, легко вспыхивали перья, украшающие застигнутых врасплох обитателей планеты, факелами занимались дома, плавилось золото, смешиваясь с золой. Все, кто не успевал скрыться в подземных лабиринтах, погибали в огне. Дважды города Ацтлана приходилось отстраивать заново. Так Теуатль наказывал своих детей за вражду и междоусобицы. Однако даже столь суровые меры воздействия не приносили желаемого результата. Противоборство продолжалось.

Изредка в царской семье среди множества детей рождался единственный пернатый змеехвостый малыш. Так Бог отмечал того, кому предстояло стать во главе империи. Казалось, что любые попытки присвоить власть – бессмысленны. На самом же деле с давних времен между двумя знатными родами ацтланов кипела жестокая борьба за право войти в царскую семью. Корыстные мечты и планы приближенных к власти столкнулись в непримиримом противоречии. Вспыхнула война. Казалось, что не будет конца безумной кровавой бойне, которая охватила всю планету.

Темока летел над самой высокой горной грядой, похожей на рубиновое ожерелье. Он всматривался в очертания нанесенных на скалы знаков, указывающих путь к теплым восходящим потокам воздуха. Он устал и чувствовал, что вот-вот упадет на острые камни. Его сердце тревожно забило. Прорицатель не мог умереть, не вернув самое дорогое...

Окунувшись в восходящий поток, можно отдохнуть. Воздушная волна сама будет нести его дряхлеющее тело. Темока ощутил наконец прикосновение теплого ветра, он планировал, поднимаясь выше и выше. Теперь можно расслабить одеревеневшие мышцы. Прорицатель закрыл слезящиеся глаза и вздохнул.

Во дворце Алхо-Котель, куда он направлялся, уже шли приготовления к празднику. Темоку ждали. Верховный жрец Майхо, отдав необходимые распоряжения, прогуливался по саду, окружавшему дворец. Ему надоело

проводить многие часы в бесполезных молитвах и массовых религиозных представлениях. Все, чему он столько лет придавал важность и беззаветно служил, утратило смысл. Жрец остановился у изваяния крылатого змея с головой льва, охранявшего вход в сад. В задумчивости он прижал руку к груди, защищенной золотым панцирем. Панцирь был дивной красоты, с узором, выложенным из самоцветов, и только торчащие на плечах грозные черные шипы говорили о том, насколько влиятелен и опасен Верховный жрец. Алые перья сложенных на спине крыльев напоминали бархатный плащ, окутывающий фигуру до пят. Выкаченные желто-зеленые глаза Майхо недобро поблескивали.

Легкий ветерок шевелил листву старого сада. Крошечные голубые и белые птички порхали среди цветов и деревьев. Но жрец, прогуливающийся по саду, не видел их. Его терзала тревога. Он чувствовал, что больше не в силах скрывать от окружающих исчезновение Эуля. Угроза бунта росла, она витала в воздухе. Дети Света перестали прилетать на Ацтланику. Ведь золото почти иссякло.

Лишь к ночи Темока прибыл в Алхо-Котель. Прорицатель обрадовался, увидев на крыше дворца застывших в воинственных позах золотых крылатых существ – драконов. Их сильные хвосты изгибались, сплетаясь между собой. Широко раскрытые зубастые пасти, свирепые взгляды их горящих глаз не оставляли сомнений в том, что замок надежно охраняется.

Прорицатель утомился. Долгий перелет отнял все его силы, поэтому он решил отложить дела до утра. Встретивший гостя Майхо крепко обнял Темоку, который всегда был опорой для него. Многих бед удалось избежать Верховному жрецу благодаря предупреждениям прорицателя.

– Что ты видел там, на теокали? – спросил он, не дав старику отдышаться.

– Эуль вернется, – ответил тот.

Наступило молчание. Верховный жрец подумал, что старик выжил из ума. Ничего не сказав в ответ, Майхо проводил Темоку в его покои, после чего они расстались...

Планета Земля, Памир. Наше время

– Ну что? – шепотом спросил Илья.

Он внимательно следил за действиями Марата.

- Чудес не бывает, – невесело ответил тот. – Женщина мертва.
- Есть какие-то идеи по этому поводу?
- Скажу через пару минут...

Марат тщательно осмотрел тело Ларисы Мельниковой. У нее была сломана шея. В то, что это произошло при падении, не верилось. Он сам был мастер проделывать подобные штуки. Позвонки человека очень хрупки...

– Шея сломана, – коротко сказал он. – Других видимых серьезных повреждений я не нашел.

Вересов кивнул. Он пришел к тому же выводу еще там, внизу.

– Ее сбросили в расщелину уже мертвой, – прошептал Илья в самое ухо Марата.

– Почему вы так решили?

– Живое тело по-другому падает. Я в этом кое-что понимаю.

– Просветите и меня, – попросил приезжий. – Желательно подробнее.

– Там, – Илья махнул рукой в сторону провала, – полно выступов, за которые живой человек обязательно зацепился бы... или хотя бы попытался зацепиться.

Марат полностью разделял мнение альпиниста. Он обратил внимание на руки Ларисы, – они были слегка оцарапаны при падении, но и только. Никаких глубоких порезов, рваных ран или обломанных ногтей. Если бы она цеплялась за острые камни, то руки выглядели бы по-другому.

– Пожалуй, вы правы.

– Значит, нужно искать убийцу! – решительно заявил Илья.

– Разумеется. Этим займутся компетентные органы, – уклончиво ответил Кали тин.

Вересов нравился ему прямоотой и непоказным мужеством. Но делиться своими планами он не собирался даже с ним.

– Что теперь? – подал голос Аксельрод. Он подошел поближе и склонился над трупом. – Женщину мы нашли. Какие будут указания? Решайте быстрее, погода портится.

Горные хребты заволкло тучами. Ветер усиливался.

– Куда нести тело? – спросил Вересов. – В кишлак или...

– Думаю, к строителям, – перебил его Марат. – Там врачи, комиссия по расследованию... пусть они разбираются.

– Киношникам сообщить надо, – сказал Аксельрод. – Искать будут, беспокоиться.

Калитин сделал вид, что колеблется.

– Может, потом? – нерешительно произнес он. – Холодает.

Возвращаться в кишлак поздно...

Потапенко, который до сих пор молчал, внес деловое предложение.

– Нас пятеро, а тело придется тащить по очереди, парами. Для этого достаточно четверых. Значит, кто-то один пусть вернется в кишлак и все объяснит. Кострома, пойдешь?

Парень так покраснел, будто ему оказали недоверие. Выходит, его, как маленького, отсылают прочь, подальше от опасности? Он только начал входить во вкус настоящих приключений. Горы, снежный человек, взрыв в туннеле, труп... Чем не крутой триллер? Если он уйдет, то пропустит самое интересное.

– Почему я?

– Нет, если ты боишься идти один... Потапенко знал, как следует разговаривать с молодежью. Он сделал ставку на самолюбие и не прогадал.

– Ладно, пойду! – согласился Саворский. – Чего говорить-то?

Илья похлопал его по плечу.

– Вот и молодец. Расскажешь все, как есть: нашли, мол, вашу женщину в расщелине, вытащили. Только она мертвая оказалась. Как она упала и что с ней случи – лось, теперь пусть разбираются сведущие люди. Понял?

– Ага.

– Ну, иди, не тяни время.

Кострома обвел всех растерянным взглядом. Ему совсем не хотелось отправляться в кишлак одному. Но показаться трусом он себе не позволил.

– Вот и славно, – усмехнулся Илья, когда парень скрылся за поворотом. – Нам тоже следует поторопиться.

Никто возражать не стал. Альпинисты быстренько соорудили волокушу, положили на нее тело Ларисы, и печальная процессия двинулась в путь.

По дороге Марат напряженно размышлял, пытаясь связать разрозненные факты в некое подобие целого.

Мельникова мертва. Что из этого следует? От нее избавились. Но по какой причине? Из-за взрыва или из-за золота? И то, и другое могло послужить поводом для убийства. Подозревать жителей кишлака смешно. Значит, кто-то из съемочной группы. Наверное, мужчина. Чтобы вот так сломать шею взрослой женщине, одной силы мало – необходимо умение.

Хотя... не стоит сразу отбрасывать местных жителей. Это неправильно. Лариса в ту ночь почему-то вышла из дому. Ее мог кто-нибудь вызвать. Или они договорились заранее. Скорее всего, она знала этого человека, иначе вряд ли пошла бы с ним. Впрочем... чего только не

бывает?

Могла ли Лариса знать кого – то из местных таджиков? Почему нет? Съёмочная группа живет в кишлаке не один день. За это время можно перезнакомиться со всеми.

«Вряд ли убийца – житель кишлака», – опроверг свои же доводы Марат.

Против этого возражали два факта. Первый – в кишлаке почти никто толком не говорил по-русски. И второй, более существенный: той ночью киношники не спали, бродили туда-сюда, выходили во двор... и никто не заметил чужого. Сомнительно, что местный житель, – если он приходил к Мельниковой, – мог остаться незамеченным. Так-то оно так... И все же: ведь и саму Мельникову никто не видел. Как она выходила? Когда? А она точно вышла из дому, иначе не оказалась бы в расщелине с переломанной шеей...

Значит, ее вызвал кто-то из своих. Это должен быть ловкий, выносливый и хитрый человек. За короткое время он расправился с Ларисой, сбросил ее тело с тропы вниз, успел вернуться в дом, и при этом – никто не заметил его отсутствия.

Непонятно самое главное – мотив. Взрыв или золото? Ревность можно спокойно отбросить, нападение голуб-явана тоже. Если бы Мельникову убил снежный человек, ее тело имело бы совершенно другой вид...

– Алексей Юрьевич! – позвал Вересов, нарушив тем самым ход мыслей Марата. – Давайте меняться.

Тот посмотрел на часы. И правда, пора сменить Илью и Аксельрода, которые тащили волокушу с телом.

Погода окончательно испортилась. Ветер бил в лицо, рвал с плеч одежду. Холодный, насыщенный влагой воздух затруднял дыхание. Мертвое тело, казалось, становилось все тяжелее. Марат и Потапенко изрядно устали, когда Аксельрод и Вересов забрали у них волокушу.

Через пять часов, сменяя друг друга, они добрались до вагончиков, в которых жили строители. Альпинисты отправились греться и ужинать, а господин «Багров» решил навестить Батыркулова.

Глава комиссии внимательно выслушал московского «эксперта».

– Вы считаете, что Лариса Мельникова... убита?

– Судя по предварительному осмотру, да.

– Несчастный случай исключается?

– Почти.

– Что значит «почти»? – возмутился Батыркулов.

– Никогда нельзя дать стопроцентную гарантию, – усмехнулся Марат.

– Значит, опять труп.
– А что, есть еще? Батыркулов устало кивнул.
– К большому сожалению, – подтвердил он. – Под завалом нашли двух рабочих, которых считали пропавшими. Оба мертвы.
– Причина смерти?
– Их завалило породой. У одного череп проломлен, а второй задохнулся.

– Это точно?
Председатель комиссии пригладил непослушные волосы, что выдавало его волнение.

– Так врачи говорят. И наш, и строителей, – сердито ответил он. – Вы что, хотите еще два убийства на нас повесить?

– Боже упаси, – притворно прижал руки к груди «эксперт». – Я ничего ни на кого вешать не собираюсь. Меня интересует истина. Как и вас, смею надеяться.

Пожелав Батыркулову спокойной ночи, Марат отправился к заместителю начальника строительства. С Изотовым ему до сих пор так и не удалось обстоятельно поговорить.

Валерий Михайлович не спал. Он сидел за столом, на котором стояли открытая банка консервов и бутылка водки, наполовину пустая. Изотов был пьян.

– С чем пожаловали? – мутно глядя на незваного гостя, спросил он.
– У меня для вас печальная новость...
– Еще одна печальная новость?! – взревел Изотов. – А я думал, ничего более плохого уже случиться не может.

Марат решил не тянуть. Даже хорошо, что Изотов пьян. Не сможет себя контролировать.

– Лариса Мельникова погибла, – тихо сказал он, не спуская глаз с инженера.

– Ч-что?...
Изотов выпучил налитые кровью глаза, и Марат подумал, что недопитая бутылка водки на столе, возможно, не первая.

– Лариса Мельникова погибла, – повторил он.
Изотов так побагровел, что, казалось, его вот-вот хватит удар.
– Ч-что вы с-сказа-ли... – он попытался встать, но не смог и рухнул обратно на скамейку. – Л-лариса? При чем тут она? Ее же не было! Не было...

Краска сползала с его лица. Он стремительно трезвел.
– Где ее не было? – спросил Марат, разыгрывая непонимание.

– В т-туннеле... не было...

Изотов несколько раз икнул. Марат взял пустую эмалированную кружку, зачерпнул из ведра воды и подал ему.

– Выпейте.

Тот, обливаясь, сделал несколько глотков и грохнул кружкой об стол. Его взгляд стал более осмысленным.

– Что с Ларисой?

– Она мертва.

Изотов со стоном потер виски и стиснул руками голову. Марат обратил внимание на его пальцы – крупные, длинные, с аккуратными, чистыми ногтями. Руки интеллигента.

– Ничего не понимаю... – простонал он. – Взрыв произошел ночью. Как Лариса могла оказаться в туннеле? Разве ее... тело тоже нашли? Почему я не...

– Лариса погибла в горах, – перебил его Марат. – Она упала в расщелину и разбилась.

Изотов поднял на него измученные больные глаза.

– Как? Вы что... В-вы серьезно? Лариса разбилась? Но... откуда вы знаете?

– Мы нашли ее тело.

– Где она? Где...

Изотов решительно встал, на сей раз у него это получилось. На негнущихся ногах он двинулся к двери.

– Валерий Михайлович, вы куда?

– Где она?

Изотов отмахнулся от Марата, рванул дверь и вывалился из вагончика в холодную темноту ночи...

Глава 11

Галактика Эол, планета Ацтланика. Далекое прошлое

Утро началось с переполоха. Служители храма – дворца Алхо-Котель не могли найти свиток с ритуальными рисунками, которые наносились на скалы. При нанесении Священных Символов строжайше соблюдались все размеры и пропорции, в чем помогал свиток. Никто не знал, куда он подевался.

Темоку разбудили шум и крики. По резким свистящим словам, которыми перекидывались зрители, прорицатель понял, что произошло. Он размял затекшее тело, поднялся с ложа и выглянул в окно. Розовый рассвет этого утра казался особенно красивым.

Темока с удовольствием принялся облачаться в приготовленные заранее алые искрящиеся одежды, расшитые черными знаками. Он долго возился, продевая руки в длинные разрезы, отороченные золотой тесьмой. Затем надел широкие золотые браслеты, украшенные изображениями лучистого солнца, закрепил застежки панциря, с почтением прикасаясь к узорам завитых в разные стороны тонких спиралей. Этот рисунок многое скажет тому, кто сумеет его прочесть.

Вопли и беготня служителей храма не трогали старика. Он помнил о том, что подлинный свиток исчез вместе с Эулем. А подделка если и пропадет, не жалко. Но он не мог никому сказать об этом. Сам Майхо, Верховный жрец, ничего не знает о подмене.

Одевшись, прорицатель покинул свои покои. Легкий на помине Майхо шел ему навстречу. Его грозный вид мог испугать кого угодно, только не Темоку. Страх давно неведом ему, с тех пор, как случилось самое ужасное. Тяжкий груз вины лежал на сердце старика.

– Рад видеть тебя и почтить всевидящее Око Бога, дарованное тебе, – произнес Майхо.

Лицо его, перекошенное злобой, слегка разгладилось. Темока спокойно смотрел в сверкающие опасными зелеными искрами глаза жреца.

– Может, скажешь, кто взял свиток? – с вызовом спросил Майхо.

Прорицатель с облегчением вздохнул, он не ошибся и на этот раз. Значит, там, на вершине теокали, он был верен себе. Дар прозрения не оставил его.

Темока кивнул и закрыл глаза. Его мысли текли плавно и неторопливо. Он ясно увидел, как Верховный жрец кладет свиток в свой тайник. Все просто! Коварный Майхо проверяет его? Прорицателю открылась природа его сомнений. Дело в том, что окружающие считают Темоку слишком старым для того, чтобы предвидеть. Они ошибаются. Его божественный дар с годами стал еще точнее. Он знает намерения каждого, на кого могут обратиться его таинственные невидимые очи.

– Ты спрятал свиток в своем тайнике, – спокойно заявил прорицатель.

Майхо склонил голову, выражая почтение, а потом подошел и обнял старика. Его глаза стали влажными, взгляд утратил жесткость.

– Теперь я верю, что Эуль вернется к нам! – воскликнул он. – Так больше не может продолжаться.

Глухой клекот вырвался из его горла: он думал о том, что привело к сегодняшнему положению вещей. Перед его внутренним взором предстало надменное лицо Инки Уайкопаки, затеявшего смуту, которая привела к войне. Ужасные картины всплывали в его памяти одна за другой. Жители Ацтлана разделились на два враждующих лагеря, в их сердцах поселилась ненависть. Закипели бои. Воины надели свирепые маски, дабы вселить страх в противников. Они взяли в руки оружие, стараясь поразить друг друга. Они поднимались в воздух и дрались там, после чего раненые, истекая кровью, падали вниз и разбивались о камни. Изобретенные ими орудия – вращающиеся огненные шары, попадая в самую гущу бойцов, уничтожали сразу многих. Объятые пламенем воины горели заживо.

Род ацтланов делился на две ветви: Детей Полдня и Детей Ночи. Одна из них стала родоначальницей царских семей, а в другой ни один змеехвостый малыш так ни разу и не появился. Представители обделенного царевичами рода – Дети Ночи – отличались чрезмерно гордым нравом и хладнокровной жестокостью. Они не знали ни жалости, ни страха.

Жрецы Ацтлана не одобряли таких качеств.

«Жестокость имеет право на существование, – говорили они. – Но она должна быть оправданной. Вы же предаетесь диким развлечениям, которые лишены высшего смысла!»

Дети Ночи были глухи и слепы. Они словно обезумели.

Жрецам удавалось сдерживать воинственные порывы – вы разочарованных неудачами Детей Ночи, пока не явился на свет Инка Уайкопака. Еще ребенком он выделялся среди сверстников особой сообразительностью, ловкостью и красотой. Золотистые волосы Уайкопаки переливались на солнце, тело было сильным и стройным. Многие завидовали ему. Он легко побеждал в играх и соревнованиях, вызывая

восхищение девушек. Знатные юноши гордились дружбой с ним. Они попадали под его влияние, становясь такими же необузданными и вспыльчивыми, как их кумир. Они любили и боялись Инки, особенно после того, как тот зверски убил собственного младшего брата. Маленький Айна отказался прыгнуть со скалы, – он еще не научился пользоваться крыльями как следует. Тогда Инка молча повалил его на камень, распорол грудь острым ножом и вырвал сердце, чтобы вернуть его Богу.

«О, великий Теуатль! – взывал он. – Прими мою жертву! Наполни это сердце мужеством и тогда лишь верни его Детям Ночи!»

Поступок Инки одобрили старшие представители рода. Они считали, что Бог гневается на них, раз не посылает царевича. Видно, Дети Ночи недостаточно достойны и смелы, чтобы быть царями. Каждого, кто посмеет опозорить род, ждала такая же смерть, как маленького Айну. Ему вырвут трусливое сердце и вернут его Богу.

Сначала такие случаи были редкостью, но со временем они участились и приобрели совсем иной смысл. Теперь в дар Теуатлю приносили вырванные сердца самых смелых и красивых Детей Ночи, которые вызывали тайную зависть Уайкопаки. Он успел приобрести власть и высоко поднялся по общественной лестнице. Насилие и жестокость вошли в культ этого рода. Кроме того, Дети Ночи рвались к знаниям, их привлекал космос.

Непроглядная тьма вселенских просторов волновала кровь Инки. Его соратники стали пилотами космических кораблей, они учились охотно и много. Овладев совершенной техникой, Дети Ночи стали проявлять презрение к жрецам и к самой религии Ацтлана. Их вера в Теуатля пошатнулась.

Инка Уайкопака не раз позволял себе дерзкие речи в адрес Верховного жреца. Он видел множество иных солнц, иных существ, которые не молились свету, как безумные.

«Есть более мощная сила, которая управляет движением небесных тел!» – открыто заявлял он.

Однажды предводитель Детей Ночи решил, что эта сила живет внутри него. Он провозгласил себя Богом. Но этого Инке оказалось мало. Он рассудил, что император, погрязший в предрассудках, тормозит развитие цивилизации. Он предпринял отчаянную попытку завоевать трон... и потерпел поражение...

– Ты необыкновенно задумчив, Майхо! – воскликнул Темока.

Опомнившись, Верховный жрец обратил свой взор на прорицателя.

– Что предвещает Теуатль? Дети Света еще прилетят к нам?

– Им нужно золото, а у нас его больше нет.

Жрец понял, какими несбыточными кажутся его надежды. На миг окружающий мир рассыпался на мелкие осколки.

– Позволь мне удалиться, – огорченно вздохнул он. – Я должен подготовиться к обряду почитания Теуатля, очистить свои мысли от сомнений. Он ждет нашей веры в его могущество.

Майхо почтительно склонился перед прорицателем. Он верил в его силу, дарованную Огненным Богом, являющим свое величие на небе Ацтлана.

Вернувшись к себе, Темока никак не мог сосредоточиться. Он думал о своей дочери, Хойси Глоу, что означало «розовый луч»; о непостижимой сути женского сердца, готового принести на алтарь любви какую угодно жертву.

Чего ему стоило убедить всех в ее смерти!

Темока часто думал о Хойси – самой прекрасной девушке империи, – вспоминал ее парящую тонкую фигурку, розовые перья крыльев. Каждый рассвет его одинокой жизни напоминает ему о ней...

Почему всевидящее Око ничего не подсказало прорицателю? Читающий судьбы других, он проглядел судьбу собственной дочери. Как он мог не заметить ее влечения к Уайкопаке?

Старик невольным жестом раскрыл огромные крылья и, не желая того, сбил со стены ритуальную маску Божества Смерти, властелина Миктлана. С ужасом глянул он на лик владыки царства мертвых, лежащий у его ног. Случайность?

«Что с моей дочерью? Жива ли она?» – думал прорицатель.

Сколько он ни пытался увидеть Хойси внутренним взором, ничего не получалось. Теуатль не желал обращать свое Око на недостойных.

Темока боялся спрашивать себя – счастлива ли дочь? Он не мог согласиться с тем, что навсегда потерял ее. Он верил в возвращение Хойси вопреки всему, даже владыке Миктлана. Любовь ослепила ее, но не Темоку. Когда-нибудь она поймет ужасающий позор своего поступка и захочет искупить вину. Поймет, что, влюбившись в Инку, предала не только отца, – она предала весь народ Ацтлана.

Хитрый Уайкопака увидел, что война проиграна, и уговорил ее бежать с ним. Хойси Глоу помогла ему завладеть Эулем и свитком со Священными Символами. Без помощи дочери прорицателя он никогда не сделал бы этого.

Темока простил ее. Он понимал, какое жестокое наказание ждет Хойси. Что может дать ей любовь к свирепому Уайкопаке, кроме

страданий? Она всего лишь женщина... Старик признавал власть безумной силы, которая отняла у него единственное дитя. Любовь ли это?

Темока вспомнил обгорелый до неузнаваемости труп девушки, который выдал за Хойси, чтобы оправдать ее внезапное исчезновение. На обряде погребения ему пришлось играть роль убитого горем отца. Все эти годы он скрывал правду...

После побега Уайкопаки и его приближенных жизнь на Ацтланике стала налаживаться. В храме Алхо-Котель устроили грандиозный праздник прославления светоносного Теуатля. Его дети надеялись получить прощение. Они верили, что Бог наказывает их за вражду и потому лишает своей милости.

Война закончилась. Верховный жрец провозгласил свою волю, которая обязывала Детей Полдня и Детей Ночи породниться, и запретил внутриродовые браки. Все изменилось. Жители Ацтлана постепенно забыли, что такое ненависть.

Мудрость жрецов позволила злобе, затаившейся в сердцах недовольных, получить выход. Агрессия породила чудовищ, статуи которых украшали города и здания ацтланов. Выставленные напоказ свирепые лики теряли свое могущество. Рельефы и скульптуры становились все сложнее и прекраснее, чудовища отступили на второй план. Символом Ацтлана стал Солнечный Лев – воплощение силы созидающей, а не разрушающей.

Если бы Эуль был с ними!

Темока стоял на крыше золотого храма Алхо-Котель и любовался молодыми юношами и девушками, великое множество которых слетелось на праздник.

Их планета имела малую силу притяжения, позволяя порхать и кружиться в воздухе, почти не прилагая усилий. Разноцветные одежды делали танцующих похожими на бабочек. Лица некоторых закрывали свирепые черные маски, напоминающие темное прошлое, от которого они отказались.

Золотой Алтарь Теуатля на верхней площадке храма был увешан венками из разноцветных перьев, завален горами цветов и спелых фруктов.

Майхо, стоящий рядом с прорицателем, часто моргал от подступающих слез...

Планета Земля, Памир. Наше время

Изотов опустился на колени, развернул брезент и отшатнулся. Мертвые глаза Ларисы были широко открыты. Он попытался их закрыть... не получилось.

Марат молча положил ему руку на плечо. Инженер прерывисто вздохнул и опустил голову. От увиденного хмель окончательно выветрился.

– Как это могло случиться? – глухо спросил он, не оборачиваясь к «Багрову».

– Не знаю...

– Нет, вы знаете! Вы должны знать! Зачем вас сюда прислали?...

Изотов вскочил и бешено уставился на Марата. Его скулы ходили ходуном.

– Поверьте, я...

– Где вы ее нашли? – перебил инженер. – Зачем она одна пошла в горы? Что здесь происходит, в конце концов?

Марат знал, что Изотов не убивал Ларису. Он всю ночь и весь день был на глазах у строителей. Сходить в кишлак и вернуться обратно у него не было времени.

– Почему вы молчите? – заорал Изотов, с трудом сдерживаясь, чтобы не броситься на приезжего с кулаками.

При виде тела Ларисы его нервы сдали.

– Что я могу сказать? – вздохнул Марат. – Думаю, Лариса вышла ночью из дому...

– Ночью? С какой стати?

– Тот же вопрос я могу задать вам. Вы выслушаете меня или нет?

Изотов как будто очнулся от накотившего отчаяния, опомнился.

– Да, конечно. Простите меня... я... Лариса мне нравилась. Очень. Мне не безразлично, что с ней случилось...

– Понимаю. Я тоже хочу выяснить, как погибла Мельникова. И надеюсь на вашу помощь. Как вы считаете, ее смерть имеет отношение к взрыву?

– К взрыву? С чего вы взяли? Ее же нашли не в туннеле...

– Я рассматриваю все варианты, – сказал Марат.

– Подождите... я чего-то не догоняю, – немного подумав, сказал Изотов. – Вы сами говорили, что она... пошла в горы и... При чем здесь туннель?

– Пока не знаю. Как вы объясните причину взрыва?

– Я? – инженер растерялся. – Никак. То есть я понимаю, что кто-то заложил взрывчатку... Но зачем? Серьезных повреждений взрыв не нанес. Так... образовался небольшой завал, кое-какая техника пострадала,

кабели... Это все поправимо. Жаль, люди погибли. Их уже не вернешь. А строительство продолжится.

– Значит, туннель будет введен в эксплуатацию?

– Несомненно. Разве что сроки сдвинутся. Если неизвестные злоумышленники не предпримут ничего более существенного.

То, каким тоном инженер произнес «неизвестные злоумышленники», рассмешило Марата. Не похоже, что Изотов принимает диверсию всерьез. Интересно, почему?

– То есть взрыв на прокладку туннеля не повлияет?

Изотов посмотрел на господина «Багрова» долгим взглядом.

– Конечно, нет, – наконец ответил он. – В худшем случае работы возобновятся через месяц, а в лучшем – через неделю. Только и всего. Как вы понимаете, на сроках сдачи объекта такая заминка серьезно сказаться не может.

Марат кивнул.

– Тогда зачем было устраивать взрыв? Инженер развел руками.

– Спросите что-нибудь полегче. Может быть, кто-то развлекается таким образом. Какой-нибудь псих.

– Ничего себе забавы! – возмутился Марат.

– Ну, тогда... напугать хотели. Или отомстить.

– Кому?

Изотов тяжело вздохнул и полез в карман за сигаретами.

– У нас с Паршиным будут серьезные неприятности, это точно. А за других не скажу, не знаю. Вам виднее.

Он курил, глядя вниз, на носки своих шнурованных ботинок. Марат заметил, как дрожит его рука с сигаретой.

– Проклятое место... вот что я вам скажу! – неожиданно воскликнул Изотов, бросая окурочек на землю и растирая его подошвой. – Надо было давно бросить все это к чертовой матери!

– Что вы имеете в виду?

Инженер молчал, переминаясь с ноги на ногу. Он совершенно протрезвел.

– Да все... Здесь уже хотели строить туннель. Раньше. Но передумали. Поумнее нас оказались...

Изотова будто прорвало. Сбиваясь и перескакивая с одного на другое, он выложил Марату и про первую неудавшуюся попытку строительства, и про странные происшествия с проходчиками, и про периодически гаснущий свет, и про повреждение кабеля, и про свои собственные ощущения.

– Значит, сразу после съемок кабель оказался поврежденным?

– Да, – кивнул инженер. – Я решил замять это дело. Потому что отвечать пришлось бы мне. Это ведь я пустил киношников в туннель.

– Вы полагаете, кто-то из них нарочно вырубил свет?

– Не исключено. Только...

– Что?

– Вы только не подумайте, что я рехнулся, – осторожно начал Изотов. – Или пытаюсь таким образом оправдаться. Мол, я тут ни при чем, это все «аномальные явления»! Я признаю свою ошибку: не должен был пускать в туннель посторонних. Но по большому счету – причину надо искать глубже. Если вы действительно хотите разобраться, а не просто соблюсти формальность.

– Я хочу разобраться, – подтвердил Марат. – Говорите все, не бойтесь. Я постараюсь вас понять. Мы находимся в неофициальной обстановке, без протокола. Так что в случае чего... сможете отказаться от своих слов.

Инженер закурил вторую сигарету. Московский «эксперт» почему-то вызывал у него доверие. Ему нужно было выговориться, хоть перед кем-то облегчить душу. А приезжий слушал внимательно, без дурацких ухмылок.

– В туннеле творятся дикие вещи. Такое ощущение, будто за вами постоянно наблюдают... ну просто дышат в затылок. Поверьте, я не слабонервная барышня, и эта стройка у меня не первая. Под землей или в толще горы вообще особая обстановка, не каждый выдержит. Но я привык. Что касается водки, то я почти не пью. Сегодня напился, да... из-за ребят. Получается, они погибли по моей вине. Если бы я не... Ладно, что зря каяться! – Изотов махнул рукой. – Смерть непоправима. Тут ничего не придумаешь и обратно не вернешь. А теперь еще Лариса...

Он судорожно затаился, закашлялся; глаза его покраснели и наполнились слезами.

– Можете вспомнить еще какие-нибудь странности, касающиеся туннеля? – спросил Марат.

Изотов докурив, постепенно успокаиваясь.

– Время там течет не так... – задумчиво ответил он. – Не везде. Может, таких мест несколько, но я только про одно знаю. Я водил туда Ларису, по ее просьбе... а свет возьми и погасни. Она испугалась, потеряла сознание. Зря я ее послушал.

– Валерий Михайлович...

– Да-да, я помню, что должен рассказать про время. Сейчас... тут и слов-то не подберешь. Ну, например, вам кажется, будто прошло несколько часов, а потом смотрите на часы – оказывается, прошло всего пять минут.

Или наоборот. Прошло пару минут, а на самом деле вы находились в туннеле больше часа.

– Ощущение времени очень субъективно, – заметил Марат.

Инженер кивнул.

– Мне нечего возразить. Именно поэтому я особо ни с кем свои наблюдения не обсуждал. Кстати, в туннеле часы могли вообще остановиться. Но не все обращали на это внимание. Подумаешь, часы остановились... Бывает. Завод кончился или батарейки сели. Человек не склонен к лишним рассуждениям, и любопытство – довольно редкое качество. Вот Паршин ничего такого не замечал. И другие тоже... Но люди-то ведь все разные! Одни более чувствительны, другие менее. Здесь с одной меркой подходить нельзя.

Ему нравилось, как «эксперт» слушал, – не перебивая и без возражений. Значит, не считает его выжившим из ума.

– Здесь, поблизости, есть месторождения золота? – вдруг спросил тот.

Изотов посмотрел на него с нескрываемым удивлением.

– Золото? Не знаю... Я не геолог. Так, любитель. Камней тут всяких полно – и драгоценных, и полудрагоценных. Можно собрать приличную коллекцию, если задаться целью. А золото... понятия не имею. Мне не попадалось. И слышать не приходилось. Почему вы интересуетесь?

– Любознательность! – отшутился Марат. – Я с детства мечтал найти клад. Или хотя бы золотой самородок, этак на килограмм весом.

Изотов выдавил некое подобие улыбки. Он курил сигарету за сигаретой, покашливая и щурясь от дыма.

– Расскажите мне... как погибла Лариса, – попросил он.

– Отправилась ночью в горы и сорвалась в расщелину. Несчастный случай.

– Вы в это верите? – возмутился инженер. – Зачем женщине идти в горы одной, да еще ночью? Лариса не отличалась безрассудной смелостью или авантюрными наклонностями. Как далеко от кишлака вы нашли тело?

– Почти рядом с окраиной. Кишлак сильно разбросан. Горная местность, сами понимаете... Если бы не альпинисты, мы бы вряд ли нашли Ларису. К сожалению, она уже была...

– Не надо! – резко сказал Изотов, его лицо дернулось. – Хватит...

Он замолчал, глядя перед собой.

– Идемте спать, – предложил Марат. – Придет утро, придут и новые мысли.

– Я не усну...

– Постарайтесь хотя бы просто отдохнуть. И не пейте больше. Завтра

вам лучше иметь ясную голову.

Он проводил инженера в его вагончик и отправился к себе. От усталости слипались глаза. Сон пришел сразу, как только голова коснулась подушки. Все эти несколько часов до утра Марату снилась Ангелина Львовна...

Глава 12

Галактика Эол, планета Ацтланика. Далекое прошлое

Жизнь на Драгии шла своим чередом.

Хетт и Касс сидели в маленьком ресторанчике с залом на пять столиков. Кроме них, посетителей не было. С потолка свисали хрустальные гирлянды зеленого цвета, создавая приглушенное освещение.

«Он совсем с ума сошел, – раздраженно думал Касс, глядя на печальное лицо приятеля. – Это общение с Вальганиусом так на него повлияло. Жуткий тип! От одного упоминания его имени мороз идет по коже».

С каждой новой встречей Хетт все больше разочаровывал начальника колонии. Он вел себя как-то странно, многого не договаривал. А ведь они условились ничего не скрывать друг от друга. Хетт, который раньше отличался болтливостью, сидел молча и неохотно ел «раччи», красное мясо непонятной твари, приготовленное для них с Кассом самим хозяином ресторана.

– Чувствуешь, какой резкий вкус у этого блюда? – сказал начальник колонии, чтобы нарушить молчание. – Я знаю, что тут за приправа. Лет покупала такой овощ. На вид он ничего... яркий и сочный. Я подумал, что он сладкий, а как откусил... чуть не умер. Оказывается, его соком приправляют мясо.

Хетт остался безучастным к его словам.

– О чем ты думаешь? Что с тобой творится? – не выдержал Касс.

Приятель посмотрел на него и тяжело вздохнул.

– Хетт, хватит, ты меня пугаешь! – начальник колонии прикоснулся к плечу друга, который смотрел на него невидящим взглядом. – Признавайся, что случилось... или я сейчас же ухожу!

– Не сердись, – прошептал приятель. – Какой мне смысл что-то скрывать? Поговорим потом. И не здесь. У Магистра повсюду уши...

– Ладно.

Касс понимал, что он прав. Если Хетт хочет сообщить ему нечто из ряда вон выходящее, лучше обсуждать это в другом месте. Водопад! Вот куда им стоит отправиться. Шум заглушит голоса, и они смогут почувствовать себя спокойно. Касс любил в свободное время прогуливаться

поблизости от водопада, любуясь его мощными подсвеченными струями, летящими с высоты.

Приятель вышел из ресторана и сел в припаркованный неподалеку сетлей Касса. По дороге они изредка перекидывались ничего не значащими фразами. Как будто их интересуют исключительно красоты водопада. Касс и Хетт подозревали, что их подслушивают.

Шум падающей воды приближался.

– Какая мощь! – восторженно воскликнул Касс. – Подойдем поближе.

Они оставили сетлей в нескольких шагах от тропинки, ведущей к водопаду. Тропинка была выложена камнями, влажными от летящих брызг.

– Что это? – спросил Хетт, останавливаясь. – Мне кажется, или действительно земля дрожит?

Почва под ногами дрогнула. Уже несколько раз в Жаде ощущались небольшие подземные толчки. Землетрясения на Драгии случались так давно, что о них забыли. Как и большинство горожан, Касс воспринимал происходящее с ленивым безразличием. Его гораздо сильнее интересовала тайна Хетта.

– Здесь нас никто не услышит, – заявил он, оглядываясь. – Рассказывай.

– Мне кажется... скоро случится ужасное, – пробормотал Хетт.

– С чего ты взял?

– Вальганиус. В последнее время он ведет себя как-то... подозрительно. Перестал благоустраивать замок, многое забывает, что вообще ему не свойственно. Как будто для него все потеряло смысл. А еще... он подолгу отсутствует.

– Ну и что?

– Понимаешь, Магистр – страшный домосед. Он постоянно занят работой и не любит выезжать. Но самое странное, что он перестал ходить в секретную комнату.

– Какая еще секретная комната?

– Прости, я тебе про нее ничего не рассказывал... Хетт замолчал, собираясь с мыслями.

Он нервничал и натянуто улыбался.

– Ты же знаешь мое любопытство! Я не успокоюсь, пока не разнюхаю, в чем дело, – продолжал секретарь. – Поэтому я начал следить за Вальганиусом. И вот что я увидел: сегодня он привез в усадьбу двух здоровенных детей. К уфтам я уже привык, а эти мне не знакомы. Магистр сам высокий, но эти двое – выше его на целую голову.

Не обращая внимания на шум воды и содрогания почвы, Касс ловил

каждое слово друга, его темные глаза сузились.

– Я очень рисковал, но все же подслушал их разговор, – признался Хетт. – Мне удалось подключиться к трейлу Вальганиуса. Я решился на такое только ради нее!

– Кого? О ком ты говоришь?

– Я не знаю, кто она и откуда... не в силах описать ее красоту. Она заставила меня пробудиться от страшного сна, где я был никем... Понимаешь? Я осознал, что наша жизнь никуда не годится! Это вообще не жизнь, а... какое-то наваждение.

Касс нетерпеливо повел плечами.

– Что ты имеешь в виду?

– У нас нет *такого!* *Такой* красоты. Ты просто не можешь представить себе...

Начальник колонии почувствовал, что начинает не на шутку раздражаться. Разглагольствования Хетта о какой-то *необыкновенной красоте* взбесили его. Ну, если это и есть его секрет, то...

Касс решил взять инициативу в свои руки и выяснить наконец, в чем дело.

– Так что ты подслушал? – сердито спросил он. – Не отвлекайся.

– Магистр и те двое очень долго разговаривали, но я запомнил каждое слово...

Хетт помнил не только каждое слово. Благодаря чудесным свойствам трейла он почти присутствовал при разговоре хозяина с незнакомцами. Более того, он сумел проникнуть в их мысли. Подслушивать и подсматривать за ними было большой дерзостью с его стороны. Но в тот момент секретарь не испытывал ни страха, ни угрызений совести. Вся беседа полностью запечатлелась в его сознании, так что теперь, пересказывая ее Кассу, он не упустил ни одной подробности.

– Я пригласил вас не для того, чтобы предложить вам выбор, – обратился Вальганиус к гигантам. – У вас нет выбора.

Гости Магистра переглянулись.

– Мы с вами будем вынуждены покинуть Драгию, – продолжал Вальганиус, не обращая внимания на реакцию, которую вызывали его слова.

Великаны молчали. Однажды они пытались выяснить больше, чем им полагалось знать, и едва не поплатились за это жизнью. Пришлось бежать с планеты, где они родились и выросли. Им еще очень повезло. Во-первых, их вовремя предупредили. Во-вторых, они были космопилотами и смогли улизнуть на угнанном корабле. В-третьих, благодаря Магистру, их приняли

на Драгии. С тех пор оба пилота не задавали никаких вопросов. Чем меньше знаешь, тем лучше.

Хетт чуть не упал с тумбы, на которой сидел, когда «услышал» мысли великанов. Его сердце неистово колотилось в груди.

– Драгия обречена на гибель, – заявил Вальганиус. – Скоро небесное тело Ош-132 пройдет так близко от Драгии, что вызовет взрыв планеты. Надвигающаяся катастрофа неотвратима. У нас осталось мало времени. Ровно столько, чтобы вы успели подготовиться к полету. Я все предусмотрел. Никто не должен заметить вашего отсутствия, поэтому вас заменят два моих помощника.

Пилоты удивленно переглянулись.

Вальганиус нажал кнопку сигнала на пульте связи, и в комнату вошли два гиганта, которые в точности походили на пилотов. Только одеты они были совсем иначе. Гости Магистра обомлели.

– Переодевайтесь, – приказал Вальганиус.

Через несколько минут пилоты обменялись одеждой с двойниками. Магистр осмотрел их и остался доволен.

– Вот теперь все в порядке!

Гости застыли в ожидании приказаний. Они беспрекословно подчинялись воле Вальганиуса, который вызывал у них страх и восхищение.

«Эти два чучела здорово похожи на нас, – подумали они о двойниках. – Только глаза другие – бессмысленные».

– Больше я Вальганиуса не видел, – закончил Хетт. – Когда и как они покинули усадьбу, не представляю. Наверное, воспользовались потайным ходом.

Касс испытывал внутреннюю дрожь. Никогда в жизни он еще не был так напуган. Он не сомневался, что все, рассказанное Хеттом, – страшная правда.

– Сколько у нас времени? – выдавил начальник колонии.

Секретарь молчал. Он по-своему переживал случившееся и не сразу понял, о чем его спрашивают.

– Да очнись ты! – рассвирепел Касс. – Когда они улетают? Сколько у нас осталось времени?

– Мало...

– Проклятие! Они должны взять нас с собой! Хетт грустно улыбнулся.

– Им плевать на нас, дружище...

– Конечно. Но они у нас в руках, потому что мы все знаем. Мы их заставим!

- Я никуда не полечу...
- Почему? Надо быть глупцом, чтобы не воспользоваться случаем спастись!
- Я никуда не полечу, – упрямо твердил Хетт...

Планета Земля, Москва. Наше время

Самойленко оказался прав. Как только шар перекочевал обратно к нему, Ангелина Львовна начала обретать спокойствие. Видения посещали ее все реже, становились бледнее и отрывочнее. Она почти перестала обращать на них внимание.

– Вот видишь? – торжествовал Олег Иванович. – Я тебе говорил! Надо больше доверять своему коллеге.

– Что это заявление, по-твоему? – недоумевала Закревская. – Как наука относится к подобным вещам?

– Плохо. Наука очень плохо относится ко всему, что не может объяснить. Наткнувшись на непонятный факт, ученые просто молчат, будто воды в рот набрали. Делают вид, что ничего *такого* не существует. Это же гораздо проще! Начни копать, искать, проводить эксперименты – и все привычные теории рассыплются. Что тогда делать?

– Создавать новые.

Самойленко хохотал. Ему приходилось снимать очки и вытирать выступившие на глазах слезы.

– Насмешила, ей-богу! Да кто ж им позволит? Ортодоксальная наука держится на фиксированных идеях, милочка. Она не станет рубить сук, на котором так уютно устроилась. Вот тебе пример: в Неваде нашли угольный пласт с четким отпечатком подошвы. Возраст отпечатка – около пятнадцати миллионов лет. А человек, исходя из научных данных, появился тринадцать миллионов лет спустя. И как прикажешь с этим быть?

– Изучать, исследовать...

– А как же эволюционная теория Дарвина? Как же история человечества? Ведь это фундамент, на котором базируется буквально все!

– Налей мне еще кофе...

Когда интеллект Ангелины Львовны заходил в тупик, она прибегала к старому, не раз испытанному способу – выпить чашечку крепкого кофе и съесть парочку конфет.

Восстановив при помощи шоколада душевное равновесие, она

вернулась к разговору.

– Хорошо. Допустим, виновник моих галлюцинаций – твой шар...

– Это не глюки, – перебил ее Самойленко. – Это информация, которая передавалась от кристалла в твое сознание.

– Но такие ясные, реальные картины... как будто смотришь цветной кинофильм...

– Информация – не набор слов и не некий закодированный текст, как многие считают. Она может существовать, храниться и передаваться в виде образов. Думаю, такой способ гораздо совершеннее.

– Ладно, пусть так. Выходит, у кристалла, неодушевленной, неживой материи, тоже есть сознание? Как это возможно?

Самойленко уже задавал себе тот же вопрос.

– Не знаю, – ответил он. – Кристаллы – загадочны и мало изучены. Почему бы им не оказаться одной из форм жизни? Они служат проводниками информации, но только для тех, кто способен ее воспринимать. Механизм передачи пока непонятен.

– Получается, они выбирают себе «собеседников»? По какому принципу?

Самойленко притворно вздохнул и закатил глаза.

– Нашла кого спрашивать! Знал бы ответ, был бы Нобелевским лауреатом. К сожалению, я не оправдал твоих надежд, дорогая Ангелина. Посему вынужден сдаться.

Он, дурачась, поднял руки вверх.

– Не паясничай.

– Узнаю интонации моей первой школьной учительницы. Хлебнула она со мной. Наверное, плясала от радости, когда я окончил начальную школу.

– Чем же ты ее так допек? – улыбнулась Закревская.

– Вопросами, вестимо. Неуместным любопытством.

– Я ее понимаю.

– Ах, так? – притворно рассердился Олег Иванович. – Вот она, женская благодарность! Я, можно сказать, спас твой рассудок, вернул к жизни. И что взамен? Неприкрытый сарказм, пренебрежение и насмешки. Что ж! Такова плата за мою доброту.

Он принял позу несправедливо обиженного и отвернулся.

– Тебе в театре играть надо. А ты в медицину подался, – засмеялась Ангелина Львовна. – Сделай одолжение, скажи мне еще раз, что ты думаешь по поводу шара.

– Ну... ладно. Хотя ты и оскорбила мои лучшие чувства, я пойду тебе

навстречу. Так и быть. Э-э-эх! – с чувством вздохнул Самойленко. – Моя беда в том, что я отходчивый. И падкий на женщин. Они из меня веревки выют. Ты первая!

– Давай, говори.

– Шар, по-видимому, содержит информацию особого рода: связанную с Солнцем и золотом. Почему? Не имею понятия. Пока он стоял у меня в кабинете, видения одолевали меня. То есть я невольно перенимал их у кристалла. Потом шар взяла ты. Тогда видения обрушились на тебя. Видимо, играет роль расстояние. Чем кристалл ближе, тем больше вероятность подсоединиться к нему. Чем он дальше...

– Понятно, – перебила его Закревская. – Допустим, ты рассуждаешь правильно. А на пациентов шар может влиять?

Олег Иванович задумался, нервно ерзая и потирая подбородок.

– Я не замечал... – выдавил он. Вопрос привел его в замешательство. – Во всяком случае, мои не жаловались. А твои?

Ангелина Львовна думала о Ревине. Что, если его странности начались после «общения» с шаром? Впрочем, Машенька, кажется, позвонила гораздо раньше, чем у Самойленко появился злополучный кристалл. Зато можно смело утверждать, что неадекватное поведение Даниила Петровича заметно усилилось за время посещения сеансов.

«Выходит... я чуть ли не способствовала «помешательству» господина Ревина, – ужаснулась она. – Какой конфуз!»

– Этого не может быть! – вмешался в ход ее рассуждений Самойленко. – Совершенно исключено. Не знаю, как у тебя, а мою клиентуру в основном составляют нервные дамы. Уж они-то первые забили бы тревогу. Будь уверена. Если бы хоть у одной началось нечто подобное, – я имею в виду галлюцинации, – кипеж бы подняли такой, что...

– Ага! Значит, все-таки галлюцинации? – воскликнула Закревская.

– Я просто воспользовался твоей терминологией, – скромно опустил глаза Самойленко.

– Нуда, разумеется.

– Можешь иронизировать сколько угодно, но на наших пациентов шар никакого воздействия не оказал. Я уверен.

– Поразительная разборчивость, ты не находишь? Олег Иванович в задумчивости покусывал палец.

– Ты высказала очень ценную мысль, которая мне не приходила в голову. Действительно, почему шар никак не повлиял на наших пациентов? Тут что-то есть...

Самойленко погрузился в размышления. Он обожал всему находить

объяснения.

– Я понял! – завопил он, вскакивая с кресла и потирая руки. – Понял! Все дело во времени. Кристалл может как впитывать, так и передавать накопленную информацию, но для этого надо долго находиться рядом. Возможно, процесс ускоряется, если сконцентрироваться на кристалле или... обладать определенными способностями.

– Какими?

– Ну... не знаю. Сильным энергетическим полем, например.

Закревская устало вздохнула. У нее разболелась голова.

– Все, хватит! – решительно сказала она, поднимаясь. – Мне пора домой. Пойду выплусь как следует...

Самойленко, поглощенный своими мыслями, даже не заметил ее ухода.

Ангелине Львовне не хватало Марата. Она привязалась к нему сильнее, чем хотела. Придя домой, она проверила автоответчик. Калитин не звонил. Если там, где он находится, нет сотовой связи, то обычная должна бы быть.

– Значит, он просто забыл обо мне... – вслух произнесла она, подавляя разочарование.

На тумбочке, рядом с настольной лампой, лежали исписанные Маратом листки. Ангелина Львовна решила перечитать его «опусы». Кажется, там тоже шла речь о каких-то кристаллах. Рожденная его воображением действительность захватила ее. Она переживала происходящее вместе с ним, проникаясь его чувствами и стремлением к некой неосознаваемой тайне...

– Что он искал? И нашел ли? – прошептала она, как будто речь шла о реальных событиях.

Так, с мыслями о Марате, она наконец уснула. Тревожная, беспокойная ночь пролетела быстро.

На Москву опустился предрассветный туман. Город тонул в розовой дымке...

Глава 13

Галактика Эол, планета Ацтланика. Далекое прошлое

Касса охватило лихорадочное желание спастись, во что бы то ни стало. Хетт должен помочь ему.

Секретарь Вальганиуса, казалось, ничего вокруг не замечал. Он уже считал себя мертвым, а мертвому все равно.

– Хетт, дружище, очнись! – Касс потряс приятеля за плечи. – Ну, что с тобой? Разве ты не хочешь жить?

Тот никак не реагировал.

– Ладно! Тогда скажи мне, где Магистр держит свой корабль? Ты ведь знаешь! Не можешь не знать...

Хетт наклонился к самому его уху и что – то прошептал.

Касс решил.

– Спасибо, Хетт! – искренне поблагодарил он и обнял приятеля. – Наверное, я еще не до конца понял, что ты сделал для меня. Прости, если что не так.

Он увлек Хетта к приткнувшемуся у тропинки сетлею. Грохот водопада провожал их, как прощальный салют.

– Поехали. Тебе куда? – спросил Касс.

– В усадьбу Вальганиуса...

– Тогда я высажу тебя на центральной улице, а оттуда ты сам доберешься. Тебе ведь некуда спешить?

Хетт ничего не ответил. Он удивлялся тому спокойствию, с которым воспринимал происходящее.

Расставшись с Кассом на главной улице Жада, Хетт почувствовал облегчение. Панический страх начальника колонии раздражал его. Вряд ли он отдавал себе отчет, зачем рассказал Кассу о надвигающейся катастрофе. Может быть, хотел сделать напоследок что-то хорошее...

Жители города ничего не подозревали. Им было невдомек, что скоро они все погибнут. Повсюду горели огни, из маленьких ресторанчиков доносилась музыка, по тротуарам прогуливались праздные, нарядные горожане. Все как всегда. Так было, так будет и впредь...

А вот и нет! Скоро, очень скоро наступит страшный, неотвратимый конец.

Хетт брел по знакомым с детства улицам, как чужой. Прохожие казались ему призраками ускользающей жизни. В сознании Хетта ни самого города, ни его обитателей уже не существовало...

Секретарь Вальганиуса ни о чем не жалел. Он прижимал к груди небольшой медальон, внутри которого хранился срезанный им завиток чудесных волос *той*, которая завладела его сердцем. Он решил, что останется с ней до самого конца. Ей не будет одиноко.

По дороге в усадьбу Хетт думал, как обмануть уффов – безумных стражей Магистра. Он не хотел тратить оставшееся драгоценное время зря. Лучше провести его рядом с *ней*. В той части замка, где Вальганиус устроил секретную комнату, уффы бывали редко. Стоило пробраться незамеченным к заветной двери, и дело сделано. Войти он сумеет. Секретарь привык использовать трейл, чтобы узнавать постоянно меняющийся код замка.

Теперь, когда конец был близок, страх Хетта перед Магистром и его слугами притупился. Он решительно вошел в комнату хозяина и взял трейл. В кристаллической памяти прибора ему без труда удалось отыскать то, что нужно.

Убедившись, что за ним никто не наблюдает, секретарь выскользнул в коридор и направился к вожделенной двери. В секретной комнате было полутемно...

– Видишь, я быстро вернулся, – с трепетом в голосе произнес Хетт и замер.

Он чувствовал, как теплая волна нежности затапливает его. Это происходило каждый раз, стоило только ему *увидеть*...

– Боги! – шептал секретарь, приближаясь к *ней*. – Какое блаженство!

Ноги его подкашивались, а сердце начинало неистово прыгать в груди. Хетту казалось, что там, в глубокой нише, где лежала *она*, сияет магический свет далекого незнакомого солнца. Он не замечал, что *ее* гармоничное и совершенное тело мертво. Оно давным-давно утратило упругость и гибкость, застыло, превратившись в некое подобие огромной статуи. «Золотая богиня» была прекрасна в своей зачарованной неподвижности.

Хетт подошел вплотную и наклонился, затаив дыхание. Ему казалось, что золотистые веки вот-вот дрогнут, что... Но нет. Безумным надеждам не суждено было сбыться. *Ее* лицо все еще хранило тень мягкости и чистоты. Увы, всего лишь тень.

Секретарь Вальганиуса придумывал *ей* сотни изысканных имен, но *она* не откликнулась ни на одно из них. Ему пришлось смириться с этим. Раз

за разом, рискуя жизнью, он приходил сюда, любовался *ей*, рассказывал обо всем, что его волновало. Он поведал *ей* историю Драгии, жители которой забыли солнечный свет и оттого очерствели. Они разучились любить и испытывать счастье...

Сегодня Хетту было нечего сказать *ей*. Он не мог защитить свою «Золотую богиню» от надвигающейся беды.

– Я не в силах что-либо изменить, – шептал он, прерывисто вздыхая. – Я могу только умереть вместе с тобой. Ты не будешь одинока в предстоящем тебе вечном странствии по Полям Звезд...

Разум Хетта отказывался верить в то, что *она* уже мертва. Он смотрел на «Золотую богиню», и его губы дрожали.

В бреду или во сне,
Глазам своим не веря,
Я созерцал *тебя*, ласкающей странного зверя.
По глади реки скользили
Лиловые тени цветов и *твое* отраженье...
Я видел себя и чужие просторы,
Зеленое небо, хрустальные горы.
И страстно желал, твердя в исступленье:
Пусть станет реальностью это виденье!

Стихи родились сами собой, легко и естественно, как всегда в *ее* присутствии.

Удивительно, но он совершенно не боялся смерти. В преддверии путешествия по Полям Звезд он перестал быть слугой, секретарем Магистра, перестал быть жителем подземного города Жада и обитателем планеты Драгия. Впервые за всю свою короткую жизнь он стал *самим собой*.

«Это потрясающее ощущение! – подумал он. – Слишком поздно...»

* * *

Когда Касс вышел из сетлея, твердь под его ногами вновь содрогнулась.

– Интересно, как долго это продлится? – пробормотал он,

прислушиваясь к колебаниям грунта.

Толчок был слабенький, еле заметный. Если бы не предупреждение друга, Касс не обратил бы на сотрясения никакого внимания.

Он огляделся. Бледные лица прохожих ничего не выражали, кроме привычной скуки. Жители Жада пытались развлечь себя: они бестолково толпились у игровых автоматов, что-то жевали, делились сплетнями и вяло жестикулировали.

Касс постоял еще несколько мгновений, прислушиваясь. Ничего не произошло. Он преодолел желание бежать и неторопливым шагом направился к дому. Навстречу вы – шла Лет, одетая в голубой костюм нового покроя. Лет покрасилась и причесалась, ей хотелось услышать комплимент. Касс скользнул взглядом по ее надоевшему лицу.

Она словно споткнулась.

– Касс, зайдешь домой, посмотри на себя в зеркало! – злобно выкрикнула Лет. – Ты отвратителен!

– У тебя слишком яркие щеки, – сказал он, отвернулся и пошел в дом.

Лет едва справилась с желанием догнать его и ударить. «Ничего, он скоро уедет», – подумала она.

Дома Касса ждало сообщение: он должен срочно вернуться в колонию. Он посмотрел на дату. Сообщение пришло совсем недавно.

– Началось, – прошептал он. – Похоже, правительству Драгии уже кое-что известно.

Покидая город, Касс чувствовал нервный озноб. Он старался не смотреть по сторонам. Неужели Жад и все его жители обречены?

Сетлей, не сбавляя скорости, свернул с дороги в темный заброшенный туннель. Грубо обработанные своды покрылись плесенью. Заброшенным туннель считался условно. Кому было положено, те знали, что он является запасным выездом из города.

Касс еще раз свернул и выехал на ту же магнитную трассу, по которой ехал в отпуск, окрыленный мечтами о приятном отдыхе.

На панели приборов сетлея вспыхнуло табло, замигала надпись: «немедленно ответить».

– Касс, – откликнулся начальник колонии.

– Ваш код для выезда 2773, – произнесло табло.

– Понял, – подтвердил Касс.

Раздался сигнал отключения, и табло потухло. Касс нервничал, он ждал повторного сигнала, после которого должен был набрать код. Табло молчало.

По обе стороны трассы дрожали световые ленты. Сетлей мчался на

большой скорости. Касс не мог сбавить ее: он боялся, что не успеет доехать до нужного участка дороги в расчетное время. И тогда ему уже не спастись – сетлей будет уничтожен.

Прозвучавший наконец сигнал табло заставил его вздрогнуть. Касс сосредоточился. Набрал код, он с облегчением вздохнул: «Все, теперь пусть ищут меня!»

Начальник колонии думал о Вальганиусе. Он не сомневался в том, что убедит Магистра взять его с собой. Только бы успеть!

Подземные толчки участились. Внезапно свет в туннеле погас. Касс не успел как следует испугаться, потому что тут же автоматически включилось автономное освещение. Теперь вместо светящихся полос по бокам трассы загорелись прожекторы. Раздался ужасающий грохот... Последнее, что видел Касс – несколько черных зигзагов на стене туннеля. Это были трещины. В мгновение ока подземный свод обвалился, раздавив сетлей, как яичную скорлупу.

Обитатели Драгии так и не успели понять, что произошло. Город Жад погрузился во тьму и начал рушиться, превратившись для жителей в западню, из которой не было выхода.

В замке Вальганиуса тоже погас свет. Все смешалось – шум обвалов, странный гул, пыль и тьма. Хетт закрыл глаза и всем телом прижался к «Золотой богине». Ожидание смерти утомило его. Он даже желал ее...

Вальганиус нервничал. Катастрофа произошла чуть раньше, чем он ожидал. Пришлось ускорить взлет корабля. На экране внешнего обзора Магистр еще видел Драгию, вернее, то, что от нее осталось...

«Не стоило рисковать и тянуть до последнего, – мысленно ругал себя Великий Изгнанник. – Ничто в этом брэнном мире не заслуживает сильной привязанности. Ничем, ничем нельзя дорожить!»

Вальганиуса клонило в сон. Он потратил слишком много сил на борьбу с собственной жалостью. Как глупо!..

Планета Земля, Памир. Община гуру Нангавана. Наше время

Утренняя групповая медитация сорвалась. В общине нарастала истерическая нервозность. Никто не понимал, в чем дело.

Учитель предложил обсудить положение вещей. *Шраваки* неохотно согласились. Первым взял слово Белкин. Он покраснел от волнения и даже

перестал жевать свои орехи.

– Что-то происходит, – дрожащим голосом заявил толстяк. – Но мы не знаем что. От нас скрывают правду. Это... безобразие! Мы здесь не враги друг другу, а... братья по духу. Вот.

Он сконфузился и сел. Такая длинная обличительная речь далась ему нелегко.

– Правильно, Белыч! – поддержал толстяка Криш. – За кого нас принимают? За лохов?

Молчун Яков и тот на сей раз подал голос.

– В чем, собственно, дело? – поджимая губы, спросил он, обращаясь почему-то к Нангавану. – Объяснитесь, господа.

Столь интеллигентный слог показался Длинному вызывающим.

– Хватит выпендриваться! – взорвался он. – Нельзя ли выразиться как-нибудь попроще? У нас тут не дворянское собрание!

Нангаван посмотрел на Хакима, ожидая, что и тот выскажется. Но Хаким молчал. И тогда гуру решил прибегнуть к своему обычному испытанному приему, который до сих пор срабатывал безотказно.

– Пусть властвует внутренняя правда, – важно заявил он. – Даже вепрям и рыбам – счастье! Благоприятен брод через великую реку. Благоприятна стойкость.

По опыту Нангаван знал: чем более нелепо звучит фраза, тем она эффективнее. Сначала ученики будто впадают в транс, сокрушенные степенью своего невежества. Потом начинают думать. Ни один не пожелает признаться, что ничего не понял.

Учитель с глубокомысленным видом замолчал, а *гираваки* застыли в замешательстве. Однако ненадолго.

Длинный Витя выпучил глаза и, наливаясь кровью от возмущения, взревел:

– Да когда же это кончится? Мы что, идиоты, по-вашему? При чем тут какие-то вепри и рыбы? А? Я вас спрашиваю! И это... как его... брод через реку! Такая чушь ни в какие рамки не лезет!

– Вот именно, – подскочил на месте тощий Криш. – При чем тут брод? Мы не через реку собираемся переправляться, а разбираемся, что среди нас творится.

Толстяк Белкин встал и успокаивающе поднял руку.

– Подождите. Не ссорьтесь, – степенно вымолвил он. – Надо подумать. Истина не всегда лежит на поверхности. Иисус тоже говорил притчами...

– То Иисус! – перебил его Криш. – Надеюсь, здесь на его роль никто не претендует?

Он бросил злобный взгляд на Нангавана и отвернулся.

– О какой стойкости идет речь? Кто должен быть стойким? – тонким голоском осведомился Яков. – Я что-то не сообразил.

– В огороде бузина, а в Киеве дядька! Вот о какой! – не унимался Криш. – Мы спрашиваем про одно, а нам преподносят совершенно другое. Лапшу на уши вешают.

– Я не согласен! – пискнул Яков. – Я... требую уважения! Мы здесь одна семья или кто?

– Или кто! – передразнил его Длинный.

Хаким делал вид, что весь этот спор его не касается. Учитель же с трудом сохранял невозмутимость. Он решил запустить вторую фразу, еще похлеще. Авось она возымеет действие.

– Кто властвует, благодаря своей сути, подобен звезде, которая пребывает на месте, тогда как прочие звезды ходят вокруг нее! – высокопарно заявил Нангаван.

Снова воцарилось молчание.

Хаким опустил глаза. Белкин бросил в рот несколько орехов и быстро начал жевать. Длинный Витя прикусил губу, а Яков, нервно почесываясь, заерзал на месте.

– Над нами издеваются! – пронзительно завопил Криш. – До каких пор это будет продолжаться? Кто тут вообразил себя звездой, вокруг которой мы должны вращаться? Здесь все равны.

– Да! – не переставая жевать, кивнул Белкин. – Перед Богом все равны. И звезды, и люди...

– Это что же получается? – пропищал Яков. – Кто-то звезда, а кто-то, извините, холуй, который не имеет права голоса?

Длинный Витя наконец получил возможность выплеснуть на Якова все свое раздражение, накопленное за время пребывания в общине.

– Мы не на избирательном участке, – ядовито заметил он, испепеляя молчуна взглядом. – Чтобы говорить о праве голоса! Ты, Яша, в прошлых жизнях, видимо, привык к руководящим ролям. То у дворян командовал, то у комиссаров. Теперь нами хочешь покомандовать. Ишь, как тебя прорвало! А то все молчал да молчал. Я тебя, братец, сразу раскусил.

– Я не собираюсь никем командовать, – защищался Яков. – Мне только не нравится высокомерие...

– Хватит переливать из пустого в порожнее! – положил Криш конец их перепалке. – Так мы ничего не добьемся. Пора переходить к делу. Раз никто признаваться не хочет, тогда...

Он обвел присутствующих угрожающим взглядом.

– Мы не на допросе, – пискнул Яков, подражая Длинному.

Тот не остался в долгу.

– Цыц! Контра недобитая! – рявкнул он.

– Прекратите! – не выдержал толстяк. – Как вы можете? Вспомните о духовном...

Криш понял, что решительных действий, кроме него, предпринять некому. И приступил к своим обязанностям.

– Шутки кончились, – зловеще произнес он. – Белыйч, показывай!

Наступила пауза. В тишине слышно было напряженное сопение толстяка.

– Может, не надо... – растерялся он.

– Показывай! – приказал Криш. – Давай, не тяни. Все уставились на Белкина, который чуть не подавился своей жвачкой.

– Ребята, я... Ну, в общем, я понял свое несовершенство. Мой главный недостаток – гордыня. Вот я и... решил вырабатывать смирение. Криш посоветовал мне завязывать всем шнурки на ботинках, мыть после всех посуду... То есть быть у вас на побегушках. А я... не смог так сразу перестроиться. Тогда Криш говорит: «Если не получается сразу, начинай постепенно».

– Ты суть излагай, – сердито бросил Длинный. – Не отвлекайся.

– Я и излагаю... Сейчас вы все поймете. Я понял, что Криш прав, и задумался, с чего бы начать. Самое подходящее дело – уборка.

– Так это ты здесь порядок навел? – вмешался Яков. – А я-то голову ломал. Чудеса, думаю. Уходили дрова пилить, было грязно. Пришли – чисто...

Белкин смутился. Грех гордыни имел-таки место.

– Да... – пробормотал толстяк. – Это моя работа. Мне было неловко убирать при всех, и я занялся этим в ваше отсутствие. Из-за уборки все и случилось.

– Далек тебе еще до просветления, Белыйч, – притворно посочувствовал Длинный.

– Я знаю...

Криш понял, что толстяка пора вернуть к главному.

– Ладно, ты дело говори. При чем тут твоя уборка?

– При всем, – восторженно воскликнул толстяк. – У меня какой подход? Если уж взялся за что-то, исполняй с усердием. Это как послушание в монастыре. Я решил навести у нас в доме идеальный порядок. Начал с постелей. Хотел вытрясти пыль из матрацев и одеял, аккуратно перестелить...

Нангаван насторожился. Ему все меньше и меньше нравились

откровения Белкина. Но и заткнуть толстяку рот при всех он не мог.

– Ты что, в наших постелях рылся? – пропищал Яков. – Кто тебя просил?

– А зачем просить? Я добровольно... Я хотел чистоту навести, услужить вам. Христианское смирение велит нам любить ближних своих, как самих себя.

– Понятно, – фыркнул Длинный. – Дальше-то что? Из-за чего весь сыр-бор?

Белкин засунул в рот новый орех и принялся жевать. Он сильно нервничал. Криша взбесила нерешительность толстяка.

– Да выплюнь ты свою жвачку! Что ты, как священная корова, жуешь и жуешь? Тебе надо было в Индию ехать за просветлением. В ашрам. Там бы тебя давно святым сделали.

– В Индию? – растерялся Белкин. Криш сжал зубы и застонал.

– Держи меня, – сказал он Длинному Вите. – А то я его сейчас убью! Прикончу на месте!

– Говори, Белыйч, – пропищал Яков. – Неровен час, у кого-нибудь нервы не выдержат. Терпения больше нет ждать, пока ты соберешься с мыслями. Ну, занялся ты постелями, и что?...

Толстяк с испугу подавился орехом и раскашлялся. Криш принялся с остервенением хлопать его по спине.

– Скажешь ты, наконец, или нет? – приговаривал он. – Говори, а то хуже будет!

Белкин продолжал кашлять. С трудом отдышавшись, весь красный и потный, он выдавил из себя одно слово: «С-сейчас». Под напряженными взглядами членов общины толстяк ринулся в заваленный старыми циновками угол, поколотился там и с довольным видом вышел на середину комнаты.

– Вот! – торжественно заявил он.

Все невольно повставали со своих мест. В руках Белкин держал скомканную тряпочку не первой свежести.

– Дай сюда, – не выдержал Криш.

Толстяк ловко увернулся, несмотря на свою комплекцию, и отскочил.

– Нет уж, это я нашел! Я сам покажу.

– Не трогай его! – взвизгнул Яков. – Что ты кидаешься, как бешеный?

Длинный Витя сделал шаг к Белкину, готовый выхватить у толстяка его находку, и только Хаким и Нан – гаван не вмешивались в происходящее.

Белкин забыл о своей жвачке. Он попятился, осторожно развернул тряпочку и обвел взглядом присутствующих. На мятой ворсистой

поверхности лежали два желтоватых камешка – побольше и поменьше.

– Смотрите... – зачарованно прошептал толстяк. Наступило гробовое молчание.

– Ну, что это, по-вашему? – потерял терпение Криш. – Чего застыли, как восковые фигуры? Белыч, скажи им.

– Это... золото! – восторженно произнес толстяк и облизнулся. – Самородное золото! Самое настоящее!

– Откуда? – поразился Яков.

Длинный Витя раскрыл от удивления рот, уставившись на камешки в руках Белкина. Хаким крякнул.

Неожиданно для всех Нангаван вскочил и бросился в свою комнату. Вне себя от волнения, он просунул руку под матрац в заветный тайник и похлодел. Там было пусто...

Глава 14

Галактика Эол, планета Хелион. Далекое прошлое

«Этлон» и «Эрбор» медленно проплывали между двумя остроконечными вершинами «хрустальных» гор, сверкающих в лучах огромного желтого солнца. Оба корабля благополучно миновали Врата Хелиона и мягко опустились на посадочную площадь.

Воздушно – золотая среда на корабле Тэлла Элакриэна слишком истощила его. Он ощущал слабость и сильную резь в глазах. Из-под опущенных век выкатились крупные слезинки. Пилот смахнул их. Он не мог разобраться в своих противоречивых чувствах, остро переживая возвращение на родину.

– Тэлл, что-то случилось?

Пилот вспомнил, что за ним наблюдает дежурный диспетчер.

– Все нормально, – ответил он.

Лицо диспетчера дрогнуло. Он множество раз руководил посадкой «Этлона» и всегда видел Тэлла сияющим от радости. Диспетчер неловко кашлянул, чтобы справиться со смущением. Он считал, что допустил промах, обратив внимание пилота на его состояние.

Элакриэн улыбнулся. Он не настолько сильно поддался эмоциям и физическому недомоганию, как могло показаться на первый взгляд.

– Все в порядке, – твердо повторил он.

За ним пришел маленький воздушный катер «черепаха». Пилоты прозвали его так за круглую форму и низкую скорость. После космического корабля полет на «черепахе» выглядел комично. Найс, водитель «черепахи», причалил к «Этлону».

Хелион... Тэлл любил зеленое небо этой планеты, легкие облака, разлитое в воздухе благоухание, тени деревьев на желтом песке, города, выстроенные из искрящегося, чрезвычайно прочного материала. Жители Хелиона имели совершенные «золотые» тела, которые могли существовать очень долго, если бы запасы золота время от времени не заканчивались. И все же Хелион казался Тэллу изящной, красивой игрушкой по сравнению с космосом. Бескрайние просторы и неисчерпаемый потенциал Вселенной восхищали и вызвали священный трепет. Познавая звездные миры, он все больше преклонялся перед творящим их безудержным гением.

Впрочем, Тэлл привык менять масштаб восприятия. Он приготовился полностью погрузиться в сверкающий миниатюрный мир Хелиона и на время забыть о космосе. Ему предстояло выйти из корабля, сделать несколько шагов и сесть в удобный салон «черепахи». Никто не придет встречать его.

Хелион без Манфи?... Элакриэн решил не думать об этом. Иначе его душа разорвется на части. Одна ее часть тосковала по Хелиону, сокровищнице их цивилизации, а другая рвалась обратно в космос, чтобы отыскать следы Манфи.

Как только Элакриэн ступил на гладкое посадочное покрытие, Найс вышел навстречу. Они обнялись. Слова были не нужны. Жители одной из самых прекрасных планет галактики Эол забыли, что такое притворство и вражда. Их отношения строились на основе искренности и любви.

Найс спешил доставить Элакриэна в центр восстановления здоровья пилотов. «Черепаха» отчалила и заскользила по воздуху.

– Сначала домой, – попросил он.

– Как скажешь... – согласился Найс. – Удалось ли выяснить хоть что-нибудь о Манфи? – спросил он немного погодя.

Ему было известно, что Тэлл привел и посадил «Эрбор», корабль Манфи с грузом золота. А где она сама? Что с ней?

– Никаких новостей... – ответил Элакриэн. Оба почувствовали смущение и замолчали.

– Прости, Тэлл.

– Я все равно ни на мгновение не забываю о ней... «Черепаха» начала плавно снижаться. Внизу блестели на солнце прозрачные желтые купола города...

Совет, на котором Тэллу Элакриэну предстояло изложить собранную им информацию, назначили на вечер этого же дня, когда Усталый Хели, – так жители Хелиона называли солнце, – отправится на покой. У пилота осталось совсем не много времени, чтобы привыкнуть к живой среде планеты и набраться сил.

Известие о возвращении «Этлона» и «Эрбора» облетело всех и вызвало заметное оживление. Город Флайкилл, – главный космический центр Хелиона, – давно не видел такого скопления граждан. Радостные лица хелионцев отливали золотым блеском, праздничные одежды состязались в пышности и великолепии. Но это впечатление полного благополучия никого не могло обмануть. Цивилизация Хелиона слишком близко подошла к опасной черте...

Правитель планеты Аффит Эмеруэн устал от безнадежных попыток

исправить ситуацию. Он мерил шагами огромный, опоясанный колоннами зал и думал, думал...

– Аффит!

Правитель поднял красивую, гордо посаженную голову и обернулся. Перед ним стоял Стэлл Ор – единомышленник, советник и ученый, владеющий уникальными знаниями физики макромира.

– Я не заметил, как ты вошел, – удивился правитель. Советник чуть склонился и тут же выпрямился.

– Нельзя погружаться в размышления столь глубоко, – медленно произнес он.

– Ты собираешься сообщить мне нечто ужасное... – догадался Аффит. – Говори.

– Драгия взорвалась. Ее больше не существует.

Правитель не мог представить себе более страшного известия. Он с трудом перевел дыхание, чтобы справиться с замешательством и привести в порядок мысли. Кто мог ожидать, что случится такое? Гибель Драгии означала, что Хелион лишился единственного надежного поставщика золота.

– Чем вызвана катастрофа? – вернув себе самообладание, спросил Аффит.

Он не особо верил, что события такого масштаба, как взрыв планеты, происходят случайно.

– Я изучаю этот вопрос, – спокойно ответил Ор. – И скоро доложу тебе свои соображения.

Правитель знал, что в его руках судьба каждого мужчины и каждой женщины Хелиона. Никто не мог разделить с ним бремя ответственности. Он не имел права проявлять слабость. Он должен найти выход из любой, самой безнадежной ситуации, даже такой, как взрыв Драгии. На самом деле безвыходных ситуаций не бывает.

Стэлл Ор отдавал себе отчет, чем может обернуться для хелионцев катастрофа на Драгии. Но он привык улаживать проблемы. Впадать в отчаяние – не в его правилах.

– Мы справимся с этим, Аффит, – сказал он. – Вспомни, какое имя ты носишь!

Некоторым жителям Хелиона давались особые имена – на, со смыслом. Так, имя Аффит означало – «счастливый выбор».

Правитель улыбнулся.

– Ты решил, что я мог забыть об этом? И все же, почему взорвалась Драгия?

– Давай сядем...

Аффит опустился в мягкое кресло с высокой спинкой, Стэлл Ор занял место напротив.

– Пока я сделал только предварительные выводы, – сообщил советник. – Драгия разрушилась из-за приближения космического тела Ош-132. Сила притяжения такой плотной массы разорвала Драгию на части.

– Это можно было спрогнозировать?

– Нет. Ош-132 – необычный объект. Он имеет громадную массу при небольших размерах. По каким причинам Ош-132 непредвиденно и резко изменил траекторию движения, я не знаю.

Правитель помолчал, обдумывая сказанное.

– Хорошо, Ор, займись этим более тщательно. И подготовь подробный анализ катастрофы. Ты будешь на Совете? Мы должны выслушать Тэлла Элакриэна.

– Он привел обратно «Эрбор», – вздохнул ученый. – Я обязательно приду на Совет.

Стэлл отправился к себе, чтобы построить модель – трехмерное голографическое изображение катастрофы – и показать правителю воочию, как это произошло.

Аффит остался сидеть в кресле напротив открытой террасы. Между колоннами росли бело-розовые шары авруса – неувядающего кустарника, цветы которого обладали приятным терпким ароматом. Хели стоял высоко, его жаркие лучи проникали в зал, скользя по золотым плитам пола. Вместе с ветерком влетали мелкие жесткие лепестки авруса...

«Эрбор» вернулся, – думал Аффит. – И что же? Все еще сильнее запуталось».

Он закрыл глаза и увидел перед собой чистое, ясное лицо Манфи... Когда она не вернулась из полета, правитель ощутил ужасающую пустоту. Только тогда он понял, что влюблен. Ему не стоило обманывать себя, скрывая страстное влечение к Манфи. Она была так близко! Аффит мог окружить ее вниманием и заботой, очаровать и выиграть бой за ее сердце. Он знал, что Манфи и Тэлл связаны Обетом Любви, но это не могло остановить его. Или все же остановило?...

На Хелионе никому не возбранялось любить и добиваться ответной любви. Узкие законы морали давно отпали за ненужностью.

«Почему же я медлил, когда надо было действовать? – думал правитель. – Мгновения счастья невозвратимы. Никогда не знаешь, что будет завтра. У Элакриэна есть хотя бы воспоминания. А у меня?»

Аффит больше не мог обманываться. Он любит женщину, которая принадлежит другому, не менее достойному мужчине.

– Что бы ни случилось с Манфи, всегда остается надежда... – прошептал он.

Правитель встал и вышел на террасу. Запах авруса здесь ощущался сильнее, стесняя дыхание. Или это сказывается пережитое волнение? Аффит рассердился на себя. Сегодня он не должен думать о Манфи. Ему необходимо сосредоточиться, чтобы принять важное решение...

Планета Земля, Памир. Наше время

Хушкадам Батыркулов, председатель комиссии по расследованию причин взрыва в туннеле, был недоволен ходом дела.

Взрыв, к счастью, не нанес серьезных повреждений внутренним конструкциям, но строительные работы пришлось приостановить. Рабочие вели между собой недовольные разговоры, ходили угрюмые, ворчали и отказывались идти в туннель. Завал разбирали неохотно, в основном силами солдат внутренних войск.

Эксперты установили, что взрыв произошел не случайно, а был тщательно подготовлен. Некто заложил в стену туннеля взрывчатку, а потом воспользовался дистанционным устройством.

В дверь вагончика постучали.

– Войдите, – недовольно буркнул Батыркулов.

Повариха, молодая длиннокосая таджичка, принесла обед – жареную баранину и горячие лепешки. Мясо источало ароматы горных трав, но у Батыркулова не было аппетита. Он раздраженно отодвинул от себя тарелку, задумался.

Причины взрыва оставались невыясненными. Кому это могло понадобиться? Предположение о диверсии с афганской стороны Батыркулов отмел сразу. Если бы боевики решили разрушить туннель, они бы сработали гораздо более профессионально. А то получилась ерунда: нечто вроде игрушечной попытки или какого-то неудачного розыгрыша. Двое рабочих погибли случайно, оказавшись по стечению обстоятельств в неполюженном месте.

Совершенно не вязалось с общей картиной убийство Ларисы Мельниковой, помощницы администратора съемочной группы из Москвы. Она-то при чем? Убрали свидетеля? Очень может быть. Но свидетеля чего?

Этого, пожалуй, узнать не удастся. Мельникова уже не расскажет, а расследование идет настолько вяло и бестолково, что...

Батыркулов выругался. Он не понимал самого главного – кому и зачем понадобился этот игрушечный взрыв? Ну, затормозилось строительство на пару недель. Пусть даже на месяц. И что?

Он был умным, рассудительным человеком и не мог смириться с очевидной бессмысленностью свершившегося. Убийство Мельниковой еще больше запутало ситуацию. Выходит, преступник никуда не скрывался и продолжает орудовать у всех под носом.

В дверь снова постучали.

– Войдите! – рявкнул Батыркулов. Московский эксперт Багров, чисто выбритый и сияющий, приветливо поздоровался.

– Чему вы радуетесь? – возмутился председатель комиссии. – Мы зашли в тупик, а вас это забавляет?

– Во всем есть своя прелесть, – с улыбкой парировал «Алексей Юрьевич».

– Ну да, ну да...

Приезжий ничуть не смутился и сделал пару шагов вперед.

– У меня к вам просьба.

– Не сомневаюсь, – пробурчал Батыркулов. – Излагайте, у меня мало времени.

– Хочу отлучиться на сутки.

– Опять? И где вас носит? Надеюсь, в этот раз обойдется без сюрпризов в виде нового трупа?

– Не могу гарантировать, – улыбнулся «Багров».

Батыркулов по-настоящему разозлился. Московский хлыщ ужасно бесил его. Хотелось поставить зарвавшегося эксперта на место, а, согласно инструкциям, приходится во всем ему помогать.

– Черт бы вас побрал! – выругался председатель комиссии. – Куда вам надо отлучиться, вы, разумеется, не скажете. И то правда: зачем нас, простых смертных, посвящать в ритуальные таинства? – с сарказмом добавил он.

– Я вижу, у вас плохое настроение, Хушкадам Одилович. И аппетит пропал... – москвич кивнул в сторону полной тарелки. – Вы кушайте, кушайте. Мясо небось стынет.

– Благодарю за совет. Это все?

– Нет. Я возьму с собой одного молодого человека, чтобы скучно в дороге не было.

– Кого?

– Евгения Голдина.

Ни имя, ни фамилия ничего не сказали Батыркулову. Но расспрашивать не хотелось. Какая ему разница, в конце концов?

– Ладно, берите... – вздохнул он.

– Премного благодарен!

Москвич шутовски поклонился и скрылся за дверью.

Он спешил. До того как они с Голдиным отправятся в общину «Поднебесье», надо успеть побеседовать с Бахметом.

На порожке медпункта стоял доктор и курил.

– Здравствуйте, – приветливо улыбнулся Марат. – Как тут наш больной? Могу я с ним поговорить?

Доктор сделал последнюю длинную затяжку и щелчком отправил окурок в кусты.

– Режиссер серьезно расхворался, – ответил он. – Сердце, давление. Я не ожидал. Думал, он покрепче окажется. Но поговорить с ним можно. Хотите сделать это прямо сейчас?

– Да. Чего тянуть? Раз здоровье позволяет...

– Только недолго.

Доктор проводил Марата к больному, а сам деликатно вышел.

Режиссер правда выглядел паршиво, – бледный, глаза ввалились. Господин «Багров» присел на длинную пластиковую скамейку.

– Вы кто? – повернувшись к нему, спросил Бахмет.

– Меня зовут Алексей Юрьевич Багров, – представился Марат. – Эксперт из правительственной комиссии.

Больной продолжал смотреть на него напряженным, ожидающим взглядом.

– Я по поводу взрыва.

– А-а... Но я ничего не видел. Болел.

Выражение лица Бахмета переменилось. Теперь оно стало лихорадочно-нетерпеливым.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Марат.

– Скверно, молодой человек... Весьма скверно! Вот, никогда не думал, что здоровье подведет. Съёмки здесь, на Памире, почти закончены, пора в Москву возвращаться, а я слег. Куда это годится?

Режиссер сердито засопел, его скулы покрылись румянцем.

– Разрешите любопытствовать, как ваш фильм будет называться?

– «Взрыв в туннеле»... – буркнул режиссер.

– Мило... Очень мило.

– Название фильма тут ни при чем, если вы это имеете в виду! –

взорвался Бахмет. – Обычное совпадение. Не занимайтесь глупостями, молодой человек, а то из-за таких, как вы, наша группа вынуждена торчать тут, в горах. Когда нам давно пора в Москву. Каждые сутки задержки стоят денег, между прочим.

– Я понимаю.

– Ни черта вы не понимаете! – возмутился режиссер.

Господин «Багров» предпочел оставить его выпад без внимания.

– Расскажите, как с вами произошла эта неприятность? – как ни в чем не бывало продолжал он.

– Какая? У меня их полно.

– Ну... каким образом вы заблудились в туннеле?

Бахмет подозрительно уставился на посетителя, долго молчал.

– Не знаю... – с трудом выдавил он. – Не помню. Ничего не помню...

– Совсем ничего? С какого момента вы перестали осознавать, что происходит? Съемки взрыва помните?

– Съемки помню, – кивнул режиссер. – Все получилось удачно, даже не пришлось делать лишних дублей. Потом... мы начали собираться... складывать оборудование... Да! Кажется, свет погас! Я уже тогда ощущал какую-то дурноту... Наверное, это усталость. Я очень устал... Фильм стоил мне нервов, молодой человек. И каких нервов! Организм держался на одном энтузиазме. А когда все закончилось... он сдал. Ничего удивительного. Для творческих людей это обычное явление.

– Вы говорили... свет погас?

– Да! Представьте себе: мы складываем вещи, все валятся с ног от усталости, суетятся, торопятся, и вдруг – ни с того, ни с сего гаснет свет. Наступает крошечная тьма. Вы знаете, что такое темнота под землей? Уверяю вас, что нет! Я тоже не знал. Это совсем не то, к чему мы привыкли. Совсем не то...

– Вы в тот момент ничего необычного, подозрительного не заметили?

– Кроме того, что свет погас, ничего, – нехотя ответил Бахмет. – Мне уже тогда было нехорошо. Сердце прихватило... и голова закружилась. Пожалуй, больше я ничего и не помню.

– Что было после того, как погас свет? Режиссер закрыл глаза, всем своим видом давая понять, что разговор утомил его.

– Я же сказал... больше ничего не помню. Ну, крики раздались... возня... кто-то упал... Не знаю!

– Что, ни у кого не оказалось ни фонаря, ни лампы? Бахмет начал злиться.

– Наверное, фонари были, – раздраженно ответил он. – У строителей,

да и у наших ребят. Какое-то запасное освещение на такой случай предусмотрено, как я понимаю. Только вы об этом лучше рабочих расспросите или инженеров. Я не специалист. Мне стало плохо... понимаете? Кто-то же чувствовал себя нормально, больше видел, слышал? Вот вы их и расспрашивайте.

– Я обязан поговорить со всеми, – терпеливо объяснил посетитель. – Такая у меня работа.

– Но я уже все сказал!

Марат понимал, что Бахмет о чем-то умалчивает. Как вызвать его на откровенность?

– Вы остались в туннеле? Или вышли?

– Не помню... – раздраженно ответил режиссер. – Кажется, нет. Я брел по камням... потом упал. Видимо, долго лежал, замерз... Значит, это было не в туннеле. Меня нашли какие-то люди. Двое... Да, точно, двое. Уже рассвело... Все! Больше мне добавить нечего.

Марат чувствовал, когда пора прекратить задавать вопросы.

– Спасибо, вы мне очень помогли, – примирительно сказал он. – Может быть, у вас есть какие-нибудь просьбы, пожелания?

Глаза Бахмета радостно блеснули.

– Когда мне можно вернуться в кишлак? К своим? Съемки закончены, и мы напрасно теряем время. Почему нас не выпускают?

– Думаю, это дело поправимое, – улыбнулся Марат. – Скоро все формальности будут соблюдены, и вы сможете ехать. Главное, чтобы здоровье позволило.

Режиссер помрачнел.

– Я все еще неважно себя чувствую, – признался он. – Слабость. И голова кружится.

– Полежите пару деньков. Куда торопиться?

– Вы правы.

– Не знаю, говорить вам или нет... – медленно, будто сомневаясь, произнес Марат. – С одним человеком из вашей группы произошел несчастный случай.

– С кем? – встрепенулся режиссер.

– С Ларисой Мельниковой.

– А что с ней?

– Погибла. Упала в расщелину. Вы только не волнуйтесь...

– Господи! – Бахмет закрыл глаза и судорожно глотнул. – Какой ужас.

– Возможно, ее убили...

Режиссер приподнялся и внимательно посмотрел на посетителя. В его

лице что-то изменилось.

– Вы ничего не понимаете! – многозначительно произнес он. – Ничего не понимаете!..

Глава 15

Галактика Эол, планета Хелион. Далекое прошлое

На берег неуклюже выбралась огромная черепаха. Ее золотистый панцирь ослепительно блестел на солнце, а широкие лапы глубоко утопали в песке. Черепаха направлялась к растущим неподалеку деревьям, чтобы спрятаться в тени.

Она жила рядом с высоким домом из прозрачного материала, окруженным множеством сине-зеленых шарообразных деревьев с широкими, как зонтики, листьями. Ветки деревьев, усеянные гроздьями спелых ягод, сгибались под их тяжестью. Расположившись в благодатной тени, черепаха задремала. Резкий порыв ветра и легкое гудение встревожили ее. Она подняла голову и посмотрела вверх блестящими желтыми глазами. С неба спускалась круглая сверкающая машина.

Ни разу в жизни ей не приходилось видеть, чтобы летающие машины нападали на черепах, и все-таки она решила спрятаться в реке. Так будет спокойнее.

Однако раньше, чем она успела выбраться из тени, машина опустилась на песок возле самого дома. Теперь черепаха засомневалась: стоит ли ей ползти мимо нее к воде или лучше затаиться в тени деревьев. Она замерла в нерешительности.

Существа, которые вышли из машины, излучали столько приятного тепла, что черепаха забыла свои страхи и радостно поползла им навстречу.

– О, Фейси, как ты тут без меня? – воскликнул Элакриэн. – Соскучилась?

Он наклонился и ласково похлопал черепаху по панцирю.

– Ты видишь, как она выросла? – сказал Найс. – Настоящая королева песков!

Тэллу хотелось немного поиграть с черепахой, но он не мог задерживаться. Его ждали.

– Прости, Фейси, мне надо идти...

В его голосе прозвучало сожаление. Найс уловил новые для Элакриэна нотки печали.

– Куда ей торопиться? Она подождет, пока ты восстановишь силы, чтобы покататься на ее широкой спине.

Пилот улыбнулся, и тревога Найса рассеялась...

Элакриэн наконец полностью расслабился и отдался простому течению жизни. Он лежал в круглом бассейне, заполненном золотистой жидкостью, и каждая клеточка его тела впитывала живительную, насыщенную золотом влагу.

На краю бассейна стояла хрустальная чаша, наполненная густым соком айстахов – крупных розовых фруктов. Эти плоды унизывали вьющиеся ветви растений, похожих на лианы. Аист ахи росли везде, где можно было за что-то зацепиться. Они вились вдоль изгородей и стен, не требовали никакого ухода, постоянно цвели и приносили вкусные плоды.

Отправляясь в очередное звездное странствие, Элакриэн брал с собой веточку айстаха, и она напоминала ему о Хелионе.

С каждым вдохом родного воздуха тело пилота наполнялось силой. Он опустил веки и наслаждался забытым чувством покоя. Издалека до него доносились голоса и разные звуки – шум листьев, журчание воды, чьи-то быстрые, легкие шаги...

– Как он? – спросил женский голос.

– Кажется, спит. Он такой красивый! – восторженно прошептал другой.

– Тише, не буди его...

«Я не сплю», – подумал Элакриэн. Говорить ему не хотелось.

– Он не спит! – сообщил первый голос.

– Все равно. Пусть отдыхает, не будем беспокоить его...

Элакриэн понял, что спит, когда увидел Манфи. Одета в облегающее светлое платье, она стояла на берегу реки, возле их дома.

– Манфи, – нерешительно окликнул он ее.

Она обернулась. Ее глаза светились непривычным сухим огнем.

– Манфи, дорогая моя, как я соскучился!

Он шел к Манфи, чтобы поскорее обнять ее. Она сделала шаг назад и... растворилась в золотистом речном тумане...

– Тэлл, проснись! Да просыпайся же!

Он понимал, что его будят, но не хотел возвращаться. Там, во сне, над речным берегом стелился туман, в котором исчезла Манфи, и он всем своим существом стремился к ней. Элакриэн еще видел ее сухой горящий взгляд, которым она пыталась что-то сказать ему... Он проснулся. Рядом с ним стоял Найс.

– За тобой прислали «черепашу». Скоро начнется Совет, – извиняющимся тоном сказал он. – Тебя ждут.

Пилот выглядел несколько удрученным. Физически он чувствовал себя великолепно, и только тоска по Манфи окрашивала жизнь в печальные тона.

– Я сам поведу «черепашу», – заявил Тэлл.

Найс засмеялся и занял место пассажира. Он был совсем не против. «Черепаша» плавно поднялась вверх...

Облака плыли по небу, то принимая форму рыб, то превращаясь в фантастических зверей.

– Что случилось с Драгией? – неожиданно спросил Элакриэн. – Я слышал, у них неприятности.

– Неприятности? Слабо сказано. Драгия погибла, – ответил Найс. – Стэлл Ор все объяснит на Совете.

Эта новость ошеломила Тэлла. Может ли гибель Драгии быть как-то связана с Манфи?...

Совет проходил в самом большом и удобном здании Хелиона. Несколько прозрачных этажей соединялись между собой высокими золотыми арками и «несущими» лестницами. Желаящие могли воспользоваться лифтами, которые бесшумно скользили вверх и вниз. Лифты управлялись голосом, как, впрочем, и все обслуживающие конструкции здания. Каждый зал имел свое собственное «лицо», не похожее на другие. Ничто – ни внутренний декор, ни один предмет обстановки не повторялись.

Члены Совета собрались в Зале Двух Чаш, которая представляла собой вытянутое в длину помещение, ограниченное с обеих сторон золотыми чашами, стилизованными под цветы. Из сердцевинки этих «цветов» били струи воды, которые образовывали нечто вроде второго искусственного свода. Здесь даже в самое жаркое время стояла влажная прохлада.

Правитель Аффит Эмеруэн возглавлял Совет, занимая почетное место Мудрейшего, – золотое кресло с высокой, под самый потолок, резной спинкой.

Вошел Тэлл, и все повернулись в его сторону. Правитель ощутил дрожь в сердце, когда увидел прославленного пилота, всеобщего любимца. Элакриэн сделал приветственный жест, обвел взглядом членов Совета и сел в предназначенное для него кресло.

Аффит вынужден был признаться себе, что страдает. Полюбив Манфи, он попал в западню, которая медленно сжимала свои блаженные и мучительные тиски.

Доклад Стэлла Ора был краток, но произвел сильное впечатление. По сравнению с гибелью Драгии, трудное положение, в котором оказался

Хелион, представлялось не таким уж трагичным. Во всяком случае, сохранившийся на «Эрборе» груз золота даст им время для исправления ситуации.

Наступила очередь пилота поделиться собранной информацией о планетах, где предполагалось закупать золото. Их оказалось всего две. Члены Совета слушали молча, подвергая анализу неутешительные данные.

– Не будем торопиться, – сказал Аффит. – Скромные запасы золота на названных планетах не смогут обеспечить необходимую нам стабильность.

Перед участниками Совета был развернут голографический макет сектора галактики, на который распространялся их интерес. Каждый обдумал сказанное правителем и высказал свое суждение. Аффит внимательно слушал, но предложение, которое никто так и не внес, уже созрело в его уме.

– Я все же возвращаюсь к Ацтланике, – заявил он. – Наш союз был идеальным до того момента, пока там не произошло что-то непонятное. Их планета щедро рождала золото, которое вдруг перестало появляться. Почему? Об этом стоит подумать. Надеюсь на другие источники «солнечного металла», мы так и не выяснили истинную причину наступивших на Ацтланике перемен. Обнаружив золото на Драгии, мы успокоились. Это непозволительная роскошь.

– Что случилось на Ацтланике перед тем, как перестало рождаться золото, никому не ведомо, – добавил Стэлл Ор. – Есть причина, по которой оно там появлялось, и есть причина, почему оно иссякло. Ацтланы всегда с почтением относились к нам и были рады обмену. Возможно, нам удастся помочь им и себе.

– Но они не просили нас о помощи, – возразил самый старый участник Совета. – Не в наших правилах вмешиваться во внутренние дела других. Это противоречит космическим законам.

– Мы не будем вмешиваться, – сказал Аффит. – Мы просто предложим помощь. Ацтланы сами будут решать, принять ее или отказаться.

Правитель считал, что нет проблем, которые нельзя решить. Неизвестность – вот источник всех неприятностей.

– Тайны Вселенной ждут, чтобы мы раскрыли их, – продолжил он. – Только наступая на *неизвестность*, а не сдаваясь перед ней, мы сможем вернуть себе возможность жить так же, как прежде, как в те благословенные времена, когда наш воздух был насыщен золотом и численность населения могла расти. Я верю, что мы найдем средство восстановить свое жизнеобеспечение.

Тэлл Элакриэн попросил заключительное слово.

– Почему «Эрбор» оказался вблизи Ацтланики? – спросил он. – Как он попал туда? Ведь он уже был загружен золотом. А с ацтланами у нас давно прекращен обмен. Но самое главное – куда делся пилот?

Аффит отвел глаза, чтобы Элакриэн не уловил его мыслей о Манфи...

Планета Земля, Памир. Наше время

Голдин не пришел в восторг от предложения «Алексея Юрьевича». Топать обратно в общину ему совершенно не хотелось, о чем он так прямо и заявил.

– Опять слушать этот маразм? Нет уж, увольте! С меня хватит.

– Разговаривать с «просветленными» буду я, – уговаривал его Марат. – Вы меня только проводите, представите своим... братьям по духу. Я для них человек новый, а вас они знают. К тому же я могу сбиться с дороги и заблудиться в горах.

Голдин долго ворчал, но все же согласился.

– Вообще-то я тоже не знаток здешних троп. Ну да ладно. Когда идти?

– Через час.

– Вот невезуха! – недовольно бормотал парень себе под нос. – Почему я такой бедовый? Видать, карма... А от нее никуда не денешься.

Марат тем временем занялся обработкой полученных данных. Похвастаться было нечем. Картина взрыва представлялась не только бессмысленной, но даже отчасти комичной, если бы не гибель людей. Кто подложил взрывчатку в туннель? Кто-то из строителей? Киношники? Мог, конечно, в съемочную группу затесаться диверсант... Нет. Глупо! А в глупости Марат не верил. За всеми этими странностями, – поведением Ревина в Москве, съемками фильма, взрывом, смертью Ларисы Мельниковой, золотом, – крылось что-то серьезное. Некто преследовал ясную для него, но непонятную остальным цель.

Золото внесло в происходящее новую, неожиданную ноту. Батыркулов и члены комиссии не имели понятия о самородках. Им об этом никто не сообщил. Марат тоже решил молчать. Ему многое казалось двусмысленным: история, рассказанная Вересовым, показания геодезиста, смерть Ларисы, откровения Изотова по поводу туннеля, подозрительная болезнь Бахмета, и особенно его последние слова: «Вы ничего не понимаете!» Режиссер был чертовски прав. Марат запутался. Он вдруг почувствовал себя частью какого-то неумолимого механизма – пока не

осознаваемого им *целою*. Это *целое* жило и дышало рядом с ним, подменяя истину показными обманками и услужливо подсовывая ложные варианты. Но тогда...

Дальше Марат думать не мог. У него начиналось гудение в голове и разброд в мыслях. Пока он будет довольствоваться своими догадками, а там... как карта ляжет.

Если бы можно было обсудить сложившуюся ситуацию с Линой! Ее ум работал не лучше и не хуже, чем у Марата: он работал *по-другому*. И это открывало новые возможности.

Кто-то громко постучал в окно. Оказывается, отведенный Маратом самому себе час на размышления истек. Быстро же бежит время...

– Ну что, вы собрались? – к стеклу прижалось круглое лицо Голдина. – Пора выходить. Скоро темнеть начнет.

Господин «Багров» посмотрел на часы и махнул парню рукой.

– Сейчас. Я почти готов.

Побросав кое-что в рюкзак, он натянул куртку и поспешно вышел. Ветер сразу прохватил насквозь, бросил в лицо мелкую морось. Он был сырым и тяжелым, забивал дыхание.

– Я жду-жду... думал, вы заснули, – пробурчал Голдин. – Погода-то вон какая паршивая. Охота вам в такую даль тащиться? Промокнем ведь!

– Давай перейдем на «ты», – предложил Марат. – Согласен?

Женя склонил голову набок, поправил круглую черную шапочку.

– Лады. Я «китайских церемоний» терпеть не могу. Такой маразм! Лилька, жена моя бывшая, ох и стерва была! Замучила своим дурацким этикетом. Ты, говорит, руку мне не подаешь, за столом не ухаживаешь... А сама с негром сбежала. Он ей покажет этикет! Я из-за нее в горы-то подался. Раны зализывать.

– Ну и как? Помогло?

– Какое там! Придурков везде хватает. На Луну, что ли, бежать?

– Не далековато?

– Если бы ты знал, мужик, как мне люди надоели! Я бы в космос полетел... один. На большом-большом корабле. И чтобы никого вокруг – только звезды. Так бы летел, летел... просто вдаль, в никуда... Вот это был бы кайф!

Пока они добрались до петляющей между камней горной тропы, Голдин рассказал Марату всю свою нехитрую биографию, которую его друзья – приятели уже знали наизусть. Новый слушатель пришелся очень кстати. Он не перебивал, не задавал глупых вопросов и не смеялся.

– А ты мировой мужик! – восхитился Женя. – Я рад, что пошел с

тобой. Меня уже никто слушать не хочет. Гады! Паразиты! Им бы только водку жрать да анекдоты травить! Эх, когда душа болит, и водка не помогает...

– Наркотики пробовал?

– Пробовал... – признался Голдин. – Дорогое удовольствие. Мне не по карману. А воровать и разбойничать я еще не научился.

– Понравилось?

– Чему там нравиться? Глюки ловить? Их и так хватает. Жизнь – это, брат, самый тяжелый наркотик...

Слово за слово, Марату удалось перевести разговор на членов общины.

– Врагу не пожелаю с ними тусоваться! – возмутился Голдин. – Как вспомню ихние рожи, блин! Век бы не видать. Иду только ради тебя, брат. Уму не постижимо, как они умеют до печенок достать! Если бы ты их базар послушал... «белочка» и то лучше. Ей-богу! Веришь?

– Ага, – кивал Марат. – А чем они занимаются?

– Разной фигней. То медитируют... то ругаются. Иногда как начнут спорить, – спасайся, кто может! Только что не дерутся. Особенно Криш любит орать. Это кореш мой, еще по армии. Сам маленький, тощий, юркий и злой, как церковная крыса. Белыч из них самый нормальный, хоть и бывший поп. Жует себе да жует, как корова.

– Белыч это кто?

– Толстяк... Он безобидный, только жрет немерено. Раньше был семинаристом: на батюшку учился. Не потянул. Мечтает искоренить свои несовершенства. Алчность, похоть, обжорство и гордыню! Затем и живет в общине. Как только искоренит – сразу, значит, в рай. Прямиком!

– Понятно.

– Если бы! – захохотал Голдин. – Я с ними сколько жил, столько удивлялся. Нелюди, а паяцы. Ничего своего – ни лиц, ни поступков, ни слов, – все напускное. Я вот дурак и не стыжусь этого. Не всем же быть мудрецами. Простой народ тоже нужен. Если все резко поумнеют, кого мудрецы тогда учить будут? А? Вот то-то! Когда вокруг серая масса, легко быть гением...

Калитин не мог с ним не согласиться. Его забавляла жизненная философия этого круглолицего, крепко сбитого паренька.

– Сколько всего в общине людей? – поинтересовался он.

– Кроме Нангавана – шестеро: Криш, Белыч, Длинный Витя, Яков, Хаким и я. Ну, раз я ушел, теперь пятеро. А вместе с гуру, стало быть, шестеро.

– Не много.

– Да они же чокнутые! Кто с ними выдержит?

– Наверное. А жить вот так в горах, на отшибе, не страшно?

Голдин презрительно фыркнул.

– Чего бояться-то? Грабить у них нечего. Про голуб-явана – это все пустая болтовня. Байки! Никаких «снежных людей» я лично не видел, их следов тоже. Что касается хищников, то барс до общины добраться может. В принципе. На самом деле он, если запах дыма учует, ни за что близко не подойдет. Пуганый.

– Кто же его напугал? Охотники?

– Ну... нет, пожалуй. Таджики говорят, дикое зверье там не водится. В общине собаку пробовали завести. Она три ночи выла, а потом убежала... и с концами.

– Почему?

Парень пожал плечами.

– Черт его знает? Многие считают, из-за голуб-явана. Но я в это не верю. Нангаван объяснял, что зверей Священная Гора отпугивает. Потому там и таджики жить не стали, бросили хорошие дома и спустились чуть ниже.

– Да? Интересно...

Марат вспомнил, что у строителей тоже не было собак. И в кишлаке, где квартировала съемочная группа, он не встретил ни одного пса.

– Давай отдохнем, – предложил Голдин. – А то я взмок уже.

Марат засмеялся и замедлил шаг.

– Видишь? Со мной не замерзнешь.

– Ходок ты прыткий, – согласился паренек. – Я за тобой еле успеваю. А говорил, дороги не знаешь.

Они остановились у прячущегося между валунами ручейка, умылись и попили. От ледяной воды ломило зубы.

– Вода прозрачная, как слеза! – восхитился Марат. – Каждую песчинку на дне видно.

– Горы... Кое-что в них есть хорошее. Вода, например, воздух... цветы. Внизу такого не бывает.

Марат молча кивал, собираясь с мыслями. Что за Священную Гору упомянул Голдин?

– Расскажи мне об остальных членах общины, – попросил он. – Кто чем дышит?

– Думаешь, кто-то из них туннель взорвал? – прыснул Голдин. – Чушь собачья! Там же все на виду...

– С меня в любом случае бумагу потребуют. Будь другом. Я за один вечер во всем разобраться должен и написать отчет о проделанной работе. Думаешь, мне хочется?

– Ладно, придется тебя выручить. Так... о ком я еще не упоминал? Хаким... Помешан на восточной мудрости. Целыми днями сидит, уставившись в книжку, а когда говорит – то, в основном, цитатами из Омара Хайяма. Нудный тип.

– А Длинный Витя что из себя представляет?

– Очкарик, – пренебрежительно махнул рукой Голдин. – Высокий, как жердь, и ужасно бестолковый. Если он что-то не рассыпал, не пролил и не разбил, – считай, день удался. От него одни убытки.

– Рассеянный?

– Он, видишь ли, погружается в трансцендентный слой сознания. А ум отключает, чтобы тот не мешал Вите сливаться с Абсолютом.

– Как это?

Голдин саркастически рассмеялся.

– Без ста грамм не разберешься! У меня от этих фокусов чуть крыша не рванула.

– Да... пестрая у вас там подобралась компания.

– Еще бы! Один Яков чего стоит. Вот где темная лошадка. Сидит, молчит и только зыркает на всех из своего угла. Жуть! Будь это не община, а тюряга, – я бы счел Якова «подсадной уткой». Стукачом! Точно...

Глава 16

Галактика SO-88. То, что осталось от Драгии. Далекое прошлое

Она с ужасом наблюдала агонию планеты, которая непонятным образом привязала ее к себе...

Ядовитый газ вырывался из глубоких трещин на поверхности Драгии, все гудело, сотрясалось и рушилось. В жидкой грязи тонули те, кто все это время обеспечивал жителям Жада сытую и комфортную жизнь. Им было все равно. Потому что еще раньше газ сделал свое дело.

Она растерянно витала над беззащитными телами своих подопечных, вне себя от горя, не в силах оторваться от мертвых лиц, запрокинутых голов, тонких рук... Совсем недавно они были ее неотъемлемой частью. Их было так много, что они полностью поглощали ее внимание. Она была нужна им вся, без остатка. Теперь они погибли... и она стала свободной.

Ее сознание медленно наполнялось привычными образами и суждениями, знакомыми до боли картинами прошлого. Она, что называется, *пришла в себя*... и ужаснулась.

«Как такое могло произойти со мной?» – недоумевала она.

Она освободилась от своих пут, но не от жалости к несчастным. Ее терзало сочувствие к этим бедным телам, созданным для безысходной, унижительной жизни.

«Кто посмел сотворить с ними подобное? А со мной?»

На смену жалости пришел гнев. Закипела злость. Она в бешенстве металась в поисках того, кто оскорбил саму идею жизни, поглумился над Духом. Увы! Ее окружали горящие обломки, усеянные мертвыми телами, которые совсем недавно дышали, жили. Благодаря ей они копались в отвратительном зловонном болоте, делая свою работу. Теперь все это стало бессмысленным. Изможденные страдальцы больше не нуждались в ее заботе и любви. Она служила им, как могла. Пока они были живы...

– Они умерли, – сказала она себе, подавляя новую волну горя. – Они все мертвы. Я больше им не нужна. Я свободна. Прочь, немедленно прочь отсюда!

Она успела заметить, как в огне, дыму и облаках светящейся пыли разлетаются куски планеты, которую она только что покинула.

«Драгия. Вот как называлась моя клетка, моя тюрьма! – думала Она. –

Я попала в ловушку, расставленную специально для меня. Я оказалась беспечной, легкомысленной и безрассудной, за что и поплатилась».

Ей хотелось вспомнить, что произошло, но... все попытки окончились ничем. Бесплодные усилия слишком утомили ее.

– Ма-а-а-н-н-фи-и-и... Ма-а-а-а-н-н-фи-и-и...

Какие странные, знакомые звуки. Все вокруг нее переливалось разными красками, нежными, как лепестки цветов...

– Ма-а-а-н-н-фи-и-и...

Она развеселилась. Было приятно «окупаться» в разноцветные волны, скользить и кружиться среди них.

– Я ничего не помню... – неизвестно кому пожаловалась она.

Ее переполняла радость, несмотря на потерю памяти.

– Ма-а-а-н-н-фи-и-и...

– Что это за звуки? – нетерпеливо спросила она и... вспомнила!

Внезапно прошлое развернулось перед ней с потрясающей ясностью. Гибель чужой планеты уже не казалась столь значительной и трагичной. Теперь ее волновало совсем иное – мрачная сила, которая вершила судьбу Драгии и ее обитателей.

«Тэлл! – подумала она. – Где ты?»

– Ма-а-а-н-н-фи-и-и...

Издали кто-то звал ее. Она догадывалась кто.

– Тэлл... – шептала Манфи. – Я все вспомнила. Я оказалась легковерной и наивной... Кто бы мог подумать, что эти маленькие злые существа на Драгии окажутся такими хитрыми? Их поведение казалось необъяснимым... Я не понимала, чего они добиваются. Они выманили меня из корабля... Да! Я нарушила наше неписаное правило и покинула «Эрбор». Ужасная ошибка.

Но... они просили о помощи... они выглядели такими жалкими... а потом закрыли меня в глубоком подземелье. Слишком сухой и плотный воздух их планеты не подходил мне. Я слабела, мои силы были на исходе. Я потеряла счет времени и перестала спрашивать, что им от меня нужно. Отовсюду раздавался назойливый, неприятный звон... Я постоянно слышала его. Они решили подавить мою волю, сделать меня послушной и использовать в своих целях. У меня оставалось последнее средство вырваться на свободу – остановить свое сердце. Я спрашивала себя, сделала ли я все возможное, чтобы спасти свое прекрасное тело, «Эрбор» и золото? И вынуждена была признать, что мне не оставили выбора. Пришло раскаяние, а за ним уныние и апатия. Я не справилась со своей задачей, подвела всех... Несвойственные мне мысли казались такими

естественными, что я приняла их за свои собственные. Вторая ужасная ошибка!

Мое тело, почти бездыханное, лежало на полу подземелья, а я продолжала слышать все те же пронзительные звуки. Они мешали мне сосредоточиться.

«Иди сюда! – звал меня неприятный голос. – Иди, посмотри, что ты с ними сделала!»

«С кем?»

«Смотри сюда!» – настойчиво повторял тот же голос.

И я решила посмотреть. Третья ошибка!

Я увидела хилые бледные тела, которые хотели, чтобы я прикоснулась к ним, дала им жизнь.

«Если ты бросишь их, они все умрут! – угрожающе звенел голос. – Их много, и они все твои! Твои! Ты забыла! Ты все забыла! Нельзя забывать! Ты должна дать им жизнь!»

Я ощутила тоску и сочувствие к этим несчастным уродцам.

Наши «золотые» тела с гармоничными формами и красивыми лицами считаются самым значительным и прекрасным творением цивилизации Хелион. Ими гордятся, их берегут. Тайну их создания держат в строжайшем секрете.

Я видела сообщества, где вместо живых тел использовались обыкновенные механические куклы. Многие обитатели Вселенной до сих пор играют куклами, так и не решив задачи одухотворения материи. Я привыкла относиться ко всему живому с почтением и любовью.

«Ты должна дать им жизнь, – твердил голос. – Ты не можешь оставить их умирать!»

И я согласилась... Четвертая ошибка!

Меня тут же окутала тьма. Я пыталась бороться с тяжелым забытьем, которое навалилось на меня. Я долго боролась, сама не зная с кем или чем. Потом... наступил сон сознания... Моя жизненная сила потекла туда, куда направили мое внимание...

Это мерзкое существо – Вальганиус! – он торжествовал. Я попалась. Все созданные им клоны пробудились. Я наполнила их жизнью.

Только теперь я в полной мере осознаю, что произошло не без моего участия. Моя память восстановила, казалось бы, утраченную информацию. Вальганиус – вот кто замыслил и осуществил смелый и опасный опыт.

«Эксперимент полностью удался, господин Канто!» – торжественно заявил он правителю Драгии, который со страхом и нетерпением ждал сообщения Магистра.

Канто прекрасно понимал, чем в случае неудачи обернется для него авантюра, затеянная Вальганиусом. Он пребывал в лихорадочном возбуждении. Если бы не безвыходная ситуация, безмерно утомившая его, правитель Драгии не пошел бы на такой отчаянный и опасный шаг.

Все произошло именно так, как говорил Вальганиус. Он упивался успехом. Он рисковал, до самого конца не веря в то, что ему удастся заманить меня в ловушку. Он жаждал доказать свое превосходство над всеми разумными существами. Особенно над «самодовольными хелионцами». Именно так он нас называл.

Раз я попала в расставленные им сети, значит, наша цивилизация все еще уязвима. Вальганиус задумался о выгоде. Что он сможет извлечь из сложившихся обстоятельств?

«Ма-анфи, – проскрипел Магистр. – Посмотрим, как тебе понравится новая игра. «Рабы и рабовладельцы»! Неплохо звучит. А?»

Вальганиус презирал любой вид эмоциональной зависимости. Легкой формой этой болезни он считал симпатию. Любовь, по его определению, была самой тяжелой ее формой. Магистр старался приобрести иммунитет от первого и второго. Он желал оставаться неуязвимым. Эмоциональная связь с любым существом, по его мнению, ведет к непредсказуемым последствиям. Если желаешь свободно распоряжаться своей судьбой, ее ни в коем случае нельзя ни с кем связывать.

Вальганиус был в восторге от своей деятельности. Клонированные тела некоторое время могли существовать самостоятельно. Но недолго. И он придумал коварный план, как наделить клонов жизненной энергией. Для этого ему понадобился сильный Дух, у которого развито чувство ответственности и который не бросит клонов при первой же возможности.

Сейчас мне понятны мотивы, мысли и чувства Вальганиуса. А тогда...

Бедная Драгия! Бедные жители Жада, которые прятались от проблем и думали, что таким способом смогут убежать от жизни. Наивные... Впрочем, не стоит осуждать их. Я оказалась немногим лучше. Обремененная множеством клонов, полностью зависящих от меня, я ничем не интересовалась, ни о чем не помышляла, кроме своего «долга». Вальганиусу удалось – таки навязать мне свою игру... Как я допустила это? Каким образом дала согласие?

Мне нужно разобраться в себе. Первый всплеск негодования и бурного возмущения улегся. Пережитое уже не выглядит столь чудовищной драмой, как в начале. Клоны погибли, и теперь я могу распоряжаться собой. Но... мое тело уничтожено взрывом на Драгии. А «Эрбор»? Что с ним?...

Она понимала, что Тэлл не слышит ее исповеди. Они слишком далеки

друг от друга. И дело тут не в расстоянии и не в том, что они находятся по разные стороны реальности, – а в ее внутренней неготовности встретиться с ним вновь после долгой разлуки. Они могли бы изредка общаться в снах... привыкать к тому, что их постигло. Но Манфи пока не решалась даже на это. Она боялась, что Тэлл не поймет ее. Она сама перестала понимать себя. Той, прежней Манфи, которая давала ему Обет Любви, больше нет.

Образ Тэлла Элакриэна, созданный ее воображением, пока был ей ближе и роднее, чем настоящий Тэлл. Вероятно, он тоже изменился за это время. Они оба стали другими...

Планета Земля, Москва. Наше время

– Ты смотрела утренний выпуск новостей? – возбужденно жестикулируя, спросил Самойленко. – На Ревина опять покушались. А ему все как с гуся вода!

– Что на этот раз?

– Снайпер... У крутых фантазия небогатая. Но Ревин молодец! Другой бы на его месте уже спрятался, за границу удрал...

– Так ведь и там найдут, – перебила Ангелина Львовна. – Мир тесен.

Она чувствовала себя значительно лучше. Самойленко оказался прав: как только шар покинул ее кабинет, видения прекратились. Странные образы оставили ее в покое, сон нормализовался, и настроение поднялось.

– Да... Тебе звонили. По-моему, супруга Ревина, – сообщил Олег Иванович, закуривая очередную сигарету. – Я сказал, что ты в командировке.

– Правильно сделал.

Самойленко нервно прохаживался по холлу, ежился и потирал затылок. Окурки за окурком летели в пепельницу.

– Ты сегодня какой-то взвинченный, – заметила Закревская. – Случилось что?

– Вроде нет...

– Тогда в чем дело?

– Понимаешь... я тут наводил некоторые справки, по архивам побегал. В общем, Ревин твой – непростой мужик.

– Во-первых, никакой он не мой! – возмутилась Ангелина Львовна. – А во-вторых, какое ты имеешь право интересоваться моими пациентами?

Тем более лезть в их дела?

Самойленко, ничуть не смутившись, затушил окурок и уселся напротив нее.

– Это не я! – заявил он, прямо глядя ей в глаза. – Это все шар!

– Ну, хватит! Шар имеет некоторое влияние на психику, не спорю. Но это тебя не оправдывает. Ты привык во все совать свой длинный нос! Излишнее любопытство – уже не недостаток, а тяжкий порок. Когда-нибудь ты за это заплатишься, Олег.

– Тебе совсем не интересно, что я узнал?

– Совсем.

Лукаво улыбаясь, Самойленко показал ей кончик мизинца.

– Ни вот столечко?

– Ни капельки. И довольно об этом.

– Ты железная леди! – засмеялся он. – Невозмутимая и холодная. Айсберг.

– Я не хочу собирать сплетни, Олег. И тебе не советую. Ревин – не соседка по даче. Он делец, циничный и жесткий, в каком-то смысле беспощадный. Если до него дойдет, что ты вынюхиваешь...

– Извините. Архивные данные – не сплетни, – обиделся Самойленко. – Мой бывший пациент заведует одним серьезным отделом, он-то и помог мне выяснить кое-что о Ревине.

Ангелина Львовна сокрушенно вздохнула.

– Господи, ну зачем тебе это надо? Не живется спокойно, да? Проблем не хватает?

– Ты что-нибудь слышала про «Общество 164»? – вместо ответа спросил он.

– «Общество 164»? Нет... Странное название. Сейчас чего только не придумают. Ты хочешь сказать, что Ревин – член этого общества?

– Я совсем не то хочу сказать. Ты можешь просто выслушать?

– Ладно, давай... говори. Беда мне с тобой!

– «Общество 164» основал Франц Таузенд, алхимик. А назвал он его так потому, что в системе элементов, созданной им же самим, номер 164 имеет... золото.

– Ну и что? Алхимики жили в Средние века. При чем тут Ревин?

– Не торопись... Франц Таузенд жил не в Средние века, а в начале двадцатого века, в Германии. Обыкновенный подмастерье жестянщика вдруг оставляет надоевшее ему ремесло и начинает заниматься изготовлением неких «тайных средств». Он заявляет, что будто бы на него снизошло откровение...

– Какое еще откровение?

– Об этом история умалчивает. Откровение, и все.

– Понятно.

– Ничего тебе не понятно, дорогая Ангелина. Господин Таузенд устраивает лабораторию близ Мюнхена и вскоре объявляет о том, что научился получать золото. «Удача больше не бежит от алхимиков. Она у них в руках!» – смело заявляет он.

– Он просто шарлатан, этот Таузенд. Фокусник. Алхимики славились непомерными амбициями и ловкостью рук.

– Не все так думают, – возразил Самойленко. – Даже практичные и трезвые немцы иногда увлекаются.

Таузендом заинтересовался генерал Людендорф, который искал денежные источники для себя и национал-социалистического движения. Вряд ли генерал был глупым или легковерным человеком. Он наверняка потребовал от Таузенда доказательств его искусства и получил их.

– Ты серьезно?

– Более чем. Генерал бредил созданием баварской «золотой кухни» и не стал бы связываться с заурядным авантюристом.

– Допустим. И все-таки при чем тут Ревин? Доктор поправил на носу очки и уселся поудобнее.

– У него интересная биография, – понизив голос, продолжал он. – Оказывается, бабка господина Ревина – чистокровная немка. Из самих князей Шенбург-Вальденбург.

– Шутишь...

– Представь, нет. Правда, фрау Анхен происходила из обедневшей ветви княжеского рода. Поэтому в ее семье остро стоял финансовый вопрос. В это время при поддержке Людендорфа в Германии образовывается тайное «Общество 164». Его глава – Франц Таузенд – собирает средства под свое обещание производить золото. В общество вступают крупные промышленники, знать и, конечно, простые граждане. Всем хочется разбогатеть! Они вручают алхимику накопленные ими денежные средства. Причем некоторые расстаются с последними сбережениями, как, например, семья фрау Анхен.

– Но как тебе пришло в голову связать это с Ревиным? – удивилась Ангелина Львовна.

– Так я же говорю – магический шар. Откуда еще подобное могло прийти мне на ум? Сижу я в кабинете, беседую с пациентом, и вдруг... в моем воображении возникает замок Эппау в южном Тироле. Таузенд по милости судьбы стал бароном и владельцем этого замка. Причем все так

ясно представилось – имена, географические названия, внутреннее убранство немецкого богатого дома, – что я застыл с открытым ртом. Веришь? Еле довел сеанс до конца и выпроводил пациента. Не мог ни о чем больше думать. Вижу, как наяву, алхимика, который в охотничьем зале ведет важный деловой разговор с итальянским профессором химии. Понимаю каждое слово, хотя ни по-немецки, ни по-итальянски ни бум-бум!

– О чем же они говорили?

– Таузенд обещал, что Германия и Италия станут самыми мощными державами мира благодаря новому процессу получения золота...

– Слушай, ты меня потрясает! – воскликнула Закревская. – Неужели шар...

– Он! Не сомневайся. Потом... передо мной развернулась вся история, как в кино. Кончилось все непонятно. Таузенда якобы уличили в обмане. Он бежал. Его поймали и привезли в Германию. Алхимик твердил о своей невиновности. Его адвокату удалось добиться проведения «следственного эксперимента». Не где-нибудь, а на главном монетном дворе Мюнхена, в присутствии его директора, полицейских, прокурора, следователя и защитника Франц Таузенд выплавил из свинцовой пробы золото. Маг, лжец или аферист, но он сделал это!

Самойленко так радовался, как будто золото из свинца сотворил он сам, а не некий загадочный Таузенд.

– А дальше?

– Полное молчание, – вздохнул Олег Иванович. – Сколько я ни рылся в архивах, ничего не нашел.

– И как это связано с Ревиным?

– «Общество 164» перестало существовать. Семья фрау Анхен, по-видимому, разорилась после исчезновения алхимика, и прекрасная немка в поисках заработка уехала в Прибалтику. Вскоре началась война. Анхен, не подозревая об этом, влюбилась в агента советской разведки. Благодаря своему происхождению и безупречному знанию немецкого она помогала ему в годы оккупации. Они оба погибли при невыясненных обстоятельствах в своей квартире на окраине Риги. При обыске в их тайнике наряду с прочими «шпионскими» атрибутами обнаружили старую фотографию Франца Таузенда.

– Очень романтично...

– Пожалуй. У этой странной пары остался ребенок, мальчик, который вырос в детском доме. Ему дали фамилию Ревин. Это и есть папаша нашего Даниила Петровича.

– Он жив?

– Умер. Пять лет назад. И его жена тоже, через год после супруга.
– Ты основательно изучил родословную Ревина. Но зачем?
– Как зачем? Разве не странно, что Ревин давно «крутится» вокруг золота? И все видения, навеянные шаром, тоже касаются золота? Это от него шар набрался, ей-богу! И невольно послужил проводником между Ревиным и нами.

Ангелина Львовна вспомнила свой сон об алхимике и призадумалась.

– Намекаешь, что мои «глюки» навеяны мыслями Ревина? Посредством шара?

– И твои, и мои, – радостно подтвердил Самойленко. – Сначала шар зарядился информацией от Ревина, потом она потекла к нам... произвольно, сама собой. Мы с тобой люди ищущие, готовые воспринимать... вот и...

– Тебя послушать, так Ревин – какой-то монстр, – перебила Закревская.

– А что, нет? Вспомни его золотые зубы. Он просто маньяк, помешанный на золоте!

– Скажи еще, нечистая сила, которую смерть не берет, – нервно улыбнулась она. – Сколько раз покушались, а ему хоть бы что. Господин Ревин в огне не горит и в воде не тонет...

– Ух ты! – восхитился Самойленко. – Точно подметила. Умная ты баба!

Глава 17

Галактика Эол, астральный мир Нойлех. Далекое прошлое

Манфи испытывала горькую печаль. Такая, как есть, она больше не сможет существовать в прежнем мире. Ее ужасное приключение закончилось, но и жизнь на Хелионе тоже. Теперь ее ждет Нойлех – астральный двойник родной планеты. Берега Снов Лучезарного Хели. Там все точно так же, как и на Хелионе. Почти...

Ей захотелось увидеть их с Тэллом дом... Он стоял на берегу реки, в тени огромных деревьев – чем-то похожий на бутон хрустального цветка: изогнутые «лепестки» опор сходились кверху, между ними виднелись сверкающие грани стен. Манфи чувствовала, что дом пуст. Конечно, кому же там быть?... Она обернулась к реке и засмотрелась на рыб, скользящих в прозрачной глубине. Их узкие пятнистые спины мелькали среди водорослей и ярких кораллов. Рыбы подплывали к поверхности, поворачивали желтые глаза с черными, блестящими зрачками и разглядывали Манфи.

«Они ощущают мое присутствие», – подумала она.

Берег пестрел цветами. В их густых зарослях шумел ветер. Под сенью деревьев разлеглась большая черепаха, ее панцирь отливал золотом.

– Иди ко мне! – шепнула Манфи.

Черепаха высоко подняла голову. Она подползла ближе и положила свою морду в ладони Манфи, излучая блаженство...

Тонкий мир Нойлеха почти не отличался от форм, которые принимала твердая материя, образующая планету Хелион. Здесь так же сверкали в лучах солнца вершины «хрустальных» гор, журчали реки и шелестели деревья. Только свет Спящего Хели – холодного солнца – выглядел иным, голубоватым и тусклым.

Нойлех населяли только умершие. Живущие бывали здесь лишь в краткие мгновения сна, как черепаха, лежащая в тени деревьев.

Манфи вошла в дом. Она любила здесь каждый уголок, каждую безделушку, – золотые статуэтки животных, светильник-часы «Глаза», мозаики на стенах, мягкие драпировки и пушистые ковры... Манфи приблизилась к своему огромному, до потолка, зеркалу и взглянула на себя. Красивое тело, обтянутое белыми переливами платья, волнистые волосы,

точное лицо... все, как прежде, только кожа более светлая, бледная, как стекло.

«Тень Манфи! Вот как я буду называть себя», – решила она.

На подставке у зеркала лежал набор для причесок, подаренный ей Тэллом. Он привез его с далекой планеты Сахти в созвездии Крылатый Дракон. Расчески, гребни и заколки из золота с примесью других металлов потемнели и потеряли блеск, но Манфи очень дорожила ими.

«Почему это случилось со мной? – замирая от тоски, подумала она. – Виной всему – мое безрассудство и неугомонный нрав. Я слишком увлекаюсь...»

Тонкий мир Нойлех имел свои прелести. Будучи двойником Хелиона, он, тем не менее, жил по своим собственным законам. Берега Снов существовали задолго до того, как сформировалась твердая планета, на которой зародилась и получила развитие цивилизация, где золото стало основным элементом, необходимым для поддержания жизни.

«Ткань» многомерного пространства Нойлеха обладала чудесными свойствами. Она легко трансформировалась в соответствии с мыслями и чувствами своих обитателей. Любая игра воображения, любой мысленный образ воплощались здесь практически мгновенно. Это забавляло существ, привыкших к длинным временным отрезкам между желаемым и его про – явлением в мире твердых форм.

Манфи не могла долго предаваться грусти. Зеркало вдохновило ее, и она принялась менять облик, как ей хотелось.

Она стала такой, какую была, когда Тэлл впервые признался, что любит ее, – в роскошном «золотом» платье, украшенном драгоценностями и живыми цветами.

В воздухе распространился знакомый аромат...

Манфи вертелась перед зеркалом, и, когда Тэлл обнял ее, даже не удивилась. Ведь она подумала о нем.

– Манфи, какая ты холодная, – шептал он, прижимая ее к себе. – Дай, я тебя согрею.

Спустя мгновение они превратились в одно сверкающее золотое облако.

Внезапно Манфи ощутила чье-то пристальное, страстное внимание. И это не был взгляд Тэлла.

– Кто тут? – воскликнула она, возвращаясь к прежнему облику.

Хетт ужасно удивился. У себя на Драгии и, особенно, в замке Вальганиуса он видел всякое, но чтобы два живых существа превратились в облако прямо на его глазах...

– Кто здесь? – взволнованно повторила Золотая Богиня.

Теперь он знал, как ее зовут. Манфи! Какое прекрасное, звучное имя.

Хетт не отрываясь наблюдал за Манфи. Он ничего не понимал – ни как очутился в этом странном зыбком мире, ни как «ожила» его обожаемая Золотая Богиня, ни что ему теперь делать. Он не осознал смерти, как не осознавал происходящего с ним, принимая все за сладостный любовный сон.

– Кто ты? – строго спросила Манфи, с трудом различая в сумраке очертания незнакомого существа.

– Я Хетт, секретарь Вальганиуса, – поспешно ответил гость.

Магистр приучил его без промедления отвечать на вопросы. Он никогда не давал Хетту времени на раздумья, чтобы тот не мог солгать.

Богиня заинтересовалась.

– Ты с Драгии?

– Да, – подтвердил Хетт. – А разве... ты меня не помнишь?

– Нет.

– Этого не может быть... – удрученно прошептал Хетт и поник.

– Как ты оказался здесь? Ты умер?

Хетт оцепенел от ужаса. Он умер? Но... как же так? Ведь он продолжает думать, чувствовать и даже разговаривать. Впрочем, Манфи виднее. Раз она говорит, что он мертв, значит, так и есть.

– Я... люблю тебя... – с безумной решимостью признался он. Теперь, когда он умер, бояться было нечего. – Ты забрала меня в свой мир, чтобы я служил тебе?

Богиня задумалась. Время в Нойлехе текло без всяких правил – то медленно, то стремительно, – подчиняясь чувствам и желаниям обитателей.

– Ты любишь свою мечту, – мягко ответила Манфи. – И пришел сюда по своей собственной воле.

– Здесь живут духи умерших? – боязливо озираясь, спросил Хетт.

– Если хотят... Твоя планета погибла. Почему?

Хетт и сам хотел бы знать это. Впрочем, он ни о чем не жалел. Новый мир, в котором он только-только начал осваиваться, все больше нравился ему. Однако Золотая Богиня ждала ответа, он не мог разочаровать ее. И пустился в объяснения.

– На Драгии испортился климат. Я не разбираюсь в таких тонкостях, как влияние небесных тел друг на друга, но... наша жизнь стала ужасной. Нам пришлось зарыться под землю. Некому было добывать золото, которое осталось на поверхности, превратившейся в топкие болота. Потом... появился господин Вальганиус. Он все и придумал. Спас Драгию от

неминуемых бедствий.

– Каким же образом?

– Создал клонов. И где он только этому научился? У нас в замке жили несколько, я их жутко боялся, пока не привык. Вальганиус называл их уффами. Безмозглые существа, почти как роботы. Они чем-то похожи на драгийцев. Уффы многое могли делать, причем их согласия не требовалось. Они жили в колонии, расположенной далеко от Жада, полностью изолированной и закрытой. Никто ни о чем не знал, – я имею в виду жителей Драгии. Тайна колонии уффов тщательно охранялась. О ее существовании было известно только правителю Канто, Вальганиусу и моему другу Кассу. Он служил начальником колонии, а у нас с детства не было секретов друг от друга.

– Ты думаешь, Драгия погибла из-за уффов? Хетт долго молчал, собираясь с мыслями.

– Наверное... Я прочитал множество книг из библиотеки Магистра. Большинство были недоступны моему пониманию, но кое-что до меня дошло. Существует зло, и оно должно быть наказано. Уффы – это зло. Они были похожи на драгийцев, а с ними обращались, как с кухонными машинами. Так нельзя. Вальганиус и Канто знали, что совершают непозволительные вещи. Именно поэтому они скрывали от всех существование колонии. Драгия стала жертвой зла.

Хетт примитивно выражал свои мысли, но Манфи была с ним согласна. Зло притягивает зло. Бедные уффы... Она отогнала от себя картину их гибели. Так вот зачем Вальганиус заманил ее на Драгию. Чтобы она управляла целой колонией клонов! Надо было сразу догадаться. Хотя... разве могло подобное прийти ей в голову?

Интересно, куда Магистр подевал «Эрбор»? Такую махину не легко убрать с глаз долой. Скорее всего, корабль отправили по одному из старых маршрутов, записанных бортовым компьютером, и теперь он болтается где-то в космосе...

– Что ты теперь будешь делать? – спросила она Хетта.

– Служить тебе! – не раздумывая, выпалил он. – Я принадлежу прекрасной Золотой Богине. Я понял это сразу, как только увидел тебя – спящую и неподвижную – в потайной комнате господина Вальганиуса. Он наслал на тебя мертвый сон. Я молился тебе и слагал стихи о моей любви. Я приносил тебе бледные подземные цветы, которые жалко выглядели рядом с твоей сияющей красотой. Магистр испугался и бросил тебя, но я... остался с тобой. Теперь ты проснулась, и тебе может понадобиться моя помощь. Я готов служить тебе в жизни и в смерти!

Манфи улыбнулась. Ладно, ей будет не скучно по крайней мере. А то здесь, в Нойлехе, жизнь течет слишком размеренно.

Не успела ее посетить эта мысль, как пространство вокруг них с Хеттом окрасилось в алый цвет. Раздался шум и свист крыльев.

– Кто здесь? – воскликнула она.

Хетт с перепугу метнулся в угол и спрятался за резную ширму.

– Я прорицатель Ацтлана... – простонал голос.

– Что тебе нужно?

– Я ищу свою дочь...

Хетт, в отличие от Манфи, замер от ужаса. «Золотая Богиня» осталась спокойна. Она знала, что существуют разные миры, наподобие Нойлеха, которые населены духами. У каждого из них своя судьба, свои стремления и цели. Многие из них ищут друг друга и не могут найти. Духи появляются и исчезают, за ними не угонишься... Кто ведает их помыслы? Бывает и так, что воплощенные в твердом мире существа общаются со своими братьями из тонких миров.

– Прорицатель Ацтлана, – ответила она, – мне ничего не известно о твоей дочери.

Шум крыльев прошелестел где-то высоко, у самого потолка, и затих...

Планета Земля, Памир. Община гуру Нангавана. Наше время

Дом, в котором обитали *гираваки*, лепился на каменной террасе, с трех сторон окруженной отвесными скалами; к нему вела ступенчатая тропа.

– Черт, и как они здесь ходят? – споткнувшись, буркнул Марат.

– Привыкли...

Голдин шел уверенно, не глядя под ноги. Он столько раз поднимался и спускался по этой тропе, что мог пройти по ней с закрытыми глазами.

Дом был покрыт замшелой черепицей, в маленьких окошках горел свет. Над крышей курился дымок.

– Хорошо, что мы добрались, пока не стемнело, – сказал Женя.

– А почему в доме свет горит?

– Там почти всегда сумрачно, как в погребке. Окна маленькие. Приходится жечь свечи. Их у Нангавана целый сундук. Электричества-то в общине нет.

Массивная деревянная дверь открылась бесшумно, в лицо ударил запах овчины и горелого теста.

– Длинный Витя опять лепешки сжег! – шепнул Голдин, блестя в темноте глазами. – Наверное, как всегда, ум отключил. Балбес!

Они остановились в душном тепле тесного коридорчика, прислушались.

– Тихо... – заметил Марат. – Может, спят?

– Рано еще. Удивительно, как это они не ругаются.

– Ладно, пошли.

Марат толкнул вторую дверь, ведущую во внутреннее помещение. В просторной комнате с низким потолком притаились по углам густые тени, догорал открытый очаг, сложенный из круглых валунов. На полу в позе лотоса сидели четыре человека. Пятый развалился на деревянном, застеленном одеялами ложе.

– Вы кто такие? – вскочил со своего места тощий человечек с вытянутой, как яйцо, головой.

Марат догадался, что это Криш.

– Мы-то? Служивые люди, – усмехнулся он. – По делу пришли.

Остальные *гираваки* повернулись к вошедшим. Их лица выражали недоумение и тревожное любопытство.

– Ты, Жека, вернулся, что ли? – узнав Голдина, воскликнул Криш. – Зачем? Я не погляжу, что мы кореша. Ушел так ушел. Мы тебя обратно не примем. Больно ты гонористый!

– Нужны вы мне! – вскипел Голдин. – Я человека привел. Он дороги не знает.

– Алексей Багров, – представился Марат, дабы предотвратить перепалку и лишние вопросы. – Член комиссии по расследованию причин взрыва в туннеле.

Он вытащил из кармана удостоверение и протянул Кришу. Тот долго, шевеля губами, изучал документ.

– Мы-то тут при чем? – спросил он, возвращая удостоверение. – Какое мы имеем отношение к туннелю?

– Это я и хотел бы выяснить, – спокойно ответил Марат. – Кто тут у вас старший?

– У нас нет старших, – сварливо возразил Криш. – Иерархия, начальники и подчиненные – это светские штучки. Духовные личности ничего такого не признают. У нас все равны.

– В монастыре и то есть настоятель, – заметил гость.

– Так то в монастыре. А вы находитесь в общине свободных духов.

– Хватит болтать ерунду, Криш, – разозлился Голдин. – Позови Нангавана. Человек не шутики шутить приехал.

– Гуру в пещере, у Священной Горы, медитирует, – вмешался добродушный толстяк. – Его беспокоить нельзя. Вы подождите, он к ночи сам вернется.

«Белкин, – догадался Марат. – Молодец Голдин, достоверно всех описал».

– Хорошо, – согласился он. – Тогда я с вами пока побеседую. По очереди.

– По одному, что ли? – уточнил Длинный Витя.

– Именно. И желательно в отдельном помещении. – «Член комиссии» довольно бесцеремонно пересек комнату и толкнул ободранную дверь без ручки. – Здесь можно?

Вторая комната была поменьше и совсем темная. Стол, лавка, табурет и топчан, покрытый верблюжьим одеялом – вот и вся обстановка.

– Можно, наверное, – кивнул Криш. – Я сейчас лампу зажгу. С кого начнете?

– Сами решайте.

Длинный Витя вышел и вернулся с большим закопченным чайником.

– Жека, сходи за кружками, – распорядился он. – Вам согреться надо, а то простудитесь. Чай горячий, и печка натоплена, так что раздевайтесь.

Голдин послушно принес кружки, исподлобья глядя на бывших единомышленников. Те делали вид, что неожиданный визит их не трогает.

Зеленый чай с горными травами оказался удивительно вкусным, и Марат с наслаждением выпил две кружки. По телу разлилось приятное тепло. Голдин тоже согрелся; его щеки покраснели, а над верхней губой выступили капельки пота.

– Вот теперь порядок, можно разговаривать, – улыбнулся Длинный Витя. – Пошли, Жека.

Они забрали чайник, посуду и удалились. «Член комиссии» остался в темной комнате один. Зажженная Кришем лампа чадила и едва горела, видно, в ней кончался керосин.

– Можно?

В комнату робко вошел толстяк и бочком приблизился к грубо сколоченному деревянному столу, на котором приезжий разложил свои бумаги и приготовился записывать «показания».

– Моя фамилия Белкин, – не переставая жевать, выпалил толстяк и уселся.

Самодельная табуретка под ним жалобно скрипнула, но выдержала.

– Господин Белкин, вы последние несколько дней куда не отлучались из общины? – строго спросил Марат.

– Н-нет... Куда тут отлучаться? У нас это не принято. Поселился в общине – значит, живи. Безо всяких фокусов.

– А другие?

Белкин бросил в рот орех и округлил свои глаза, похожие на два крупных каштана.

– Что другие? – не понял он.

– Другие отлучались куда-нибудь?

– А... нет. Зачем? Здесь же горы. Дорога такая, что черт ногу сломит. Ой! Прости меня, Господи! – пробормотал Белкин и перекрестил рот пухлой рукой.

«Этот бывший семинарист или слишком глупый, или слишком хитрый, – подумал Марат. – Последнее больше похоже на правду».

– Понятно, – кивнул он. – Что вы можете сказать о Голдине?

Белкин аж поперхнулся. Будто его уличили во лжи.

– Так... Женя никуда не отлучался, – прокашлявшись, ответил толстяк. – Он ушел, и все. Да... еще Длинный... то есть Витя, он тоже уходил. За солью. Но сразу вернулся.

Больше Марат, как ни старался, ничего существенного от Белкина добиться не смог. Тот ерзал, жевал, потел, но твердо стоял на своем: ничего подозрительного за последнюю неделю в общине не происходило.

– Хорошо, – вздохнул «член комиссии». – Я забыл предупредить вас о том, что лжесвидетельство карается по закону.

– Как можно! – замахал руками толстяк. – Лжесвидетельство – страшный грех! Господь предупреждал своих детей...

– Ладно, идите, – едва сдерживая смех, выдавил Марат.

Когда толстяк исчез за дверью, он закрыл лицо руками и беззвучно захохотал. Видно было, что Белкин нещадно врет и при этом старается сохранить богобоязненность и благочестие.

Следующим зашел Длинный Витя. Он рассказал, как его отправили за солью.

– Но к строителям я не попал, – объяснил парень. – Заблудился, замерз. Меня альпинисты встретили и привели к себе в лагерь. Илья и Виталик. Мировые ребята! Там мне и про кино рассказали, и про взрыв. Ну, что фильм снимается об этом.

– О чем?

– Как туннель взорвался.

«Сговорились они, что ли? – думал Марат. – Или им действительно рассказать нечего?»

Интуиция ему подсказывала, что дело обстоит как раз наоборот.

Вертлявый Криш тараторил много и без толку, так что порядком утомил «члена комиссии». Он долго и подробно излагал содержание «Бхагават-Гиты», хвалил ведическую кухню, пел дифирамбы богу Кришне, не давая Марату слова вставить. Потом перешел на гуру Нангавана.

– Мне повезло, что я встретил такого Учителя! Это судьба. Она улыбается «преданным». Без Нангавана бы никогда не узнал о Священной Горе, никогда не попал бы сюда, в самое сердце Памира! Никогда не получил бы просветления! Теперь я стал другим человеком...

– А что за Священную Гору вы имеете в виду? – уточнил Марат.

Он понял, что если время от времени Криша не останавливать, то словесный поток унесет их обоих в неведомые дали, из которых не выберешься.

– Ка-а-ак? – удивился Криш. – Вы еще не знаете? Разве Белкин и Витя вам не сказали? Священная Гора! Это же... это Обитель Бога! Там на человека снисходит озарение, и он постигает истины, недоступные простым смертным. Там... происходит *контакт!*

– Какой контакт?

Криш посмотрел на гостя как на слабоумного. Неужели некоторые люди не понимают элементарных вещей?

– Контакт с инопланетным разумом! – торжественно заявил он. – Или с Высшим Разумом, если будет угодно.

«Этого мне только не хватало», – подумал Марат, делая вид, что внимательно слушает.

– Контактером не может быть кто попало, – завзято продолжал Криш. – Это высочайшая привилегия, миссия, если хотите! Инопланетный разум выбирает самых достойных... таких, как наш Учитель Нангаван. Этот святой человек...

– Вы говорите, гуру общается на Священной Горе с инопланетянами? – перебил его страстную речь Марат.

– Ну... не так примитивно, конечно... – Криш как будто споткнулся. Что-то в словах собеседника насторожило его. – Учитель медитирует на Священной Горе. Он поднимается в слои трансцендентного сознания, где и происходит контакт с Мировой Душой...

– Подождите. Что еще за Мировая Душа? Я запутался...

– Чего же вы ждали? – вскинулся Криш. – Люди жизнь тратят на то, чтобы разобраться в высших истинах, познать устройство мироздания. А вы явились сюда и хотите за пару часов стать просветленным?

– Да нет. Мои намерения гораздо скромнее, – улыбнулся «член комиссии». – Я должен опросить всех, кто так или иначе может иметь

отношение к взрыву в туннеле. И записать показания. Вот и все.

Пыл Криша постепенно угасал и наконец иссяк. Марат вздохнул с облегчением, когда за ним закрылась дверь.

Из Якова каждое слово приходилось вытаскивать с превеликим трудом. Он представлял такой разительный контраст с Кришем, что было удивительно, как они все вместе тут уживаются.

Шраваки вели себя по-разному, и только в одном были единодушны: никакого отношения к взрыву они не имеют, ничего подозрительного или необычного не замечали, и вообще – из-за какой-то ерунды у них сорвалась вечерняя медитация.

Марат успел переговорить со всеми, кроме Хакима, когда на пороге комнаты появился седой статный мужчина с подвижным, нервным лицом.

– Я – Нангаван, – заявил он. – Вы можете уделить мне несколько минут?...

Глава 18

Галактика Эол. Далекое прошлое

Было решено, что на Ацтланику отправятся Тэлл Элакриэн и Стэлл Ор. Неотразимое обаяние одного и тонкий ум другого должны обеспечить успех переговоров.

На последнем совещании перед отлетом присутствовали трое: пилот, ученый и правитель Аффит.

– Не в наших правилах вмешиваться во внутренние дела других. Но та информация, которая нам нужна, важнее принципов. Вы можете использовать миниатюрный *кассиорес*, если правители Ацтлана захотят что-то скрыть от вас.

Из восьмигранного окна зала совещаний виднелись прозрачные, обманчиво хрупкие Врата Хелиона. Аффит постоянно находился в раздумьях. Правильно ли он поступает, посягая на чужие тайны? Крохотный *кассиорес*, недавно прошедший испытания, лежал перед ним. Этот кристалло-прибор позволял считывать любую информацию. Аффит возлагал на него особые надежды.

«Этлон» стартовал, и Аффит мысленно послал ему последнее благословение. Они не могут упустить этот шанс. Ацтланика долгое время была их надежным партнером и щедрым поставщиком золота. Куда мог деться магический желтый металл? На Хелионе к истощению золота привели необратимые изменения состава ядра планеты и ее атмосферы, вызванные неизвестными пока космическими влияниями. Совсем не обязательно, что на Ацтланике произошло то же самое.

На борту «Этлона» царило легкое возбуждение.

– Сколько раз ты летал на Ацтланику? – спросил пилота Стэлл Ор.

– Не помню... Раз пять-шесть.

Ученый немного волновался. Он любил космос, но предпочитал рассматривать его на голографических экранах, нежели в непосредственной близости. Стэлл Ор покидал Хелион только в исключительных случаях. Сейчас был именно такой.

Тэлл заметил, что ученый нервничает, и решил отвлечь его.

– Как ты думаешь, почему «Эрбор» оказался вблизи Ацтланики? – спросил он.

– Эта загадка не дает мне покоя, – признался Стэлл. – Корабль, грузенный золотом, без пилота... придрейфовал в планетную систему Ацтлана? Каким образом? Золото на «Эрборе» с Драгии, это мы проверили.

– В чем же дело?

Ученый закрыл глаза и вздохнул.

– Ацтланы сами сообщили об «Эрборе», – сказал он. – На корабле мощная система защиты, и они не смогли не только отбуксировать его, но даже приблизиться. «Эрбор» не отвечал на запросы, и они забеспокоились.

– Выходит, ацтланы не имеют к этому отношения?

– Скорее всего, нет.

– Я все время думаю о Манфи... – признался Тэлл. – Смогу ли я забыть ее?

Стэлл Ор промолчал. Он понимал, что Элакриэн не ждет ответа.

– Я не хочу погружаться в искусственный сон, – ворчливо заявил ученый. – Мне противно ни о чем не думать.

– В этом нет необходимости, – успокоил его Тэлл. – До Ацтланики не так уж далеко. Давай просто отдохнем. Самым естественным образом.

– Как? Ты тоже уснешь? – встревожился Ор.

– «Этлон» прекрасно справится сам, – улыбнулся Элакриэн. – Доставит нас на Ацтланику в целости и сохранности. Кому, как не тебе, знать об этом?

Ученый с сомнением посмотрел на зеленоватый глаз главного бортового компьютера.

– На Хелионе я чувствую себя гораздо спокойнее, – сказал он. – Создавать корабли и летать на них – не одно и то же. Космос непредсказуем...

Они перешли в зону отдыха, и Элакриэн включил музыку. Приятные гармонии сливались с ароматами цветов, яркое освещение сменил нежный полумрак.

Ученый еще немного поболтал и уснул. Тэлл подумал о Манфи... и тоже погрузился в сон.

Едва смежив веки, он увидел ее – она стояла у их дома, на берегу реки, – в светлом облегающем платье, с волосами до плеч.

– О, Тэлл! – воскликнула Манфи. – Я виновата перед тобой... Мне ужасно жаль!

– Ты вернулась?

Он боялся верить собственным глазам.

– Почти... – улыбнулась она и помахала ему рукой.

– Где ты?

– Рядом... Теперь я всегда буду рядом...

Элакриэн проснулся, проклиная сигнал подготовки к посадке. «Этлон» сам связался с Цалькоулем – центром космических полетов Ацтланики – и получил разрешение на вход в атмосферу планеты.

Спустя положенное время громадный звездолет легко опустился на большую посадочную площадку. Вымощенная розовыми плитами дорога, которая вела к дворцу Алхо-Котель, блестела на солнце. Гостей с Хелиона уже ждали.

Мучительные сомнения терзали Майхо, Верховного жреца Ацтлана. Его насторожил непредвиденный визит. О чем поведут речь Дети Света? Если о золоте, то ацтланам нечего им предложить.

Над Алхо-Котелем развевались траурные гирлянды из перьев. В правящей династии случилась ужасная трагедия: умер единственный змеехвостый малыш. Высокочтимый царь Ацтлана уже состарился. Кто станет его преемником?

Майхо неустанно молился и отправлял пышные ритуалы, стараясь умиловить Огненного Бога. «Он наказывает нас за то, что не уберегли Эуль», – думал жрец. Жуткие картины гибели Ацтлана одна за другой возникали в его воображении.

Однако траур трауром, а законы гостеприимства – прежде всего. Хелионцы – хорошие соседи, сильные и обладающие многими знаниями. Портить с ними отношения не следовало.

Гостей с почестями проводили в святилище Пернатого Змея, где сам Верховный жрец должен был разговаривать с ними.

Майхо вошел, блистая золотым головным убором, и сел напротив гостей. Его лицо бронзового цвета выражало вежливое ожидание.

– Цель нашего визита не совсем обычна, – издали начал Стэлл Ор. – Я видел над Алхо-Котелем траурные перья... Народ Ацтлана переживает не лучшие времена. Торговля золотом замерла. Почему? С нашей стороны это не простое любопытство. Мы можем и хотим оказать вам помощь. Но для этого необходимо знать истинную причину сложившегося положения.

Лицо Верховного жреца оставалось непроницаемым. Элакриэн, как ни старался, не заметил на нем ни малейшей реакции на слова ученого.

На самом же деле Майхо колебался. С одной стороны, визит Детей Света мог оказаться добрым знаком. Бог Теуатль наконец внял молитвам ацтланов и шлет им свое благословение в виде помощи могущественного Хелиона. С другой стороны... жрец сомневался, стоит ли доверять чужим ушам трагедию своего народа. Страх совершить еще более ужасную и непростительную ошибку сводил его с ума. Майхо пожалел, что не

обладает даром предвидения, подобно Темоке.

– Высокочтимый царь болен и не сможет принять вас, – сказал он, чтобы оттянуть время. – Мне нужно посоветоваться. Я не могу принять важное для Ацтлана решение единолично.

– Мы понимаем, – склонил голову Стэлл Ор.

Языковой барьер не мешал им разговаривать. Перед вылетом Тэлл и ученый, как обычно, прошли краткий курс языка ацтланов. Они использовали разные системы звуковых кодов. Хелионцы компенсировали это неудобство высокой восприимчивостью.

– Могу я задать вам один вопрос? – прервал молчание Верховный жрец. – Почему один из ваших кораблей без разрешения оказался вблизи Ацтланики? И куда делся пилот? Не являлось ли это попыткой проникнуть в тайну без нашего согласия?

– Мы разыскивали «Эрбор» повсюду, – ответил Элакриэн. – Он исчез с линии связи, и для нас его местонахождение явилось такой же неожиданностью, как и для вас. Эту загадку еще предстоит разгадать.

Лицо Майхо не выражало ничего, кроме вежливого внимания.

– Я должен покинуть вас, – сказал он, вставая. – Вы можете отдохнуть и развлечься в Саду Пернатого Змея. Потом я дам ответ на ваше предложение о помощи.

Посланцы переглянулись. Им не отказали – хороший знак.

Воздух Ацтланики был почти непригоден для них, поэтому пилот и ученый надели защитные шлемы, похожие на прозрачные золотистые шары.

– Такое облачение не способствует взаимопониманию, – ворчал Стэлл Ор.

Жрец направился в подземный Храм Оракула, горя нетерпением получить совет Темоки. Старик умеет общаться с Богом. Кто лучше него сможет подсказать Майхо, как правильно поступить?

Прорицатель встретил Майхо лучезарной улыбкой.

– Придется рассказать хелионцам все об Эуле, – сказал он. – Они помогут вернуть нашу святыню. Ацтланику ждет счастливое будущее.

– Эуль вернется? – взволнованно переспросил Майхо.

Темока торжественно кивнул.

– Давай все же не будем спешить с принятием окончательного решения, – проклекотал жрец.

Он был гораздо моложе прорицателя и чувствовал, что его власть крепнет также быстро, как силы покидают Темоку. Не то чтобы он желал ему смерти. Майхо не умел общаться с Богом, власть манила и пугала его

одновременно. Если не станет старого прорицателя, все бремя ответственности за Ацтланику ляжет на Верховного жреца. Царь слишком стар и болен, чтобы иметь наследника. Кто будет предвидеть ход событий?

– Что значит наше с тобой решение? – воскликнул Темока. – Великий Теуатль испытывает нас. Он хочет знать, достойны ли мы его милостей.

Майхо чувствовал, что прорицатель говорит правду. «Даже старость не мешает ему мыслить ясно», – подумал жрец.

Темока ощутил, как огромный груз вины исчезает бесследно. Впервые за много, много лет ему стало легко. Он понял: дети Теуатля заслужили прощение.

Майхо поднял голову и посмотрел на золотое лицо Теуатля с благоговением.

«Позволь и мне познать тайны твои», – безмолвно просил он...

Планета Земля, Памир. Община гуру Нангавана. Наше время

Нангаван произвел на Марата двойное впечатление. Вроде бы умный, проникательный человек, и в то же время растерянный и чем-то смертельно напуганный.

– Нам надо поговорить наедине, – понижая голос и оглядываясь на дверь, сказал гуру.

– Разумеется, – кивнул «член комиссии». – Присаживайтесь.

Нангаван уселся на табурет и тяжело вздохнул.

– Это моя комната, – сообщил он.

– Вы уж простите за вторжение...

Гуру обвел свое жилище тоскливым взглядом. Его не обрадовало, что *гираваки* привели чужака в его комнату.

– Почему вы не посоветовались со мной, прежде чем будоражить моих учеников? – недовольно спросил он.

– Поговорить со всеми членами общины – моя обязанность, – спокойно ответил Марат. – Вас не было, вот я и приступил к делу. К тому же у меня мало времени. До утра я должен успеть опросить всех, включая вас. Кстати, Нангаван – это ваше настоящее имя?

– Нет. Как будто вы не понимаете! В миру меня звали Степан Макарович Чичагов. Это было давно... в другой жизни. Нангаван – мое духовное имя.

– Вы не против, если я буду обращаться к вам по-светски? Мне так

привычнее.

Гуру передернул плечами.

– Как вам будет угодно...

– Степан Макарович, о чем вы хотели поговорить со мной?

– Не надо будоражить людей, – с напором произнес Нангаван. – Мы ведем уединенный образ жизни, никому не мешаем. Ни с кем не общаемся. У нас – свой собственный, замкнутый мир. Понимаете? Почему кто-то является к нам и начинает устраивать допросы? На каком основании?

– Допросы? – удивился Марат. – Странный у вас, однако, лексикон, господин Чичагов. Я просто беседую с людьми. Тем более что и повод есть.

– Какой?

– Произошло несчастье. Взрыв в туннеле. Слыхали?

– Слыхал. Голдин только что рассказал. Только мы-то при чем?

– Может, в последние несколько дней случилось что-то необычное?

Что-то показалось подозрительным?

Гуру подумал и отрицательно покачал головой.

– Нет, ничего. Я же вам говорю: у нас своя жизнь. Мы ушли от мира. Неужели нельзя оставить нас в покое?

– Видите ли, во время взрыва погибли люди, поэтому...

– Не надо было искушать судьбу! – возмущенно перебил его Нангаван. – Взяли себе манеру фильма снимать: не наводнение, так землетрясение! Не комета, так террористы! Что люди смотрят? Убийство на убийстве, катастрофа на катастрофе! Этим пропитывается сознание миллионов. Чего же вы потом хотите?

– Вы думаете, взрыв произошел по вине съемочной группы?

– Не утрируйте, пожалуйста. Киношники виноваты только в том, что в туннеле взялись снимать фильм о взрыве. Вот и привлекли похожую ситуацию. Мыслеобразы – штука опасная.

– Интересно...

– Люди имеют способность влиять на события. Марат кивнул. Неплохое объяснение придумал господин Чичагов.

– Степан Макарович, а что тут у вас за Священная Гора?

Нангаван на мгновение замер, но сразу взял себя в руки.

– Священная Гора – это символ, – сказал он. – Иисус произносил на горе свои проповеди. Издавна считалось, что гора – обиталище богов. Олимп, например.

– Выходит, на Священной Горе живут боги?

– Я этого не сказал...

– Значит, инопланетяне. Вам не приходилось их видеть? Вступить с

ними в контакт?

– Вы что, наслушались всяких бредней? – разозлился Нангаван. – Про летающие тарелки и прочую дребедень? Тогда вы обратились не по адресу. У нас духовный путь, а не уфологическое общество.

– Я пошутил, – улыбнулся Марат.

– У вас ко мне все?

– Почти. Если еще что-то понадобится, я вас побеспокою. С вашего позволения.

Нангаван смерил его возмущенным взглядом и вы – шел, хлопнув дверью.

«Он явно напуган и изо всех сил старается это скрыть. В чем дело?» – недоумевал Марат.

Последним на беседу явился Хаким. В нем не было заметно ни страха, ни растерянности. Типичная восточная внешность, внимательный взгляд делали его довольно привлекательным.

«Член комиссии» задал ему тот же стандартный набор вопросов, что и всем. Хаким отвечал неохотно и даже лениво. Из общины никто не отлучался, кроме Голдина и Длинного Вити; ничего подозрительного не происходило.

Во время разговора Марат ощущал на себе пристальные взгляды Хакима. Как будто тот его изучает.

– Ну, раз вам больше нечего добавить...

– Почему нечего? – не согласился Хаким. – Я много чего могу добавить. Только вот не знаю, стоит ли. Если вы тот, за кого себя выдаете, то явно не стоит. А если нет...

– Что вы имеете в виду?

– Зачем вы сюда пожаловали? Марат не ожидал такого натиска.

– В общину? – переспросил он.

– И в общину тоже. – Хаким усмехнулся. – Вы действительно только член комиссии, или у вас здесь есть свои интересы?

– Вот мое удостоверение, – сказал Марат, протягивая ему корочку. – Посмотрите, убедитесь.

Тот не глядя отодвинул его руку и покачал головой.

– Это просто бумага с фотографией и печатями. В чем она может меня убедить?

– Хорошо. Вы сомневаетесь, что я...

– Сомневаюсь.

– Но почему?

– Видите ли... с некоторых пор я вдруг сильно поумнел, – заявил

Хаким. – И теперь многое изменилось. Так у вас в этой истории с туннелем есть личный интерес?

– Допустим...

Марат решил, что если он признается, ничего страшного не произойдет.

– Уже лучше. По крайней мере у нас появилась общая тайна. Верно? Подобные вещи сближают. Вы не находите? Господин Багров... как вы вообще относитесь к мистике?

– К мистике?

Марат терял управление разговором, но ничего не предпринимал. Сознательно. Пусть Хаким выскажется. Куда-то он ведет, пытается на что-то перевести стрелки. Если ему помешать, так и не удастся выяснить, что у него на уме.

– «Нет ничего более прекрасного на свете, чем мистическое!» – вкрадчиво произнес Хаким. – Знаете, кто это сказал? Великий Альберт Эйнштейн.

– Интересное мнение...

– Вы не согласны?

Марат сделал в воздухе неопределенный жест руками.

– Сдаюсь! Глупо оспаривать слова самого Эйнштейна.

– Я приглашаю вас на прогулку, после ужина – неожиданно заявил Хаким.

В дверь робко постучали.

– Еда на столе, – сообщил толстяк Белкин, просовывая голову в комнату. – Вас ждут.

Трапезничали члены общины в так называемой «кухне» – просторном помещении с каменным полом и допотопным очагом. Стены и потолок недавно белили, по углам громоздились охапки хвороста. Пахло горелыми лепешками, разваренным рисом и карри. Над очагом на маленьком огне булькал чайник, подвешенный на толстый, черный от копоти железный крюк.

– Присаживайтесь, – радушно пригласил Длинный Витя, расставляя на столе черные глиняные тарелки. – Я сегодня дежурный по кухне. Лепешки, правда, подгорели, а плов получился вкусный.

Ужинали в полном молчании. Плов действительно был отменный – ароматный, рассыпчатый, с изюмом и сухими фруктами, обильно политый хлопковым маслом. Как ни странно, подгорелые лепешки тоже оказались вкусными.

– Хотите, Криш вам на дутаре^[10] сыграет? – предложил Витя, разливая

чай в такие же черные глиняные кружки.

– Конечно хотим! – улыбнулся Марат. – В Москве такой экзотикой не побалуют.

– Вы из Москвы? – угрюмо спросил Нангаван.

Ему очень не нравились незваные гости, особенно «член комиссии». Но ничего не поделаешь, придется их терпеть до утра.

Голдин потягивал горячий чай, исподтишка разглядывая *гираваков*. Как-то подозрительно они себя ведут. Слишком смирно, что ли. Никто не спорит, не возмущается, не критикует стряпню Длинного...

После чая Криш притащил дутар. Однообразные заунывные звуки складывались в печальную мелодию, полную неизбывной жажды прекрасного. Такая музыка могла родиться только под сенью мрачных и величественных гор, их дикой красоты.

– Великолепно! – искренне восхитился Марат. – Где вы научились так играть на дутаре?

– В Душанбе, – неохотно ответил Криш. – Я там провел детство.

Видно было, что ему не хочется продолжать разговор. Остальные тоже молчали.

– Идемте прогуляемся, господин Багров, – предложил Хаким. – Свежий воздух перед сном... Что может быть лучше?

– С удовольствием.

– А я – спать! – решительно заявил Голдин, вставая из-за стола и потягиваясь. – Глаза сами закрываются.

Марат надел куртку, а Хаким – овчинную безрукавку поверх теплого свитера.

– Там сильный ветер, – предупредил Белкин. – Прямо с ног сбивает.

– Мы не далеко, – сказал Хаким и повернулся к Марату. – У вас есть фонарь?

– Есть. Взять?

– Возьмите, на всякий случай.

«Член комиссии» полез в рюкзак и достал фонарь. Выйдя во двор, они с Хакимом окунулись в кромешную тьму. Сильный ветер рвал с плеч одежду.

– Ого, как дует...

– Зато тучи разгонит, – заметил Хаким.

В подтверждение его слов в разрыв облаков выглянула луна, заливая все вокруг мертвенным светом. В голове у Марата на миг помутилось. Преодолевая внезапную дурноту, он остановился... Впереди него, прямо на скалах, мелькнули две огромные, жуткие тени. И тут же скалы и площадка

перед домом погрузились в плотный густой мрак.

– Луна скрылась, – сказал Хаким. – Зажгите фонарь.

– Ч-что это было? – едва ворочая языком, спросил Марат. – Вы видели?...

Глава 19

Галактика Эол, планета Хелион. Далекое прошлое

Аффит с нетерпением ждал возвращения «Этлона». Он уже знал, что переговоры прошли успешно и важные сведения получены. Владыки Ацтлана, вопреки опасениям, проявили здравомыслие и рассудительность.

Аффит, сидя у себя в кабинете перед голографическим экраном, мог наблюдать, как громада «Этлона» медленно подплывает к планетной системе Хели. Эта плавная торжественность была обманчива: на самом деле звездолеты хелионцев развивали фантастические скорости. Иначе путешествия в другие галактики стали бы непреодолимой задачей.

На обратном пути Элакриэн сообщил, что он решил изменить курс. Возникла необходимость посетить Флажин-Сиук – планету в созвездии Копье Драфуса, на которой располагалась центральная база межгалактических наблюдателей. Аффит дал добро.

И вот наконец «Этлон» возвращается.

Аффит отключил экран и задумался. За окнами шумел сад, усыпанный лепестками авруса. Ласковые лучи просвечивали деревья, проникали в помещения дворца, «зажигая» встроенные в стены зеркальные золотые диски. Отражаясь от дисков, свет преломлялся сквозь грани хрустальных колонн, вспыхивая и создавая радужные переливы красок.

В другой раз правитель непременно залюбовался бы. Но сейчас его мысли блуждали далеко, в призрачном Нойлехе. Там, в обманчивых туманных пространствах, отныне обитала Манфи. Она вернулась и ушла одновременно, ускользнула от обоих мужчин.

Что, если бросить все – кресло правителя, трон Мудрейшего, нескончаемые заботы и волнения, – стряхнуть с себя тяжкое бремя власти и соединиться с Манфи на Сонных Берегах Нойлеха? В конце концов, какая разница – существовать в твердом мире или в мире грез? Все так зыбко...

Интересно, знает ли Тэлл, что Манфи...

Мысль оборвалась, так и не завершившись. Вспомнив о красавце пилоте, Аффит погрузился в размышления. Так или иначе, выбирать будет Манфи. Они оба смогут приходить к ней только во сне... Ну что ж. Разве этого мало?

– «Этлон» прошел Врата Хелиона, – сообщил диспетчер, отвлекая правителя от нелегких раздумий.

Аффит отрешился от всего личного и настроился на серьезный разговор. От того, какие новости привезли с собой посланцы, возможно, зависит судьба Хелиона...

«Черепаха» плавно опустилась на каменные плиты площадки перед дворцом. Аффит поспешил навстречу. Тэлл и Ор выглядели уставшими... Приветствие обошлось без бурных проявлений восторга.

В круглом зале для переговоров были приготовлены удобные кресла, охлажденные коктейли из фруктов и конечно же курильницы с золотым порошком.

Этикет требовал некоторого молчания перед важной беседой. Первым его нарушил Стэлл Ор.

– Больше, дорогой Аффит, тебе не удастся отправить меня никуда дальше Золотых Песков Хелиона! – воскликнул он, с наслаждением вдыхая порошок. – Подобные развлечения не для меня. Я люблю спокойствие и привычный уют. Мой ум отказывается работать, когда я не слышу аромата авруса! Я совершил героический поступок, решившись лететь на «Этлоне» в такую даль. К счастью, нам удалось узнать все, что мы хотели. Если бы пришлось возвращаться ни с чем... я бы не вынес этого. Надеюсь, меня ждет заслуженная награда?

Элакриэн засмеялся.

«Он уже знает о Манфи», – сразу догадался правитель. И тут же сердито одернул себя. Пора думать о деле, а не о сердечных драмах.

– Я весь внимание, – нетерпеливо произнес Аффит.

Тэлл понял, что излагать факты придется ему. Ученый полностью поглощен отдыхом и золотым порошком.

– У наших бывших партнеров, как мы и предполагали, случилась беда, – начал Элакриэн. – Золото на планете иссякает. У них еще остаются небольшие запасы в подземных хранилищах, но их едва хватает на собственные нужды Ацтлана. И причина этому – отнюдь не природные катаклизмы. Верховный жрец Майхо поведал нам то, что тщательно скрывается от всех. Источником золота на Ацтланике был так называемый Эуль.

– Что? – не понял Аффит.

– Эуль! – повторил Элакриэн. – Никто не может толком объяснить, что это такое. Ацтланы называют его Сердцем Бога. Они и в самом деле так считают. Неизвестно, как Эуль появился у них. Он был всегда. Тайна его начала нерушима. Сам Майхо говорит, что Эуль – дар Бога народу Ацтлана. Это официальная версия. Она всех удовлетворяет и не вызывает лишних вопросов. Религия пронизывает все устройство жизни на Ацтланике,

поэтому докопаться до истины не представляется возможным. Думаю, они сами далеки от нее.

– Любой объект должен иметь хоть какие-нибудь характеристики и свойства, – подал голос Стэлл Ор. – Иначе быть не может. Если только Эуль действительно существует, а не является вымыслом ацтланов.

– А ты как думаешь? – спросил Аффит ученого.

– Судя по всему, легенда об Эуле имеет под собой реальную почву, – ответил Ор.

– Хорошо. И что он собой представляет?

– Некую загадочную субстанцию... в виде шаровидного тела неопределенной формы. Эуль прозрачен и непроницаем одновременно. Свет не проходит через него, зато Эуль каким-то непостижимым образом синтезирует из его лучей золото. Желтая или красная звезда-солнце – необходимое условие для «жизни» Эуля. Если такой звезды нет поблизости или ее излучения недостаточно, – Эуль «засыпает». Он может спать бесконечно. Это никак не влияет на его свойства. В присутствии же солнечного света он «просыпается» и начинает «дышать» – то есть «вдыхать» свет и «выдыхать» золото. Обязательно должен быть солнечный свет – вот что я понял.

– Ничего себе объяснение... – поразился Аффит.

– Это я тебе упрощенно изложил, – захихикал ученый. – Послушал бы ты ацтланов! Их пышные, цветистые, полные аллегорий и религиозного тумана речи кого угодно введут в транс. Сами они давно в транс. Бедный Майхо! У него голова идет кругом от всего, что на них свалилось. Потеря Эуля для ацтланов равносильна гибели цивилизации. Хотя они могут прекрасно обходиться без золота. Их тела почти не содержат сего благословенного металла и особо в нем не нуждаются.

– В отличие от наших, – вздохнул Аффит.

Стэлл Ор вдохнул огромное количество золотого порошка и расплылся от удовольствия.

– Лично мне и в Нойлехе будет неплохо, – мечтательно произнес он. – Правда, там я не смогу применить свои знания. Но... возможно, пребывание в многомерном пространстве Берега Снов раскроет новые горизонты для моего ума. Я испытаю нечто незнакомое и получу опыт. Неизведанное – вот к чему стремится моя суть...

Правитель не мог позволить себе такой блаженной беспечности. Его ответственность требовала решений и действий.

– И куда делся этот... Эуль? – обратился он к Тэллу.

– Его украли.

Аффит, потрясенный услышанным, не мог вымолвить ни слова.

– Теперь я понимаю, зачем вы летали к флажам, – наконец вымолвил он. – Межгалактические наблюдатели... Ну конечно. Где еще, кроме Флажин-Сиука, можно получить информацию о беглецах, прихвативших чужую собственность?

– К сожалению, ацтланы не обращались к флажам, – сказал Тэлл. – Сделай они это вовремя, все бы значительно упростилось.

– Но почему они молчали?

– У них свои мотивы, Аффит. Кража Эуля – по их меркам страшный, несмываемый позор. Тем более что воры им известны. Это их собственные Дети Ночи во главе с воинственным Инкой Уайкопакой похитили Эуль и скрылись в неизвестном направлении. Помните войну на Ацтланике?

Аффит кивнул. Хелионцы не вмешивались в конфликты своих партнеров, даже когда их просили об этом. А уж если не просили...

– Так вот. Потерпевшие поражение в борьбе за власть Дети Ночи, вернее, верхушка этого рода, решили отомстить Ацтлану. Они выкрали Эуль и отправились на поиски нового пристанища, где они смогут построить свою собственную империю и жить так, как им нравится.

– Чудненько! – улыбнулся ученый, вдыхая очередную порцию порошка.

Было непонятно, к чему относится его реплика – к золотому порошку или к похищению Эуля.

– В общем, Майхо и Темока рассказали нам все, – заключил Тэлл. – Даже не пришлось использовать *кассиорес*. Ацтланы проявили благоразумие, потому как их знаменитый провидец предсказал, что мы найдем Эуль и вернем его на Ацтланику. По этому поводу в нашу честь устроили праздник.

– *Кассиорес* ничего дополнительного не выдал? – на всякий случай поинтересовался правитель.

– Одну незначительную деталь, о которой умолчал прорицатель. Оказывается, похитить Эуль Инке помогла единственная дочь Темоки. Старик до сих пор скрывает от всех ужасную правду. Он очень сдал. Тоскует по дочери и терзает себя тем, что косвенно замешан в краже величайшей святыни Ацтлана.

– Да, история... – задумчиво отозвался Аффит. – И что нам теперь предпринять? Где искать Инку?

– Мы осторожно навели справки у флажей. Зная возможности звездолета, созданного в Тиутоакане, мы примерно очертили границы поиска. За пределы этой условной черты Дети Ночи выбраться не смогли

бы. Вот карта...

Тэлл запустил экран, и взору Аффита предстала весьма неутешительная картина. Для того чтобы найти Эуль, придется прочесать огромное пространство.

– Что вы получили от флажей?

– Они дали нам примерные направления поиска. Их всего три. – Тэлл увеличил изображение определенных участков космоса. – Только в этих секторах существуют планеты, по условиям жизни похожие на Ацтланику.

– У флажей есть опыт в таких делах, – сказал ученый. – Им можно верить.

Аффит долго смотрел на голографический экран.

– Если у нас есть хотя бы один шанс, его надо использовать! – решительно заявил он.

Планета Земля, Памир. Наше время

Серая гряда гор медленно покрывалась на востоке розовым сиянием. Ледники и снега дышали покоем. За ночь ветер разогнал все тучи, и над Язгулемским хребтом лежало ясное, прозрачное небо.

– К такому нельзя привыкнуть, – восхищенно произнес Батыркулов. – Красота не приедается, сколько ни любуйся ею.

– Да... – согласился Изотов.

Они стояли у вагончика, в котором расположились члены комиссии, и беседовали. От туннеля к ним быстрым шагом приближался Панчук.

– Уже что-то случилось, – раздраженно сказал Батыркулов. – Ни дня покоя с этим вашим туннелем! Все не слава богу!

– Хушкадам Одилович, – запыхавшись, обратился к нему Панчук. – Солдаты отказываются разбирать завалы. Двое вчера в обморок упали, а сегодня остальные забастовали, не идут в туннель. Прямо бунт на корабле!

– Этого еще не хватало, – вздохнул Изотов.

– Как это солдаты отказываются? – возмутился председатель. – Военные обязаны подчиняться приказам. У них есть командир, в конце концов.

– Командир – тоже живой человек, – ввернул Изотов, закуривая. – И тоже поддается влиянию. К туннелю привыкнуть надо.

– Какому еще влиянию? – рассвирепел Батыркулов. – Что вы мне тут голову морочите? Я сейчас живо наведу порядок!

– Вот и я говорю... – поддержал его Панчук. – Рабочие сами не скоро управятся. Они ропщут! Вслух не высказываются, но я же чувствую, настроение у них не того... не очень хорошее. Как бы и они не взбунтовались. Чего делать-то?

– Пробы грунта брали? – зло спросил Батыркулов.

– Брали.

– И что?

– Ничего особенного. Никаких отравляющих веществ не обнаружено. Радиационный фон обычный для горы. Ваши же лаборанты проверяли. И радиоактивность они замеряли.

– А воздух? Может, там газ какой просачивается?

– Забор воздуха тоже производился. Никакого газа не обнаружено.

– Вот беда! Ну что тут скажешь? – сокрушался Батыркулов. – Это чистая психология. Самовнушение. Придумали черт знает что, а теперь сами своих же фантазий боятся. Говорил я вам, Валерий Михайлович, пресекайте слухи на корню!

– Как же я их пресеку? – Изотов сердито сплюнул и бросил окурок в кусты. – Людям рты не заткнешь.

– С чего все это пошло?

Инженер пожал плечами. Он всю ночь не спал, думал о Ларисе и о своих несостоявшихся отношениях с ней. Она не сама сорвалась с тропы: ее убили. Врач, прилетевший вместе с комиссией, установил, что смерть наступила в результате перелома шейных позвонков, и только потом тело было сброшено в расщелину. Уже мертвую, женщину волокли по камням. На ее одежде были обнаружены характерные повреждения.

– Дыма без огня не бывает, – сказал Изотов. – Разбираться надо. После взрыва в стене туннеля открылась какая-то ниша. Естественные пустоты такой правильной формы иметь не могут.

– Еще как могут! – возразил Панчук. – Природа – великая мастерица. Иногда такое учудит, что только диву даешься. А проходчиков хлебом не корми, дай байки потравить. Их выдумки послушать, так никто в гору не пошел бы.

– Все равно, – стоял на своем Изотов. – Разбираться надо.

– Разбираться... – проворчал Батыркулов. – Сколько разбираемся, а толку? Все еще больше запуталось. У нас уже не два трупа, а три. И дай бог, чтобы не больше.

– Что вы такое говорите? – возмутился Панчук. – Накаркаете, Хушкадам Одилович...

– Ладно, не стоит сгущать краски, – согласился председатель. –

Давайте устроим выходной. Отпустите солдат и рабочих, пускай отдохнут. За день волнения улягутся, что-то прояснится. И возьмите еще раз пробы воздуха и породы. Кстати, я навещал Паршина, он совсем плох. Врачи советуют отправить его в клинику. Правда, он и слышать об этом не хочет. Хоть вы его уговорите, Валерий Михайлович.

– Попробую... но гарантий не даю.

Изотов попрощался и пошел к туннелю. Он сам лично осматривал подозрительную нишу в толще горы. Заваленная обломками породы пустота, похожая на наклонную шахту с гладкими стенками. Вот эти-то гладкие стенки и послужили пищей для невероятных слухов. Людям только дай повод, они так все приукрасят, мама родная не узнает. Однако двое военнослужащих действительно потеряли сознание во время расчистки завала. Так это и раньше бывало, с проходчиками. Подняли бурю в стакане воды! Теперь сами же от этого страдают...

– О чем задумались?

Изотов вздрогнул и поднял голову. Навстречу ему шагал Вересов. Альпинисты все еще оставались на стройке. Интересно, почему они не возвращаются на свою базу? Из любопытства, наверное.

– Красивый нынче рассвет, – сказал Илья, пожимая инженеру руку. – Глаз радуется, а душа поет.

– Мне не до этого... – вздохнул тот. – Одни шишки на голову сыплются. Не успеваю увертываться.

– Черная полоса?

У Изотова вырвалось совсем не то, что он собирался сказать:

– Лариса Мельникова погибла...

– Жаль ее, – сочувственно произнес Вересов. – Кому она мешала?

– Хорошая была женщина. Сердечная... Эх, судьба-злодейка! Спасибо вам, Илья, за помощь. Без вас лежать бы ей в той проклятой расщелине...

– Мы что? Мы просто подняли ее, – смутился скалолаз. – Обычное дело.

– А!.. – махнул рукой Изотов. – Как мне не хотелось впрягаться в это строительство! Надо было к себе прислушаться. Меня метростроевцы звали, лучше бы я к ним пошел. Нет, романтики захотелось! Вот и хлебаю теперь эту романтику полными ложками. Хорошо бы еще в тюрьму не загреметь...

– Выпить хотите? – предложил Илья. – У меня коньяк есть.

Изотов чувствовал себя отвратительно с похмелья, поэтому согласно кивнул.

Они сели на холодный с ночи камень. Вересов достал плоскую

мельхиоровую бутылочку, отвинтил пробку и наполнил ее коньяком.

– Сначала вы.

– Отличный коньяк, – оценил Изотов.

– Еще по одной?

Они повторили процедуру.

– Не расстраивайтесь, – сказал Вересов. – Все образуется.

От коньяка внутри разлилось приятное тепло, и жизнь перестала казаться Изотову адом крошечным.

– У вас есть хобби? – спросил он Илью. – Какое-нибудь сильное увлечение?

– Я горы люблю.

– А еще? Любимое занятие? Стихи не пишете?

– Не-а... С искусством совсем не сложилось, – усмехнулся Вересов. – Ни писать, ни рисовать не умею. Музыкального слуха тоже нет. Ребята вон на гитарах бренчат, песни поют, а я не умею. Бесталанный родился. Видать, не приглянулся Господу Богу.

– А я камни собираю... – признался Изотов. – Очень я их люблю. Особенно редкие минералы. Я ведь мечтал геологом стать.

– Я тоже камни собираю! – обрадовался Илья. – С покоренных вершин! У меня их знаете сколько? Самый первый я привез с алуштинской стены.

– Отсюда, с Язгулема, что повезете? Вересов погрузился.

– Похвастаться нечем, – вздохнул он. – Неудачный поход получился. Я ведь здесь не первый раз, но такого облома еще не было. Не везет, и все. Хоть тресни! Мы год назад, летом, изучали хребет Петра Первого – самый северный на Памире. Трудное было восхождение, но удачное. Вершина Безымянная... слышали?

– Нет.

– Классный был подъем! Вышли мы рано, едва рассвело...

Изотов с удовольствием слушал. Хоть какая-то разрядка.

– Сразу за лагерем тянулась зеленая котловина, – продолжал Вересов. – Простор... воздух, как слеза... Аж дух захватило! Ради таких вот мгновений в горы и ходят. Через котловину вышли на скальный гребень. Такой себе, не очень сложный, средней крутизны. А после трех тысяч метров пошли осыпи... Это опасно. Любой упавший камень может повлечь за собой камнепад. Обогнули осыпи – глядим: торчит скальный выступ. Если на него смотреть с определенной точки, то он похож на запрокинутую голову человека с открытым ртом. Поэтому так и называется – Орущая голова. Пять часов мы на нее поднимались. Вот это было

восхождение! Снег, ветер... Я оттуда целых три камня привез.

За коньяком они перешли на «ты» и уже похлопывали друг друга по плечу, как старые друзья.

– Нельзя нарушать традицию, – сказал альпинисту Изотов. – Отсюда тоже камень возьми. Хочешь, пойдем, в отвалах породы покопаемся? Ее после взрыва полно из туннеля натаскали.

Они допили коньяк и направились к отвалам. Вокруг было пустынно. Вход в туннель охраняли несколько солдат. Все остальные разбрелись кто куда. Медное солнце встало из-за гор и начинало припекать.

– Иди сюда, – позвал Изотов, пробираясь между камнями. – Я тебе кое-что покажу.

Инженер выбирал из отвала и показывал ему разные камушки, на которые просто так никто не обратил бы внимания. Многие из них были довольно ценными. Случайно попались несколько зернышек граната. Покрытые пылью, они выглядели обыкновенными тусклыми горошинами неправильной формы.

– Возьми, – Изотов протянул «горошины» альпинисту. – Жене подаришь.

– У меня нет жены, – сухо сказал Вересов. Изотов вздохнул и бросил камешки обратно в отвал.

Ему вспомнилась Лариса, глаза предательски наполнились слезами.

Илья сделал вид, что копается в кусках породы. Ему попался маленький камешек в форме финика. Он был покрыт грязью, под которой блеснуло желтое.

Вересов ощутил под сердцем неприятный холодок.

– Валера! – позвал он. – Посмотри... Что это? Изотов взял камешек, потер о рукав куртки.

– Золото... – севшим от волнения голосом произнес он. – Не может быть...

Глава 20

Галактика Эол, планета Хелион. Далекое прошлое

Майхо поставил посланцам одно условие. О пропаже Эуля, а следовательно, и о его поисках никто знать не должен. Именно поэтому сведения, полученные от флажей – межгалактических наблюдателей – были так скудны.

– Делать нечего, – сказал Аффит на закрытом Совете. – Будем исходить из того, что есть. На поиски Эуля отправятся три экспедиции. Больше мы послать не сможем. Их следует оснастить наилучшим образом. «Этлон», «Эрбор» и «Тобус» поведут лучшие пилоты. Нам останется только ждать.

После заседания Тэлл Элакриэн предложил посмотреть привезенные с Ацтланики «живые картины».

– Это праздник в нашу честь, – прокомментировал он пышно развернувшуюся голографическую картину неба над дворцом Алхо-Котель.

Люди-птицы подняли в воздух несметное количество живых цветов, перьев и лент, превратив небо вколышущийся разноцветный ковер. Площадь перед дворцом была запружена жителями города.

Алхо-Котель стоял на вершине горы. Его гигантская квадратная башня состояла из выступающих один над другим ярусов, золотая крыша горела в лучах Теуатля – красного солнца Ацтланики. По углам восседали каменные чудовища устрашающего вида, их крылья были выложены золотыми пластинами, а в глазницах сверкали крупные зеленые кристаллы.

– Это стражи дворца-храма, – пояснил Тэлл, указывая на чудовищ. – Они наблюдают за окрестностями.

Картина сменилась: теперь она представляла собой просторный полутемный зал, мрачные своды которого опирались на каменные колонны, разрисованные крылатыми драконами. Тела и гривы драконов были покрыты зеркальной чешуей. Чешуя сверкала и переливалась, причудливая игра бликов производила впечатление кружащегося вихря.

– Какой необычный эффект! – восхитился Аффит.

– Ацтлан таит в себе скрытую мощь, – заметил Стэлл Ор. – Его нерастратенный потенциал огромен.

– Это их подземное святилище, куда нас пригласили для вручения

подарков, – объяснил Тэлл. – Под дворцом прорыт целый лабиринт. Там ацтланы скрываются от немилосердных лучей своего Огненного Бога. Вот, смотрите!

Он указал на виднеющиеся по сторонам зала входные проемы. Их узкие прорезы зияли непроглядной чернотой.

– Туда бы мы ни за что не протиснулись, – засмеялся ученый. – Темока и Майхо немалого роста, но они едва доставали нам до пояса. Благо ацтланы не экономят на камне и любят строить с размахом. Картина снова сменилась.

– Теперь вы можете видеть золотой трон царя Ацтлана, – прокомментировал Тэлл. – Сам Владыка не удостоил нас своим вниманием. Он был нездоров и подавлен из-за постигшего его горя. Умер его единственный наследник.

Золотой трон властителей Ацтлана поражал тонкостью работы и редкостной красотой. Высокое резное кресло как бы несла на спине трехголовая золотая змея. Ее выпученные глаза, наполовину прикрытые чешуйчатыми веками, излучали густое красноватое сияние, а высунутые золотые языки непрерывно двигались.

– Изощренная культура! – воскликнул Стэлл Ор. – Что-что, а поразить воображение они умеют. Признаться, во время этого визита мне было немного не по себе.

– Не выдумывай, – улыбнулся Элакриэн. – Твое любопытство имело достаточно пищи благодаря фантазии ацтланов. Ты норовил сунуть нос, куда только возможно. Ничто другое, кроме неумемной жажды познания, тебя не волновало.

Ученый не стал отрицать очевидного и скромно опустил глаза.

– Вот и Верховный жрец, – Тэлл указал на Майхо, который взошел на покрытый алым ковром постамент. – Его одежда свидетельствует о важности происходящего.

На лице жреца бросался в глаза крупный нос, покрытый золотой ритуальной краской. Двухслойный наряд Майхо имел глубокий сакральный смысл. Самое нижнее темное одеяние указывало на источник рождения вселенской тьмы, его покрывала золотая сетка, сотканная из звезд, символизирующая космическое пространство. Голову жреца увенчивал высокий убор в виде золотого конуса, украшенного перьями.

«Великий Теуатль благословляет вас на поиски, – высокопарно проклекотал Майхо. – Мы будем ждать. Судьба мира скрыта от взгляда непосвященных. А тайна золота призвана сыграть в ней особую роль».

Он поднял вверх два браслета – искусно выкованные тела змей со

сложенными крыльями – и обратился к посланцам:

«Подойдите! Я вручу вам Знак Жрецов Эуля. Без него никто не смеет прикасаться к святыне».

Тэлл и Ор, которые выглядели великанами по сравнению с Майхо, почтительно приняли браслеты. Тегодились им разве что на пальцы, в виде колец.

– Видишь, Аффит, теперь мы – Жрецы Эуля! – торжественно произнес ученый. – И ты должен оказывать нам подобающие знаки внимания.

– Не кощунствуй, дорогой Стэлл, – улыбнулся правитель. – Кто знает, какой стороной повернется к нам лик удачи? Светлой или темной?

Они еще долго беседовали, обсуждая все детали предстоящей экспедиции...

Усталый Хели давно отправился на покой, когда в зале остались только двое – Тэлл и Аффит.

– Манфи вернулась, – сказал правитель. – Она в Нойлехе.

– Я знаю, – напряженно ответил Элакриэн.

Аффит усмехнулся, глядя мимо пилота в лиловую темноту за окном. Кажется, между ними все же возникло соперничество. Жаль, что не удалось этого избежать.

– Ты можешь отказаться от участия в поисках, – сказал он. – Вы слишком много времени провели в разлуке, ты и Манфи. Все тебя поймут.

– Я поведу «Этлон» в Безымянную Галактику, – упрямо ответил Тэлл. – Никто не сделает это лучше меня.

Правитель покачал головой.

– Ты самый опытный пилот Хелиона, – согласился он. – Но... мы никогда не бывали в Безымянной. Она нанесена на наши карты только благодаря флажам. Никто не сможет помочь тебе, даже Стэлл Ор. Безымянная далеко, очень далеко... «Этлон» может не вернуться.

– Я думал об этом, – сказал Элакриэн. – И отдаю себя на волю «звездного ветра». Я сжился с ним на безграничных просторах космоса.

«Звездный ветер» – так пилоты Хелиона называли провидение, ведущее их по дорогам Вселенной.

– Хочешь заглянуть в лицо судьбы? – спросил Аффит. – А как же Манфи?

– Она устала от нашего мира. Эта история с клонами на Драгии отняла у нее слишком много сил. Манфи нужна свобода – полная и безоговорочная. Ей не скоро захочется снова иметь тело и все, что с ним связано. Формы – это ловушки. Вырвавшись из ужасного плена, Манфи должна отдохнуть, взять паузу. Понимаешь?

Элакриэн снял с руки золотой браслет, который в день свадьбы Манфи подарила ему, и положил на гладкую поверхность стола.

– Я видел, как перестала мерцать на этом браслете «звезда любви», – печально сказал он. – Тогда я думал, что сердце Манфи остановилось. Но произошло нечто большее. Когда мы встретились на Берегах Нойлеха, я осознал, что наши чувства угасают. Она устала, Аффит... А я полон сил и энергии. Она мечтает о покое, а меня манят приключения. Зачем нам связывать друг друга? Я буду скучать в Нойлехе. Манфи же пугают игры, полные борьбы и коварства. Похищение Эуля – одна из них. Нравится нам это или нет – подобные вещи являются неотъемлемой частью нашего мира...

– Ты принял решение? – спросил Аффит, не веря в свою удачу.

– Да, – подтвердил Тэлл. – Я сам поведу «Этлон» в Безымянную... Оттуда еще никто не возвращался. Поэтому я оставляю браслет Манфи. Пусть она чувствует себя свободной.

– Ты тоже отныне считаешь себя свободным?

По лицу пилота нельзя было понять, что он на самом деле испытывает: облегчение или горечь. Может быть, он впервые увидел в Аффите соперника. Впрочем, какая разница?...

– Я тосковал по ней все это время, – признался Тэлл. – Меня мучило и тяготило то, что Манфи исчезла и я не знал, что с ней, какова ее участь. Я не смог защитить ее, оградить от опасности и зла. Сожаления я принимал за любовь... Манфи позвала меня, когда очутилась в Нойлехе. У нее хватило воли найти дорогу туда. И я сразу успокоился. Но у меня не появилось желания присоединиться к ней. Хотя... я читал этот вопрос в ее глазах. Берега Снов не привлекают меня. Наверное, я не готов принести подобную жертву.

– Между вами все кончено?

– Может быть, ей захочется начать все сначала, – ответил Элакриэн. – Когда я вернусь... мы подумаем.

– Если вернешься, Тэлл.

– Конечно.

– Манфи знает о твоих намерениях?

– Мы пришли к согласию, – вздохнул пилот. – Так что... на Хелионе меня больше ничего не держит.

Аффит долго молчал, думая о своем.

– Ночью аромат авруса становится еще сильнее, – сказал он. – Золотой Хели много раз опустится в объятия мрака, чтобы столько же раз взойти и засиять на небесах. Мы будем ждать вас. Я и все остальные. Хелион не

забывает своих детей. Помолись перед вылетом «звездным ветрам», Тэлл, и пусть тебе улыбнется счастье!

Правитель взял две витые крылатые змейки, подаренные ацтланами, и протянул пилоту.

– Возьми с собой эти Знаки Жрецов Эуля. Тебя ожидает самый трудный путь. Вдруг великий Теуатль поможет «Этлону» благополучно достичь своей цели и вернуться обратно?

– Слышал бы нас Стэлл Ор! – засмеялся Элакриэн.

Планета Земля, Памир. Община гуру Нангавана. Наше время

Марат Калитин включил фонарь. Яркий луч прорезал темноту ночи. Вымощенный камнями двор, полуразвалившийся забор, кусты, нагромождения замшелых валунов, скалы... Все! Никаких гигантских фигур, никаких теней.

Он повернулся и с недоумением посмотрел на Хакима. Тот молча стоял, ждал.

Марат подумал, что его видение могла вызвать горная болезнь, о которой он много слышан. Но... возможно, нечто странное показалось не только ему.

– Что это было? – на всякий случай решил уточнить он.

– Вы о чем?

– Мне показалось... Вы ничего не видели?

– Луну видел, – усмехнулся Хахим. – Облака видел. Потом стало темно, и вы включили фонарь. Теперь вот забор вижу, скалы. А в чем дело?

Его лицо оставалось непроницаемым, но Марат готов был поклясться, что хитрец нарочно посмеивается над ним. Хотя зачем?

– Какие-то тени мелькнули перед нами... – в его голосе не было уверенности.

– А... – отозвался Хахим. – Голуб-яван, наверное. Вышел на охоту.

– Но их было две! Две тени.

– Значит, два голуб-явана. И оба голодные. Они по ночам рыскают в поисках пищи. – Хахим засмеялся. – Что, страшновато?

– Нет. Просто непонятно. Вы это серьезно насчет «снежного человека»?

– Шучу.

Марат поймал себя на том, что Хахим поставил его в тупик. Вроде бы

он говорил одно, а думал другое. Но уловить истинные мотивы его поведения не удавалось.

– Ладно, идемте, – сказал «член комиссии» и двинулся вперед.

Хаким беспрекословно подчинился. Он легко шагал сзади, хрустя щебнем. Слышно было, как вниз по склону что-то сыплется.

– Здесь не очень хорошие места, – сказал он. – Сплошные осыпи, много «живых камней». Давайте я пойду впереди.

Марат уступил ему дорогу и вручил фонарь.

– Здесь есть «живые камни»? – осведомился он.

– Хоть отбавляй. Если их задеть, сразу катятся вниз и влекут за собой целый обвал. Не дай бог наступить на такой камень. Смотрите внимательно под ноги.

– Прогулка не из приятных. Куда мы идем, кстати?

– Хочу вам кое-что показать.

«Он не очень-то разговорчив, – подумал Марат. – На вопросы толком не отвечает, отделяется общими фразами. Куда он меня ведет? Может быть, я зря согласился? Ночь, темно, дороги я не знаю. Мало ли что у Хакима на уме? Зато он единственный из членов общины, который заинтересован во мне. Иначе не пригласил бы на прогулку...»

Некоторое время они шли молча. Ветер крепчал. Луна на мгновение показывалась из-за облаков и снова пряталась. Марат был полностью поглощен тем, чтобы не оступиться и не потревожить «живой камень», поэтому ничего вокруг не замечал. Несмотря на холодный ветер, он весь взмок.

– Ну, вот мы и пришли, – сказал Хаким, останавливаясь и поворачиваясь к своему спутнику. – Очень устали?

– Есть немного...

– Это с непривычки.

Хаким поднял фонарь и начал водить им из стороны в сторону. Свет выхватывал из темноты ребристые, уходящие в высоту скалы.

– Что вы делаете? – удивился «член комиссии». – Сигнал подаете?

– Ага, – усмехнулся Хаким. – Созываю голуб-яванов. Спешите сюда, дорогие мои, ужин пришел!

Марат рассердился.

– Шутки шутить изволите? Вы для этого потащили меня среди ночи в такую даль? – возмутился он. – Чтобы дурака валять?

– Вовсе нет, – спокойно ответил Хаким. – Я привел вас сюда, господин Багров, или как вас там... с единственной целью: освежить вашу память. Вы узнаете эти горы?

Он снова принялся водить фонарем туда-сюда, но ничего, кроме безжизненных в искусственном свете скал, Марат не увидел. Хотя старался.

– Что я должен узнать? – не выдержал он. – Я здесь первый раз.

– Жаль, – покачал головой Хаким. – Я думал, получится. Ну что ж, будем исходить из того, чем располагаем...

Марат чувствовал, как ветер продувает его куртку насквозь и ледяная, мокрая от пота футболка прилипает к спине и груди. Так и замерзнуть недолго. Зря он отмахнулся от предложения Вересова надеть пуховик. Тот предупреждал, что в горах сильные перепады температуры.

– Послушайте, Хаким, что вы ходите вокруг да около? – не выдержал он. – Или говорите, в чем дело, или...

– Что «или»? Вы не станете со мной больше разговаривать и уйдете? Куда, позвольте спросить? Тропы вы не знаете, ваш фонарь у меня. Впрочем, если хотите уйти... я вас не держу. До свидания, господин Багров!

Хаким повернулся к нему спиной, всем своим видом показывая, что ему наплевать на дальнейшие действия «члена комиссии».

Марат понял, что погорячился.

– Хорошо, – примирительно сказал он. – Я весь внимание. Вы ведь неспроста привели меня сюда?

– Так-то лучше. Смотрите! – Хаким осветил фонарем длинный узкий проем в скалах. – Видите эту вер – тикальную щель?

– Вижу. И что?

– Однажды мне приснился сон, будто я примерно такой же ночью, как эта, пришел сюда, залез в проем... вернее, с трудом протиснулся... и достал оттуда кое-что. Меня звал *голос*, которому я не мог противиться. В этой щели есть тайник.

«Горная болезнь, – подумал Марат. – Она тут всех косит!»

– Про тайник вам тоже приснилось? – для приличия спросил он.

– Да, – кивнул Хаким. – Только не стоит иронизировать. Этот сон не давал мне покоя. Я ни на секунду не мог забыть о нем. Мне захотелось проверить, как все обстоит на самом деле. Вы можете догадаться, что я дождался ночи и отправился в путь. Я шел по наитию, положившись на провидение... в темноте, без фонаря. На сей раз *голос* как будто звучал у меня вот здесь, – он поднес руку к голове. – Ноги сами несли меня. Уже потом я сообразил, что тропа мне хорошо знакома: ведь совсем рядом – пещера, где медитирует Учитель. Мы прошли мимо нее.

– Вот как? – с сожалением воскликнул Марат. – Почему же вы мне ее не показали? Значит, мы с вами находимся на Священной Горе?

– Именно.

– Признаться, еще минуту назад я жалел, что пошел с вами. Но теперь рад этому. Священная Гора! Плохо, что в темноте я не смогу как следует рассмотреть ее. Впрочем, я перебил вас. Продолжайте.

– Собственно, я почти все сказал. Мне удалось легко найти этот проем в скалах и даже проникнуть внутрь. Было нелегко; я ободрал себе локти и плечи, протискиваясь в щель. Но мои старания не пропали даром. Представьте себе, там действительно оказался тайник! И отнюдь не пустой...

Глаза Хакима странно сверкнули. Он опустил фонарь, и вокруг сразу стало темно.

– Что же вы нашли? Сокровища? – спросил Марат.

У него возникло чувство, что он сам спит и видит сон. О каком-то давно забытом приключении из детской книжки про пиратов. Но здесь не было моря. Только горы – уходящие вершинами в черное поднебесье, молчаливые, обдуваемые вековыми ветрами.

– Не знаю, как сказать, – усмехнулся Хаким. – Сокровища это или безделица. Может быть, вы лучше разберетесь?

Он полез за пазуху и вытащил какую-то небольшую вещицу, похожую на шкатулку.

– Давайте присядем, – предложил Марат, указывая на плоский камень. Он забыл про холод и ветер, не в силах оторвать взгляд от «шкатулки» в руках Хакима. – Здесь нам будет удобнее.

В свете фонаря предмет показался Марату смутно знакомым. Это была не шкатулка, а футляр из темного, гладкого и очень твердого материала.

– Он открывается, – сказал Хаким. – Сначала я думал, что он цельный, но потом... Взгляните!

Хаким взял футляр особым образом, за противоположные углы, и тот бесшумно раскрылся. Внутри блеснул восьмигранный кристалл с отверстием, в котором находился второй кристалл, только поменьше. Они были вставлены один в другой, наподобие матрешек.

– Черт возьми! – воскликнул «член комиссии», пожирая глазами находку Хакима. – Дайте, я хочу поддержать его.

И по внешнему виду, и на ощупь вещица казалась ему знакомой. Но где он мог ее видеть?

– Нравится? – шепотом спросил Хаким и оглянулся.

– Не то слово... – Марат тоже невольно оглянулся, повторяя движение Хакима. – А почему мы перешли на шепот?

– Об этом никто не должен знать. Никто! Ни одна живая душа. Только

вы и я!

– Почему?

– Я уверен, что так будет правильно, – убежденно произнес Хаким. – Как только я нашел кристалл, сразу понял – о нем следует помалкивать. Я спрятал его в надежное место. И никому не показывал. Вы первый.

Марат вспомнил, что до сих пор никому не сообщил о золоте: ни о том самородке, который Лариса Мельникова показывала администраторше, ни о том, который ему отдал Вересов. Он так же, как и Хаким, промолчал. Иными словами, скрыл этот факт. Более того, он был уверен, что поступает правильно.

– Дайте фонарь!

Он осветил проем в скалах, уходящие в необозримую высоту отвесные стены... Нет, ничего не вспомнилось. Зато кристалл...

– Боже мой! – он отдал Хакиму фонарь. – Посветите... я хочу еще раз посмотреть. Кажется... Этого не может быть!

Взяв в руки темный гладкий футляр, Марат снова, как наяву, увидел горное плато, Храм Орлов... Что-то похожее было в его «опусах», тех самых всплывших в его сознании картинах далекого прошлого. Тогда при помощи кристалла незнакомцу удалось «проникнуть» в подземный Храм Солнца...

– Ничего не понимаю, – пробормотал он.

Хаким выключил фонарь, и их обступила чернота ночи. Ветер завывал в скалах, как стая диких волков. Луна не показывалась.

– Тише... – прошептал Хаким, наклоняясь к уху Марата. – Вы ничего не слышите?

– Ветер.

– Мне кажется, здесь кто-то есть...

Они некоторое время настороженно прислушивались, но кроме шума ветра, причудливо искажаемого горным эхом, никаких подозрительных звуков не уловили.

– Показалось, – с облегчением вздохнул Хаким. – Давайте поговорим в темноте. На всякий случай. Не возражаете?

– Нет.

Марат был так поглощен «проснувшимися» видениями, что совершенно упустил начало фразы Хакима и включился только, когда тот опять начал рассказывать о своих снах.

– ...мне опять приснились горы. Не знаю какие. Я не силен в географии. И в этих горах, вернее, под ними, на большой глубине, в толще породы проложено множество подземных туннелей. Среди них, в самом

тайном помещении, украшенном вырубленными из камня колоннами, находится... усыпальница Богов. Они спят там, громадные и неподвижные... в холодных каменных саркофагах... Их золотые лица покрыты драгоценными масками...

– Разве Боги не бессмертны? – спросил Марат.

– Они чего-то ждут... – ответил Хаким.

Глава 21

Галактика Эол, планета Хелион. Далекое прошлое

Эти последние дни на Хелионе, полные солнца и летающих в воздухе лепестков авруса, Тэлл провел в своем доме. По ночам к нему приходила Манфи, тихо склонялась над изголовьем и молча смотрела на него, как будто прощалась...

Утром он выходил на берег реки, любовался ее плавным, ровным течением, полетами бабочек и золотокрылых стрекоз.

– Ты будешь меня ждать, Фейси? – спрашивал он лениво развалившуюся в тени черепахи.

Та блестела янтарными глазами, положив голову ему на ладонь. Ее сверкающий панцирь напоминал перевернутую золотую тарелку.

– Вижу, что будешь, – ласково говорил Тэлл. – Не грусти... Я обязательно вернусь.

Черепаша приподнялась и неторопливо поползла прочь, к прохладной воде. Она не поверила ни одному слову своего хозяина. Элакриэн не скоро вернется... совсем не скоро. Вряд ли Фей си успеет дождаться.

Она с тихим плеском погрузилась в прозрачную воду и поплыла. Яркие разноцветные рыбки бросились врассыпную, прячась в голубых водорослях. У Фей си своя жизнь, у Элакриэна – своя, и не стоит их смешивать. Это не сулит ничего хорошего.

Черепаша нырнула, и Тэлл перестал видеть на воде золотую тарелку ее панциря...

Все обитатели Хелиона собрались провожать «Эт-лон», «Эрбор» и «Тобус». Улетали лучшие пилоты: каждый экипаж состоял из восьми астронавтов, что само по себе было необычным явлением. Никто не знал, куда и зачем отправляются корабли. Едва ли не впервые Аффит скрыл от хелионцев истинную причину происходящего.

– Таковы условия, с которыми нам пришлось согласиться, – объяснил он в прощальной речи.

С Тэллом летели семеро – Найс, Кори, Улл, Хэйр, Манх, Сэнф и Арра. Четверо последних были хорошо обученными космическими воинами.

– Это необходимая предосторожность, – говорил Стэлл Ор, принимавший активное участие в укомплектовании экипажей. Он настоял

на обязательном присутствии военных. – Лучше предусмотреть все, чем поплатиться за собственную беспечность. Пример Драгии должен послужить уроком не только для Манфи, но и для нас всех.

Если «Эрбор» и «Тобус» отправлялись относительно налегке, то звездолет Тэлла оснастили всевозможными видами наступательного и оборонительного вооружения. Цивилизация Хелион давно не принимала участия в военных конфликтах, отказавшись от силового решения каких-либо вопросов, избрав путь переговоров или невмешательства. Но их военная база оставалась предметом пристального внимания и заботы каждого вновь избранного правителя. Новейшие технические и научные достижения в первую очередь находили свое применение там.

В связи с истощением на планете природного золота обитателей Хелиона становилось все меньше. Потеря пяти-шести десятков жителей могла привести к полному исчезновению этой уникальной расы. Поэтому жизнь на Хелионе ценилась превыше всего, и ее оберегали всеми доступными способами.

Безымянная Галактика до сих пор не представляла интереса для хелионцев и потому была не изучена. Если бы не острая потребность в золоте, если бы желтый металл не являлся столь редким веществом, если бы Эуль не был украден, если бы Драгия не погибла... полет в Безымянную вообще не стоял бы на повестке дня.

Аффит лично проследил за подготовкой «Этлона» к полету. Он подобрал для участия в экспедиции самых искусных космобойцов. Разумеется, все они добровольно согласились подвергнуть свои жизни опасности.

– «Этлон» может не вернуться обратно, – честно признался Аффит, оставшись наедине с добровольцами. – Риск очень велик. Любая непредвиденная задержка будет равносильна гибели, потому что запас арумия – насыщенной золотом дыхательной смеси – ограничен. А без него ваши тела долго не протянут.

– Мы знаем, – сказал Хэйр, который был назначен старшим группы. – И готовы разделить судьбу остальных членов экипажа.

– Ваша задача – уберечь «Этлон» и пилота. Любой ценой, – добавил Аффит.

– Мы поняли, – ответил Хэйр и перечислил все, что надо переоборудовать на «Этлоне».

Приготовления были завершены в кратчайшие сроки.

На Флажин-Сиуке Тэлла предупредили, что в Безымянной уже исчезли бесследно несколько кораблей, в том числе и один экипаж флажей.

«Там что – то происходит со связью, – сообщил старший наблюдатель дальнего космоса. – То ли пространственные воронки, то ли какие-то мощные поля создают помехи. Нам так и не удалось выяснить. С тех пор как пропал «Фаг» с тремя флагами на борту, мы туда никого не посылаем. У нас не так много классных специалистов, чтобы разбрасываться ими».

Наконец все было готово к отлету. Волнения и суета улеглись. Флайкилл замер в ожидании.

Ветер носил по взлетной площадке головки цветов, выпавших из рук провожающих, рвал легкие накидки женщин и длинные флаги на крыше Дворца Золотой Рыбы. Глаз Рыбы загорелся и погас, показывая, что время пришло.

Корабли стартовали один за другим. «Эрбор», «Тобус»... «Этлон» выплыл за Врата Хелиона последним.

На далекой Ацтланике прорицатель Темока истово молился своему Огненному Богу. Великий Теуатль обещал помощь.

Правитель Аффит закрыл глаза, ощущая ужасающую пустоту внутри. Ну, вот и все. У него больше нет соперника. Тэлл отправился в свой последний полет, и теперь между Аффитом и Манфи никто не стоит. Безымянная не выпустит «Этлон» из своих холодных объятий. Понимание этого пришло к Аффиту так же ясно, как если бы он увидел сию картину на голографическом экране.

«О чем я думаю в столь решающий момент? – устыдился он. – Как я могу?»

Но радость предстоящего свидания с Манфи охватила его с такой силой, что Аффит испугался. Теперь он с нетерпением будет ждать наступления ночи, чтобы, погрузившись в глубокий сон, отправиться в Нойлех. Там, на тихом берегу реки, в золотистом тумане его встретит Манфи... Это будет их первое свидание после того, как Тэлл Элакриэн снял со своей руки свадебный браслет. Его гораздо больше привлекают неизведанные звездные просторы. Что ж, каждый имеет право реализовывать свои мечты. Ради этого и существует жизнь...

По Сонным Берегам Нойлеха пробежало легкое волнение. Внешний твердый мир и тут оказывал свое тревожное влияние, хотя и незначительное.

– На Хелионе что-то происходит, – лениво произнесла Манфи, проводя золотым гребнем по своим роскошным волосам. – Наверное, корабли отправились в очередной полет. Прощай, Тэлл! Твоя любовь к звездам оказалась сильнее, чем ко мне. Пусть тебе сопутствует удача на темных дорогах Вселенной. Мужчины всегда куда-то стремятся, чего-то ищут. Они

служат своим желаниям. Не стоит принимать их любовные клятвы всерьез...

Манфи со вздохом посмотрела на свадебный браслет, подаренный Тэллом.

«Чувства так же недолговечны, как и все остальное, – подумала она. – Любовь – самый великий мистификатор всех времен и миров! Мы с Тэллом просто попались на ее приманку. Ее сладкое угощение пришлось нам по вкусу. Так что, в сущности, мы должны быть ей благодарны».

Манфи стало легко. Она больше не таила обиду на Тэлла, который променял их взаимную нежность на ледяное дыхание космоса. Каждому – свое. Эта истина впервые раскрылась перед Манфи во всей полноте.

– Хетт! Принеси мне золотое ожерелье с зелеными камнями! – капризно приказала она.

Маленький драгиец, неподвижно сидевший у ее ног, вскочил и побежал исполнять повеление своей Богини.

– Когда-нибудь и тебе надоест прислуживать мне, – сказала она, надевая украшение.

– Нет! – испугался Хетт. – Никогда!

– Какой ты смешной, – улыбнулась Манфи. – Жизнь идет, а значит, что-то меняется.

– Только не моя любовь к тебе! – искренне возразил Хетт.

Она не выдержала и засмеялась.

– Ну, конечно... твоя любовь, маленький драгиец, нерушима и вечна, как ход светил на небесах.

Он не понял, что Золотая Богиня шутит.

– Не называй меня маленьким, – серьезно сказал он. – И потом, как я могу быть драгийцем, если Дра-гии больше не существует?

– Верно, – согласилась Манфи. – Ты становишься умнее с каждым мгновением. Это хороший признак. Хочешь, я дам тебе один совет? Если не нравится быть маленьким, создай себе новый образ. Здесь, в Нойлехе, ты выглядишь так, как сам себя представляешь.

Хетт просиял.

– Я могу стать таким же красивым, как ты?

– В том-то и дело, что да...

Планета Земля, Памир. Община гуру Нангавана. Наше время

На обратном пути в общину ветер дул прямо в лицо. Калитин поднял воротник. Хаким часто оборачивался, подолгу всматриваясь в темноту.

– Надо остановиться, – сказал он и выключил фонарь.

Марат скользнул за каменный выступ и затаился, Хаким последовал его примеру. Ветер так свистел и завывал на разные лады, что заглушал другие звуки.

– Вы были правы, Хаким. Здесь, кроме нас, есть кто-то еще, – шепнул Калитин. – Я чувствую.

– Тише...

Эта предосторожность при шуме ветра явно была лишней.

– Можно пройти в общину другим путем? – шепотом спросил Марат.

Его глаза медленно привыкали к темноте. Он до боли всматривался в густую черноту ночи.

– И к Священной Горе, и обратно ведет только эта тропа, – ответил Хаким.

Ветер на минуту стих, и сразу где-то неподалеку зашуршали по склону мелкие камешки.

– Стойте здесь... не выходите, что бы ни случилось, – решительно сказал Марат и покинул убежище.

Он прижался спиной к скале и замер, невольно затаив дыхание. Сначала ничего не происходило. Ветер снова дул в свои сумасшедшие трубы, рвал с плеч куртку. Глаза Марата уже могли различать во мраке огромные массивы камней... Он скорее ощутил, чем увидел крадущуюся по тропе фигуру. Преследователь остановился и долго стоял, по-видимому, прислушиваясь. В темноте было трудно определить его рост и телосложение, но одно Калитин знал наверняка. За ними крадется не призрак, не голуб-яван и не инопланетянин, а обыкновенный человек.

Марат дождался, пока преследователь поравняется с ним.

Бесшумный прыжок вперед положил конец неизвестности. Калитин обрушился на незнакомца и повалил его на камни. Удар был точно рассчитан, чтобы не убить, а как следует оглушить. Ведь мертвый уже ничего не расскажет.

Похоже, незнакомец следил за ними в одиночку, но Марат на всякий случай перестраховался. Он схватил обмякшее тело за воротник куртки и подтащил поближе к Хакиму. Здесь, за скалой, им будет удобнее осмотреть и обыскать преследователя.

Все произошло так быстро и тихо, что Хаким не успел ничего сообразить.

– Посветите, – негромко сказал Марат. – Только так, чтобы луч не

падал на тропу.

Фонарь осветил бледное, запрокинутое лицо незнакомца.

– Молчун Яков? – удивился Хаким. – Что ему здесь нужно?

«Член комиссии» усмехнулся.

– Любопытство, мой друг, один из самых пагубных человеческих пороков, – назидательно произнес он, ловко обыскивая молчуна. – Сколько людей уже пострадали на поприще подсматривания и подслушивания, а скольким еще предстоит испить эту горькую чашу до дна!

– Шутите?

– Почему бы и нет? О! Вот это да! – воскликнул Марат, вытаскивая из-за голенища мягкого сапога Якова кухонный нож. – Да он еще и вооружился! Никак решил нас убить? Смело, смело. Одному, ночью, в темноте... напасть на двоих мужчин... Храбрец этот ваш Яков.

– Яков трус, – не согласился Хаким. – И слабак. Нож он прихватил для собственной защиты, уверяю вас.

– Почему он следил за нами?

– Небось жадность обуяла. Впал в грех. Далеко еще ему до просветления... – Хаким тяжело вздохнул и по – хлопал лежащего по щекам. – Ну, давай, приходи в себя. Расскажешь, отчего у тебя развилась мания преследования...

– Хороший диагноз, – усмехнулся Марат.

Яков приоткрыл глаза и тут же зажмурился. Он не сразу сообразил, где он и что происходит.

– Привет, Яша, – криво улыбнулся Хаким. – Не спится? Решил по горам побродить?

– Ч-что такое? – нервно пробормотал Яков, пытаясь приподняться. – Что со мной?

– Лежи! – Хаким наступил ему на грудь ногой. – Так лучше будет.

– Что вам от меня н-нужно? Я... ничего не сделал! – он увидел в руках у Марата нож и заскулил от ужаса. – Не-е надо меня у-убивать!

– Ты следил за нами? – угрожающе спросил Хаким.

– Н-нет... Нет! Зачем? Я... просто вышел... прогуляться. А... тут смотрю, идет кто – то... Я и – испугался...

– Хватит врать! – возмутился Марат, поигрывая ножом у самого носа Якова. – Не то...

– Нет! – взвизгнул «злоумышленник». – Не убивайте меня! Я... я все скажу. Я подумал... вы и-иде-те за золотом. И решил по-о... посмотреть...

Золото! В груди у Марата стало горячо, а по телу будто молния пробежала. И тут речь идет о золоте!

– Какое золото? – делая непонимающий вид, спросил он. – Что ты несешь?

– Золото! Самородное золото! – завопил Яков. – Разве вы не знаете? Хаким, скажи ему. Из-за этого все и началось! Мы поссорились...

– Кто? С кем?

– Ну... там, в общине. Белкин убирал, пе-е... перетряхивал постели и нашел золото. То есть... да, золотые самородки. Два... побольше и поменьше.

– Где нашел?

– В-в... в кровати... у-у гуру Нангавана. Он их там прятал. Хаким, что ты молчишь? Подтверди, что я г-говарю пра... правду...

Хаким не собирался выручать Якова. Пусть сам выпутывается. Он стоял, невозмутимо наблюдая за этой сценой.

– Кто прятал золото? – не понял Марат.

– У-учитель! А Белкин нашел. Случайно. У нас в-вышел спор... Все переругались и даже... чуть не подрались. Гуру не х-хотел признаваться, откуда у него золото. А мы требовали... П-потом он все-таки признался, что... золото создал он. Сам! Что у него открылся божественный дар...

– Что за бред? Ты хочешь сказать, золотые самородки создал гуру? – удивился Марат.

– Нет, конечно... Ему никто не поверил. Все стали о-обсуждать и гадать, где Нангаван мог найти золото. Он обманул нас! Духовный наставник, называется. Проповедует отказ от мирского, а сам... золото где-то нашел и с-спрятал... Такие они все... святоши! Им бы урвать для себя побольше да пожирнее, а простым людям – шиш!

Калитин поднял глаза на Хакима. Тот кивнул.

– Приблизительно так все и было.

– Почему же вы мне не рассказали? – возмутился Марат.

– В общине нельзя было. Мы поклялись держать все в секрете. Сами понимаете, о золоте посторонним не говорят. Я хотел на обратном пути обсудить этот вопрос. Не успел.

– Т-а-ак... – «член комиссии» уселся на камень и потер затылок. – Час от часу не легче. Ваши *гираваки* – настоящие партизаны. Ни один не признался. Болтали о чем угодно, а главное утаили. И гуру тоже хорош! Золотоискатель...

Хаким повел головой в сторону Якова.

– Может, его связать?

– Не надо! – взвизгнул тот. – Я не виноват...

– Куда он денется? – отмахнулся Марат. – Лучше скажите, что это за

история с золотом?

Хаким улыбнулся и развел руками.

– История удивительная. Нангаван утверждает, что у него появился божественный дар – создавать золото. Из ничего. В буквальном смысле из воздуха.

– Да ну? Вы шутите...

– Вовсе нет. Посудите сами, откуда у него самородки? Оба лежали под матрацем, на котором он спал. В углублении между досками.

– То есть... если бы Белкин не принялся перетряхивать постели, это так и осталось бы тайной Учителя?

– Не знаю. Наверное, Нангаван не был до конца уверен в своей новой способности, вот и молчал. Я бы на его месте поступил так же. Согласитесь, золото – вещь далеко не безобидная, даже в некотором роде опасная.

– Вы полагаете, гуру действительно умеет получать из воздуха золотые самородки?

Хаким пожал плечами.

– Но откуда-то они взялись?

– Может, Нангаван их нашел.

– Где? Здесь раньше жили таджики. Если бы в горах находили золото, как вы думаете, бросили бы жители кишлак?

Марат вынужден был признать его правоту. Золото влекло бы сюда искателей легкой наживы, а не наоборот.

– Хорошо, – кивнул он. – Допустим невероятное: ваш гуру создал самородки. Сможет он повторить это?

– Зачем? Такую способность не стоит афишировать. Он правильно делал, что помалкивал. Как только Белкин нашел золото, в нашей общине началась ужасная смута. Все переругались и едва не перегрызли друг другу горло. По-вашему, это нормально? Атмосфера накалилась до предела. Вот Яков! Думаете, он поплелся бы за нами в такую ненастную ночь, если бы не золото? Еще и нож прихватил. Желтый металл – изобретение дьявола! Он делает с людскими душами все, что хочет.

Калитин долго и внимательно смотрел на Хакима.

– Вы меня разыгрываете?

– Предоставляю вам возможность самому разобраться в этой головоломке, – усмехнулся тот. – Задействуйте свои резервы. Думаю, у вас получится.

– Вы покажете мне самородки? – спросил Марат.

– Конечно. Куда же теперь деваться? Потрогаете, попробуете на зуб...

Как же без этого?

– Издеваетесь.

Хаким оставил эту реплику без ответа.

– Вставай, Яков, – сказал он поникшему молчуну. – Замерзнешь. Нам пора возвращаться.

Марат протянул дрожащему от холода и пережитых волнений Якову руку и помог встать на ноги.

– Пойдешь впереди. И не вздумай баловать! – строго предупредил он. – Давай шагай. Ну!

Они отправились в обратный путь, спотыкаясь и задыхаясь от ветра.

– Собачья погода, – ворчал Хаким. Яков, едва живой, ковылял по камням.

Марату казалось, что кто-то провожает их настороженными взглядами. Или это горы сурово взирали на незваных гостей.

Темное, полное снега и влаги небо лежало на высокой груди Памира. Приближался холодный рассвет...

Глава 22

Галактика Безымянная. Далекое прошлое

Команда «Этлона» выходила из сна в камерах пассивного присутствия. Это было самым неприятным, – полуявь – полусон, какая-то болтанка между небытием и реальностью. Наконец все пришли в сносное состояние.

Тэлл Элакриэн пригласил экипаж в Круглый Отсек. Так называлось помещение, где обсуждались дальнейшие действия. Каждый имел право голоса, но окончательное решение принимал Тэлл.

Он включил бортовой экран, и перед присутствующими простерлась мрачная и таинственная Безымянная Галактика. Вернее, тот ее сектор, куда направлялся «Этлон». Все замерли...

– Ничего особенного, – пошутил Хэйр, чтобы подбодрить своих ребят. – Звезды как звезды.

– Космос, он везде космос, как говорит наш мудрый Стэлл Ор, – улыбнулся Элакриэн.

Он повернулся к Уллу, который на борту выполнял обязанности эксперта. Тот уставился на свои приборы и молча следил за показаниями.

– Эта Галактика обладает большой плотностью, – наконец сообщил Улл. – Природа сего явления недостаточно изучена. Нам придется снизить скорость.

– Хорошо.

От кабины управления Круглый Отсек отделяла прозрачная перегородка, которая бесшумно раздвинулась, пропуская Тэлла, Найса и Кори к приборным панелям. Таким образом, весь экипаж оказался как бы в одном помещении, условно разделенном на две части. Это не мешало им слышать друг друга.

Тэлл обратился к главному бортовому компьютеру и выяснил, что «Этлон» несколько отклонился от курса.

– Найс, давай посмотрим еще раз ориентировку флажей, – сказал он помощнику. – Не нравится мне все это.

Найс пощелкал кнопками, и пространственная картина Безымянной сменилась звездной картой.

– Нам нужно вот сюда, – показал Найс на вытянутую туманность.

«Этлон» стремительно приближался к цели.

– Кори, свяжись с центром космических полетов во Флайкилле, – приказал Элакриэн. – Сообщи, где мы находимся.

Откуда ни возьмись появилась тревога, которая нарастала по мере того, как корабль углублялся в просторы незнакомой галактики.

– Мы отклоняемся от курса, – доложил Найс. – И снизить скорость не удается. Такое впечатление, что нас притягивает «магнитная воронка».

«Магнитными воронками» пилоты Хелиона называли участки пространства, обладающие сильным притяжением непонятого происхождения. Обычно такие места были хорошо известны и обозначены на звездных картах. Однако Безымянная Галактика оставалась для цивилизаций, занимающихся освоением дальнего космоса, белым пятном.

Хэйр, Манх, Арра и Сэнф молча следили за развитием событий. Уловив в голосе Найса нотки волнения, командир космовоинов поднялся со своего места.

– Пойду займусь лучевыми пушками, – ни к кому не обращаясь, сказал он. – Заодно проверю внешние поля защиты.

Хэйр вышел из Круглого Отсека и вызвал лифт. Вся конструкция огромного корабля, считавшаяся такой надежной, вдруг показалась ему излишне перегруженной элементами, обеспечивающими комфорт пребывания в космосе. Лучше было сделать упор на повышенную выживаемость звездолета в любых условиях.

– Впрочем, это только моя точка зрения, – пробормотал Хэйр, спускаясь в технический коридор, опоясывающий нижние отсеки «Этлона».

Тем временем Кори безуспешно пытался связаться с Флайкиллом.

– Мы продолжаем отклоняться от курса, – доложил он Тэллу, как будто тот сам не видел. – И связи нет.

– Нас предупреждали, что такое возможно, – отозвался пилот. – *Кассиоресы* тоже не работают?

– Обычные бортовые отказали. Можно использовать аварийный.

– Рано, – подумав, возразил Тэлл. – Мы пока что целы и невредимы. Если использовать потенциал аварийного *кассиореса*, то в следующий раз нам удастся связаться с Хелионом очень не скоро.

«Этлон» сильно отклонился от курса, и замедлить его стремительное скольжение в черноту Безымянной не удавалось. Тэлл не сводил глаз с таймера, отсчитывающего время. Было ощущение, что все остановилось.

Вернулся Хэйр и молча занял свое место. Тэлл пригласил его в кабину управления.

– Ну как, все в порядке? – спросил он.

– Вроде бы... – неопределенно ответил командир космовоинов. – Мне показалось, внешняя обшивка сильно вибрирует. Если бы не защитное поле, «Этлон» остался бы без «кожи». Ну, а мы, соответственно...

– Обшивка выдержит, – перебил Найс. – Должна выдержать. Правда, она не рассчитана на такую плотность пространства... но все же я надеюсь.

– Что бы мы делали без надежды? – усмехнулся Тэлл. – Надежда – невеста пилота!

– Скорость падает, – радостно воскликнул Найс. Элакриэн оторвал напряженный взгляд от таймера.

– Попробую выровнять курс...

Он разговаривал с «Этлоном», как будто корабль мог понимать его. Все притихли.

– Курс выравнивается, – сообщил Тэлл. – Медленнее, чем хотелось бы, но и это славно. Перед нами, прямо по курсу, планетная система. Заглянем?

Он включил экран просмотра объектов и установил увеличение.

– Связи с Хелионом нет, – доложил Кори. – Я оставлю автоматическое соединение. Если что...

– Ладно.

Все так обрадовались благоприятному изменению ситуации, что не обратили на слова Кори особого внимания. Может, и связь еще появится.

На экран выплыла бурая поверхность огромной планеты, покрытая сухими кратерами. Кое-где громоздились остроконечные горы, прорезанные черными тенями.

– Не похоже, чтобы она была обитаема, – доложил Улл. – Сейчас просканируем, тогда скажу точнее...

Он склонился над приборами.

– Надо придумать имя этой красавице, – предложил Тэлл. – Как-никак, мы – первооткрыватели!

Хэйр привстал, чтобы лучше видеть.

– Я бы назвал ее Сумрачная, – сказал он. – Уж очень неприветливо выглядит.

– Сумрачная так Сумрачная, – согласился Элакриэн.

Он пристально всматривался в изображение на экране. Один объект на поверхности планеты показался ему не похожим на все остальное.

– Что это? – спросил Найс, указывая на тот же объект. – Давай увеличим.

На объект падала тень от горной гряды, но все равно можно было узнать в его очертаниях старый косми – ческий корабль в виде огромной плоской тарелки, полусасыпанный рыжей пылью.

– Ну и монстр! – удивился Найс. – Когда это такие делали?

– Неизвестно, какого уровня развития достигли здешние цивилизации, – вмешался Хэйр. – Судя по кораблю, довольно невысокого.

Элакриэн понял, что тарелка лежит на Сумрачной давным-давно. Экипаж либо бросил ее, либо погиб. И это явно не те, кого они ищут. Инка Уайкопака удрал с Ацтланики на звездолете типа «Космический Змей», построенном в Тиутоакане по проекту хелионцев.

– Э, да тут еще один! – воскликнул Найс, щелкая кнопками. – Смотрите!

По другую сторону гор, повалившись на бок, лежал длинный закругленный цилиндр, покрытый пылью.

– Да это же «Фаг», пропавший корабль флажей, – догадался Элакриэн. – Кори, ты можешь связаться с ними?

Тот с сожалением сделал отрицательный жест.

– Связь не работает.

– А *кассиоресы*?

– У флажей на борту их нет, насколько мне известно. Можно попробовать пробиться к их бортовому компьютеру, но... наш сам будто взбесился. Не желает осуществлять связь ни в каком виде!

– Ты думаешь, экипаж еще жив? – с сомнением спросил Найс.

– Мы должны проверить. Кроме нас, им тут не на кого рассчитывать.

– Почему связь не работает? – возмутился Кори. – В остальном, кажется, все наладилось.

Действительно, все системы «Этлона» заработали в прежнем режиме, как будто и не было всплеска неповиновения. Звездолет слушался и чутко реагировал на управление.

– Могу доложить обстановку, – заявил Улл. – Атмосфера на Сумрачной сильно разреженная, кислотная, для дыхания абсолютно непригодная. Я имею в виду, не только для нас, но и для других сложных организмов. Растительности нет, воды тоже. Температура низкая. Больше подробностей будет после детальных исследований. Только зачем их проводить?

– Вот и я думаю, зачем? – согласился Тэлл. – Беглецов тут нет и, по всей видимости, не было. Что им делать на Сумрачной? Единственное, чем стоит поинтересоваться, жив ли экипаж «Фага». Если да, – окажем им посильную помощь. Если нет... отправимся дальше. Мы не можем задерживаться без веских причин.

– Будем садиться? – спросил Найс.

Космовоины не принимали участия в разговоре, хотя все слышали. Это не входило в их компетенцию. Но когда речь зашла о посадке на

незнакомую планету, они заволновались.

– Я против! – решительно заявил Хэйр. – Моя задача – обеспечивать безопасность. Посадка на Сумрачную должна быть оправдана.

– А «Фаг»? Бросим его на произвол судьбы? Командир космовоинов стоял на своем.

– Это меня настораживает, – сказал он. – Как «Фаг» оказался на Сумрачной? Потерпел бедствие? А тарелка? Что случилось с кораблями и экипажами? Мне это не нравится.

– Мне тоже, – вздохнул Элакриэн. – Тем более надо выяснить, в чем дело. И помочь флажам, если они еще живы...

Планета Земля, Памир. Наше время

Батыркулов с утра чувствовал себя хуже некуда. Разболелся желудок: давала о себе знать старая язва.

– Я буду только чай, – раздраженно сказал он черноглазой таджичке, которая принесла ему завтрак.

Та забросила длинные косы за спину и вздохнула.

– Может быть, попозже?

– Нет, я сказал! – рявкнул Батыркулов. – Забирай все!

Через минуту ему стало стыдно. Он даже захотел извиниться за резкость, но девушка уже ушла. В желудке вспыхнул очаг боли, как будто изнутри жгло каленым железом. Председатель комиссии вспомнил, что оставил свои таблетки дома в Душанбе, и заскрипел зубами от досады.

– К вам можно? – просунул голову в дверь Изотов.

– Заходи, – ответил Батыркулов, преодолевая дурноту.

На лбу выступила испарина. Он достал из кармана носовой платок и промокнул лицо.

– Неважно выглядите, Хушкадам Одилович, – сказал инженер, усаживаясь на длинную скамью.

– Сам знаю. У тебя ко мне дело? Изотов кивнул.

– Тогда говори. Чего мнешься?

– Я вижу, вы не в духе...

– А ты не обращай внимания! – разозлился Батыркулов. – В духе, не в духе! Я не жених, а ты не красна девица. Мы с тобой и без любви поговорить можем.

– Ладно, я в другой раз зайду, – пробормотал Изотов, поднимаясь.

– Сядь! Ну, язва у меня разыгралась! Так скрутила, что сил нет терпеть... Аж в глазах темно. Настроение тоже... соответствующее.

– Может, я за врачом сбегаю?

Батыркулов от боли забыл, что у него в комиссии есть врач и медикаментов в медпункте строителей достаточно. Хоть бы укол обезболивающий сделать, сразу бы полегчало.

– Говори, зачем пришел, – уже спокойнее произнес он. – Врачи потом. Успеется.

– Я про нишу, что в горе обнаружилась. Надо бы ее исследовать. Правда, там завал образовался. Взрыв произвел двойное действие: с одной стороны, открыл нишу, с другой... там породы насыпалось немерено.

– Породу разобрать можно, – сказал Батыркулов, прислушиваясь к боли в желудке. – Чем вам и следует заниматься. Завал в туннеле положено было ликвидировать в течение трех дней. А уже сколько прошло?

– Проходчики отказываются разбирать завал в районе ниши. Боятся.

– Заставьте солдат! Что вы с ними панькаетесь? Детский сад...

– Военные делают, что приказано, но... вяло. Иными словами, скрыто саботируют ведение работ по очистке туннеля.

Батыркулов развел руками.

– Что ж ты от меня-то хочешь, братец? Мои эксперты что могли, сделали. Пробы грунта и воздуха брали, радиоактивность замеряли... Все почти в норме для данной местности. Самому мне туда идти породу разгребать? Ты этого требуешь?

– Нет, конечно, – растерялся Изотов. – Как же быть?

– Не знаю!

Председатель отвернулся и посмотрел в окошко вагончика. Было пасмурно, моросил мелкий дождь. Строители стояли группами по два-три человека, курили, что-то лениво обсуждали. Они явно не спешили в туннель.

– На что тебе сдалась эта ниша? – с досадой спросил Батыркулов.

– Так ведь... наверное, в ней вся загвоздка. В этом месте творится что-то странное. Вот и...

– Горит, да? – не дослушал председатель. – Невтерпеж? Подождать никак нельзя?

– Можно... – опешил Изотов. – Только вы же сами подгоняете. О сроках напомнили.

– Ладно, подумаем, – морщась от очередного приступа боли, сказал Батыркулов. – Сходи, братец, за врачом. Пусть укол мне сделает. Вели, чтобы он все необходимое с собой взял.

Председатель комиссии так побледнел, что Изотов вскочил и опрометью кинулся в медпункт.

По дороге он едва не сбил с ног Марата, который шел ему навстречу с двумя мужчинами. В одном инженер узнал Женю Голдина, а второй был ему незнаком.

– Куда это вы так торопитесь, любезнейший? – со скрытым ехидством осведомился «Багров».

– За врачом, – на ходу бросил Изотов. – Батыркулову плохо!

Мужчины переглянулись и направились к вагончику, где расположились члены комиссии.

– Я к ребятам, – сказал Голдин, прощаясь. – Узнаю, какие у них планы. Вдруг Илья тоже решил возвращаться в Москву. А когда нам можно будет уехать?

Марат обвел окрестности задумчивым взглядом. Горная гряда тонула в молочной мгле. Все казалось серым, унылым.

– Думаю, что скоро, – ответил он. – Совсем скоро.

– Да? – обрадовался Голдин, и его мальчишеское лицо озарила улыбка. – Тогда я побежал!

Хаким, – это он был вторым мужчиной, который пришел с Маратом из общины, – удивленно хмыкнул.

– Чего это он скачет, как горный козел?

– Молодой еще... глупый, – ответил Калитин. – И счастливый в своем неведении.

– А мы с тобой – умудренные жизнью аксакалы, – пошутил Хаким.

Совместная «прогулка» к Священной Горе сблизила их, и они перешли на «ты».

– Что-то вроде этого, – серьезно кивнул Марат. Он открыл дверь вагончика, пропуская Хакима внутрь. – Сначала отдохнем, а потом нам предстоит долгий, очень долгий разговор.

Вагончик был пуст. Все разбрелись по своим делам. На столе стояли пиалы, тарелка с лепешками и пузатый чайник.

– Еще теплый, – сказал Марат. – Будешь?

Хаким отказался. Они сразу легли. Все тело гудело от усталости, особенно ноги. Хаким, несмотря на это, быстро уснул, а Марат все вспоминал... как они ночью возвращались в общину, как привели Якова, как закрылись в комнате Нангавана и попытались вызвать его на откровенность...

Гуру казался безумным. Его глаза ничего не выражали, кроме жажды поскорее избавиться от назойливых расспросов.

«Степан Макарович, расскажите мне о золоте», – попросил Марат.

«О каком еще золоте?» – вскинулся Нангаван.

Он надеялся, что ему удастся избежать запретной темы. И вопрос поверг его в замешательство.

«О том золоте, которое обнаружилось у вас под матрацем. Два самородка – побольше и поменьше. Припоминаете?»

«Почему я должен отвечать вам? Какое вы имеете право вмешиваться в нашу жизнь отшельников? Мы уединились здесь, в горах, для медитации...»

«Да-да, я знаю, – перебил его "член комиссии". – И про уединенную жизнь, и про медитации. Меня интересует золото. Вы понимаете?»

«Какое золото? Что вы себе позволяете, молодой человек?»

Хаким шумно встал, вышел и через пару минут вернулся с темной тряпицей, в которую были завернуты самородки.

«Вот о чем идет речь», – сказал он и положил самородки на стол.

«Где вы их взяли, господин Чичагов?» – наступал Марат.

Нангаван уставился на золото, как будто впервые его увидел.

«Как ты смеешь? П-предатель! – брызгая слюной, закричал он на Хакима. – Ты променял духовное братство на... на суету мирскую! На подлость! Ты не посчитался с нашим мнением. Ты... не знаешь, на что замахнулся, негодяй! Берегись же, отступник! Священная Гора не простит измены, она отомстит... Страшно отомстит!»

Нангаван вскочил было, но силы оставили его, и он рухнул обратно на скамью.

«Не надо так нервничать, господин Чичагов, – спокойно сказал Марат, разглядывая самородки. – Это вредит здоровью. Лучше признайтесь, откуда у вас золото?»

«Какое ваше дело, в конце концов? – устало выдохнул Нангаван и закрыл глаза. – Я его не украл. Это... дар Божий. А что вам известно о Господе и дарах его? Отступники... Для вас не осталось ничего святого! Ничего высшего...»

«Вопрос стоит очень серьезно, – строго сказал Марат. – Из-за золота уже пострадали два человека. Один находится в больнице, а другой... убит. Так что в ваших же интересах рассказать мне все, господин Чичагов».

«Кто убит? Что за чушь вы несете! Вы мне угрожаете?»

«Боже упаси...»

«Не упоминайте имя Господа всуе! – завопил Нангаван, подсакивая от возмущения. – Вы все лжете! Кто пострадал? Что вы еще придумали? Мои ученики живы и здоровы. Не надейтесь, что вам удастся сбить меня с толку.

Знаю я ваши штучки!»

«Господин Багров не имеет в виду членов общины, – вмешался Хаким. – Речь идет о других людях».

«Д-других?»

Нангаван оторопел. Он словно наткнулся на невидимую преграду, которая вмиг отсекала его от привычного обжитого мира, где он чувствовал себя хозяином.

«Как... не членов... – пробормотал он одеревеневшими губами. – Разве... разве...»

Он хотел спросить: «Разве кто-то еще овладел тайной создания золота?» – и не смог. Язык не слушался его, а тело охватила дрожь. Его мечта о собственной исключительности, избранности и божественной уникальности рушилась под взглядами этих двух уверенных в себе, наглых мужчин. Они... вторглись в его святая святых и похитили его чудесный дар, его сокровенное знание...

«Где вы взяли золото, Степан Макарович?»

Нангаван слышал и видел теперь будто сквозь туман. Однако же нужно было что-то отвечать, сохранять вид мудрого и достойного человека, которому открылись истинные высоты духа...

«На Священной Горе!» – высокопарно заявил он.

«Это там, где вы, простите... общаетесь с инопланетным разумом?» – спросил Марат.

«Да как вы смеете! – задохнулся от возмущения гуру. – Вы... хотите сумасшедшим меня сделать? Не выйдет! Просчитались, господа!»

Он захохотал, закатывая глаза, бледный и дрожащий.

«Я не какой-нибудь рехнувшийся маньяк, полоумный идиот! – выкрикивал Нангаван в промежутках между приступами безумного смеха. – Я... Вот оно, созданное мной золото! Его можно не только увидеть, но и пощупать. Смотрите! Трогайте! У вас не получится превратить меня в мелкого, жалкого шарлатана, мошенника! Золото перед вами! Вот оно... вот...»

Он схватил в руки самородки, пожирая их глазами и словно убеждая себя самого в том, что они существуют, что они – не плод его большой фантазии...

Марат застонал, вспоминая эту тошнотворную сцену. Хаким проснулся и приподнялся на локте.

– Что случилось? – спросил он.

– Ты уже не спишь?

– Нет...

– Я так и не сомкнул глаз. Вспоминал разговор с Нангаваном. Ужасные вещи иногда происходят с людьми.

– Отдохни, – сказал Хаким. – У нас еще есть время.

– Я должен все обдумать...

Марат почти сложил разрозненные факты в более-менее стройную картину. Ему не хватало нескольких деталей...

Глава 23

Галактика Безымянная. Далекое прошлое

Поверхность Сумрачной покрывал толстый слой рыжей пыли. При каждом шаге пыль поднималась и клубилась, окутывая ноги почти до половины. Звездолет флажей лежал у подножия черных блестящих гор, неподвижный и немой, словно огромная уснувшая рыба.

Экипаж «Этлона» разделился. Трое остались на борту, а Тэлл с военными отправился к «Фагу» прояснить обстановку.

– Сдается мне, никого тут нет, – произнес Хэйр, показывая рукой в сторону завалившегося на бок корабля.

Хелионцы в защитных костюмах из эйла – сверхпрочного бесцветного материала – с золотистыми круглыми шлемами на головах выглядели призраками на этой мертвой планете.

– Мы сможем проникнуть внутрь? – спросил Элакриэн.

Хэйр сделал неопределенный жест.

– Придется вскрывать обшивку, – ответил он. – Не знаю, стоит ли. Кому знакома конструкция «Фагов»? Удастся открыть входной люк?

– Вряд ли... даже если на борту живых нет, автоматически включается внешняя защита. Это решение принимает главный компьютер. Если он еще действует.

– Понял, – сказал Хэйр и поднял вверх блестящее дуло страфера.^[11] – Попробуем.

Бесшумный луч проделал длинную борозду на обшивке «Фага», не причинив тому особого вреда.

– Так я и думал, – усмехнулся командир космовоинов. – Арра, давай сюда твою пушку!

Элакриэн сомневался, стоит ли применять волновую пушку, которую они называли между собой «черепаший глаз». Ее импульс обладал ужасающей разрушительной силой.

– Подожди! – остановил он Арру, который нацелился в то место, где виднелись очертания люка. – Сейчас мы проделаем в обшивке огромную дыру... и что потом? Вдруг внутри есть живые? Мы не сможем забрать их на «Этлон». Наша дыхательная смесь им не подойдет.

– Возьмут свою, – отмахнулся Арра.

– Тэлл прав, – вмешался Сэнф. – Нам же ничего не известно. «Фаг» пропал давно, и дыхательная смесь на борту может быть на исходе. Лучше всего просто сообщить на Флажин-Сиук, что мы обнаружили их корабль, и пусть они сами решают эту проблему. Мы не можем покинуть Безымянную, пока не обследуем все планетные системы, указанные в ориентировке.

– Связи нет, – напомнил Манх. – И неизвестно, появится ли. Давай, Арра, пали! По крайней мере узнаем, что случилось с экипажем.

Тэлл не мог смириться с таким исходом дела.

– Подождите! – возмутился он.

В это мгновение со стороны гор раздался странный свистящий звук, сопровождающийся сотрясением почвы. Сильные толчки сбили астронавтов с ног, поднимая вокруг настоящую пыльную бурю. Видимость сразу пропала. Элакриэн с трудом приподнялся, пытаясь рассмотреть, куда кого разбросало. Напрасный труд...

– Хэйр, ты меня слышишь?

Сквозь хрипы и шум в переговорном устройстве до него донесся голос Хэйра.

– Надо уходить...

Непроницаемая бурлящая тьма сковывала движения. Давление нарастало: Тэлл чувствовал это по сжатию костюма.

– Возвращаемся! – скомандовал он, надеясь, что его услышат.

– Не стреляйте! – донесся голос Арры. – Видимость нулевая. Мы можем попасть друг в друга! Включите маяки!

В ушах у Тэлла раздался мелодичный сигнал, который усиливался по мере приближения к кораблю и ослабевал по мере отдаления.

Он возблагодарил небеса, что хоть маяки еще работают. Пробираться сквозь пыльную бурю было тяжело, он то и дело падал. С каждым разом подниматься становилось все труднее. Сквозь рев в переговорном устройстве он улавливал новые пронзительные звуки, перемежающиеся ужасающим грохотом.

Сила вихрей была такова, что шлем и защитный костюм чудом выдерживали. К счастью, до «Этлона» добрались без потерь. Люк открылся, и бурые от налипшей пыли космовоины ввалились в переходной отсек.

– Где пилот? – встревоженно спросил Хэйр.

– Вот он я...

Едва Элакриэн забрался внутрь, люк автоматически закрылся. Все

повалились прямо на пол, не в силах пошевелиться. Некоторое время было слышно только шумное, прерывистое дыхание.

– Ну, и что это было? – первым нарушил молчание Хэйр.

– Какая – то буря...

– Ничего себе буря! – отозвался Арра. – Я чуть не потерял «черепаший глаз», так его рвало из рук. Хорошо, что ремень выдержал испытание на прочность. Еще немного, и мы бы остались там, рядом с «Фагом».

– Надо быть осторожнее, – сказал Сэнф. – По-моему, здесь все слишком плотное. Даже пыль. Не следует покидать корабль без особой нужды.

Элакриэн подумал, что эйл, из которого сделаны не только их защитные костюмы, но и обшивка «Этлона», может быть не так надежен в этой коварной галактике.

– Включите дезинфектор, – устало приказал он, поднимаясь и занимая специальную кабинку. – Надо смыть эту гадость.

Очищающий газ упругими струями хлынул на астронавтов. На сетчатый пол кабинок потекла бурая грязь, исчезая в сквозных отверстиях.

– Она еще и липкая, эта мерзкая пыль, – с отвращением вымолвил Арра. – Приклеилась, как положено. Не отдерешь!

– Жуткая вещь, – поддержал его Сэнф. – Никогда такого не видел. Если бы вдруг порвались костюмы...

Он брезгливо содрогнулся.

– Попрошу не делать таких предположений! – рассердился Хэйр.

Астронавты постепенно приходили в себя, их настроение улучшилось. Снимая тщательно вымытые костюмы, они уже пытались шутить.

Найс, Улл и Кори встретили их тревожно-радостными улыбками.

– Связь есть? – спросил Тэлл. Кори сразу помрачнел.

– Нет, – коротко ответил он и занялся своей работой.

– Что будем делать дальше? – Тэлл обвел взглядом свою команду.

– Надо взлетать, – решительно заявил Хэйр. – Здесь зона повышенной опасности. Мы рискуем.

– А «Фаг»?

– Мы попытались помочь... Если наладится связь, Кори сообщит о местонахождении «Фага» любому, кто откликнется. Пусть выпутываются, как могут. У нас своя задача.

«Этлон» потряс мощный толчок. На экране внешнего обзора было черно. На корпус корабля посыпались удары.

– Что происходит? – не понял Найс. – Улл, ты можешь объяснить?

Тот молча нажимал кнопки. Экран тускло засветился красным, и на

нем проступили очертания корабля, окруженного вихревыми потоками густой пыли. Никаких камней, обломков скал, каких-либо иных предметов в этих потоках не было.

– Что стучит по обшивке?

– Наверное, энергетические толчки, что-то вроде ударных волн, – ответил Улл.

– Они природного происхождения или...

– Не знаю.

– Необходимо подавить источник возмущения, – сказал Хэйр.

Удары усилились, и Элакриэн понял, что эйл не выдержит. Хотя обшивка корабля была сделана из самой прочной его разновидности, она трещала под напором бури, грозя начать разваливаться. Не успел он подумать об этом, как...

– Смотрите! – закричал Найс, уставившись на экран. – Отлетают какие-то куски! Это обшивка!

Элакриэн принял решение.

– Немедленно взлетаем! – скомандовал он, отдавая приказ главному бортовому компьютеру.

«Этлон» несколько раз вздрогнул, неуклюже оторвался от поверхности Сумрачной и поплыл вверх, продолжая терять куски обшивки.

– Проклятие! – воскликнул Найс. – Что-то повреждено!

На панелях управления загорелись разноцветные индикаторы, подавая тревожные сигналы.

«Этлон» преодолел притяжение Сумрачной и вышел в открытый космос. Безымянная Галактика показала свои зубы.

– Планета-ловушка, – сказал Найс. – Мы едва не стали еще одной ее жертвой.

«Этлон» следовал своим курсом, но очень скоро всем стало ясно, что полученные кораблем повреждения более серьезные, чем показалось вначале.

– Придется садиться и производить ремонт, – заявил Улл после детального обследования состояния обшивки и систем «Этлона». – В полете это сделать невозможно.

Элакриэн принялся рассматривать звездную карту.

– Если нам повезет, мы дотянем вот сюда, – сказал он, показывая на планетную систему с левого края большой туманности.

Однако провидение распорядилось по-другому. «Этлону» пришлось совершить вынужденную аварийную посадку значительно раньше намеченного...

Планета Земля. Наше время

Ангелина Львовна чудом не опоздала на самолет. Она была последней из пассажиров, прошедших регистрацию на рейс Москва – Душанбе.

Марат позвонил ей ночью и попросил, чтобы она немедленно вылетала.

– Я буду встречать тебя в Калаихуме, – сказал он. – Там и поговорим.

Она хотела спросить, почему вдруг такая спешка, но он уже положил трубку.

Закревская не стала долго раздумывать. Она выбрала ближайший рейс и начала собираться.

Все пассажиры уже заняли свои места, когда Ангелина Львовна пробиравалась к своему креслу следом за миловидной стюардессой. Она была взволнована и не смотрела по сторонам. Одно мелькнувшее лицо показалось ей смутно знакомым, но она не стала заострять на этом внимание. Ее поглотили мысли о Марате и о том, почему вдруг он вызвал ее в Таджикистан. Да еще так срочно.

По дороге в аэропорт Ангелина Львовна попросила таксиста подождать и заскочила в офис. Она решила взять с собой магический шар. Решение пришло спонтанно, и она не сопротивлялась ему. Просто открыла кабинет Самойленко, взяла шар и положила его в сумку. Поколебавшись, написала коллеге записку с просьбой сообщить ее пациентам, что сеансы отменяются на неопределенный срок. Ей было все равно, как они это воспримут. Разбегутся... и бог с ними. Ее вдруг охватила странная беспечность. Будто бы она уезжала в путешествие, откуда не возвращаются.

Было совсем рано. Город еще досматривал предутренние сны.

«Позвоню Олегу из Душанбе, объясню все, – подумала она, усаживаясь в такси. – Потом разберемся...»

Водитель выбросил окурок и повернулся к пассажирке.

«Едем?»

«Гоните, голубчик, я на самолет опаздываю!»

Уже сидя в кресле салона и глядя в иллюминатор на мокрую от ночного дождя взлетную полосу, Ангелина Львовна перевела дух. Она все успела.

Самолет поднялся в воздух, набрал высоту и взял курс на Душанбе. Теперь можно расслабиться. Она закрыла глаза и начала представлять себе встречу с Маратом. Кто он ей? Бывший пациент? Друг? Возлюбленный?...

– Что будете пить?

Стюардесса предложила на выбор сок, чай и минеральную воду.

– А кофе у вас есть?

Девушка кивнула:

– Сейчас принесу...

Кофе был слишком горячим. Ангелина Львовна обожглась и оставила чашку. Ей захотелось есть. Она вспомнила, что ничего не ела с тех пор, как позвонил Марат. Зачем его понесло в Таджикистан? Что у него стряслось? Говорил, едет обсуждать с приятелем совместный бизнес...

«Я люблю его?» – спросила она себя.

Рядом с ней сидела строгая пожилая дама в седых кудряшках. Она подозрительно косилась на беспокойную соседку, которая нервно ерзала и чуть не пролила кофе.

– Все в порядке, – сказала Ангелина Львовна и улыбнулась даме.

Та надменно вздернула подбородок, отвернулась.

Закревская обрадовалась, что дама не захотела разговаривать. Ее страшно утомляли ничего не значащие, пустые разговоры между попутчиками, которые приходилось поддерживать из вежливости. Гораздо приятнее было просто сидеть и ни о чем не думать.

Она закрыла глаза... однако прогнать мысли не удалось. В голову лезло то одно, то другое. Ангелина Львовна вспомнила, что не взяла с собой зонтик. Она терпеть не могла собираться впопыхах. Обязательно что-нибудь забудешь.

Внезапно перед ней возникло лицо человека, которое показалось ей знакомым. Кто он? Интересующий ее пассажир сидел сзади. Как же посмотреть? Оглядываться неприлично...

– Пойду в туалет, – сказала она даме.

Та с таким недоумением уставилась на нее, что Ангелина Львовна едва сдержала смех. Наверное, ее сообщение вызвало у дамы благородное негодование.

Закревская медленно шла по салону, косясь на пассажиров.

– Здравствуйте, Ангелина Львовна, – вежливо сказал мужчина, слегка приподнимаясь и кивая головой.

Больше он ничего не добавил, не выразил удивления, что она летит тем же рейсом.

Это был Ревин. Рядом с ним сидел холеный господин в отлично сшитом дорогом костюме. У господина были черные волосы и черные глаза на бледном лице, его яркие губы сложились в холодную, равнодушную улыбку.

Закревская остановилась. Чего-чего, а такого она не ожидала.

– Даниил Петрович? – выпалила она, забыв поздороваться в ответ. – Что вы здесь делаете?

– Лечу в Душанбе, так же, как и вы, – усмехнулся Ревин. – Вас это шокирует?

– Н-нет, но...

– У меня в Таджикистане дела, – объяснил он. – Бизнес.хлопотно бывает деньги зарабатывать. А большие деньги – вдвойне хлопотно.

Он засмеялся, сверкая золотыми зубами, и потрепал холеного господина по плечу.

– Верно?

Тот чуть растянул свою улыбку и нехотя кивнул.

Ангелина Львовна понимала, что ей давно пора идти, но продолжала стоять как вкопанная. Она заметила на пальце холеного господина золотой перстень. Хотя что здесь такого? Многие мужчины носят перстни...

Ревин развеселился.

– А что вас влечет в Душанбе, позвольте поинтересоваться? – спросил он. – Тоже дела?

– Д-да... то есть нет. Я... просто так. Никогда не была в Таджикистане.

– Путешествуете, значит? Желаю вам приятно провести время, – со скрытой иронией сказал бизнесмен.

– Спасибо...

Ангелина Львовна на ватных ногах вернулась на свое место, забыв, что направлялась в туалет.

– Знакомого встретила, – зачем-то объяснила она пожилой даме. – Он тоже летит в Душанбе.

Та поджала губы и промолчала. Ее раздражало вопиющее поведение соседки.

Закревская никак не могла унять волнение. Она немного посидела, пытаясь успокоиться, и полезла в сумку. Приоткрыв ее так, чтобы дама не могла видеть содержимого, Ангелина Львовна устала на магический шар. Зачем? Вряд ли она дала бы вразумительный ответ, если бы ее спросили об этом.

Внутри шара медленно разгоралось золотистое свечение. Ошибки быть не могло: шар реагировал на Ревина.

Ангелина Львовна захлопнула сумку и сжала ее в руках. Беспорядочные мысли теснились в голове. Звонок Марата, полет в Душанбе, Ревин на борту самолета, магический шар, золотое свечение... Она сопоставляла эти факты то так, то этак, но не могла нащупать никакой

связи. А между тем связь существовала. В простые совпадения госпожа Закревская больше не верила.

Ее лихорадило. Время полета пролетело, как один миг.

Самолет начал снижаться. В иллюминатор виднелись горы, квадраты возделанной земли, сады и белые, игрушечные дома. Ангелине Львовне казалось, что она смотрит фильм с собственным участием.

Стюардесса предложила пассажирам пристегнуть ремни и сообщила, что самолет идет на посадку.

В Душанбе стояла теплынь. Небо сияло голубизной. Воздух был полон цветочной пыльцы и запаха южных растений. Ангелина Львовна сняла куртку и повесила ее на руку. Москва с асфальтом и выхлопными газами казалась далекой и нереальной.

Закревская зашла в кафе перекусить и выпить чаю. Булочка оказалась черствой, и Ангелина Львовна ее выбросила.

Теперь ей нужно было добираться в какой-то Калаихум, где ее обещал встретить Марат. Она невольно всматривалась в выходящих из аэропорта людей, искала глазами Ревина. Но он как в воду канул. Последний раз она видела его при таможенном досмотре.

Ангелина Львовна обратилась в справочное бюро и узнала, где находится загадочный Калаихум. Приветливая таджичка терпеливо растолковала ей, как туда добраться.

– До Калаихума ходят автобусы, – с улыбкой сказала она.

– А далеко туда ехать?

– Прилично.

Ангелина Львовна вышла на улицу и взяла такси. Ее охватила лень, которую всегда навевали на нее южные города, пыльная зелень, солнце и яркая синева неба.

На автовокзале она взяла билет до Калаихума, с ужасом представляя себе поездку в тряском, душном автобусе.

Действительность оказалась еще хуже. Набитый битком автобус, пропахший старой резиной, скрипел и гремел так, будто вот-вот развалится. До Калаихума ходили и более комфортабельные автобусы, но Ангелина Львовна не захотела ждать. Она могла бы позвонить Марату и сообщить о своем приезде, но он не дал ей номера телефона.

В автобусе она безуспешно пыталась заснуть. В окна било южное солнце, сзади капризничал ребенок, его мать что-то бормотала по-таджикски. Ангелина Львовна пыталась устроиться на сиденье так, чтобы на голову не попадали солнечные лучи.

В Обигарме водитель сделал остановку. Пассажиры вышли подышать

свежим воздухом. Женщины в пестрых халатах продавали на площади лепешки, вяленое мясо, сушеные фрукты и сладости. Ангелина Львовна купила в киоске бутылку теплой минеральной воды, умылась и немного выпила.

Поднялся ветер. Его порывы ласково обдували лицо. По небу бежали легкие облака барашками. Мать с ребенком вышли, и остаток дороги в автобусе было относительно тихо. Ангелина Львовна дремала, стараясь не думать о Ревине. Через несколько часов показался Калаихум.

Она вышла из автобуса и осмотрелась. Все тело затекло, голова болела. Шофер сказал ей, что после Калаихума дорога идет вдоль афганской границы по реке Пяндж. Но у Ангелины Львовны уже не было сил испугаться.

Где же Марат? Он подошел совсем не с той стороны, откуда она ждала.

– Меня зовут Багров, – сказал он, крепко обнимая ее. – Алексей Юрьевич Багров. Запомнила?

– Запомнила. А почему Багров?

– Потом объясню.

– Как ты узнал, что я приеду этим автобусом?

– Я не знал. Просто приготовился ждать. Как добралась?

– Я жутко устала... просто ужасно... Это была пытка.

Мимо них по дороге проехал «джип» камуфляжной окраски. Ангелина Львовна подумала, что это Ревин.

– Со мной в одном самолете прилетел Даниил Петрович, – сказала она Марату.

– Один?

– Нет. С каким-то человеком.

– Так и должно быть, – непонятно сказал он. – Все идет по плану...

Глава 24

Галактика Безымянная. Далекое прошлое

– Положение критическое, – доложил Найс. – Надо срочно искать место для посадки.

Тэлл и сам все видел. Обшивка «Этлона» серьезно пострадала, некоторые системы корабля вышли из строя. Связи с Хелионом не было. Ее вообще не было.

– Надо садиться, Тэлл, – настаивал Кори.

– Куда?

– Куда угодно. У нас нет времени на раздумья. Мы либо сядем и попытаемся произвести ремонт, либо погибнем.

Пилот все еще колебался. Происшествие на Сумрачной не вдохновляло на новые приключения. Но... выбора не было.

– Вот ближайшая планетная система, – показал Найс на экран. – Нам очень повезет, если мы дотянем до нее.

– Улл, просканируй планеты и подбери более-менее сносные условия, – приказал Тэлл. – Второй пыльной бури «Этлон» не выдержит.

Он мог бы и не говорить этого. Улл прекрасно понимал, каково истинное положение вещей. Он делал все, что мог.

– Безымянная полна сюрпризов, – сказал эксперт. – Я ничего не гарантирую.

Космовоины Хэйра не вмешивались в ход событий. Они проверяли свое вооружение и готовились к вынужденной посадке на незнакомую планету. Опыт Сумрачной не добавил им оптимизма.

– Будьте готовы ко всему, ребята, – предупреждал Хэйр. – Никто не знает, что нас ждет в этих смертоносных глубинах.

– Если мы... погибнем, у нас останется возможность вернуться в Нойлех? – спросил Арра. – Лишившись здесь своих тел, мы вряд ли сможем рассчитывать на новые. Нехватка золота поставила Хелион на грань выживания. Однако Нойлех... сможет ли он принять нас?

Хэйр с мрачным видом задумался.

– Не знаю, – наконец ответил он. – Нас никто не принуждал лететь. Мы добровольно отправились на поиски Эуля. Мы все дали согласие искать его, что бы ни случилось. Это наша задача. Если мы ее не

выполним, то не сможем вернуться в Нойлех. Незавершенное действие не позволит нам этого. Компромисса не существует, вы все понимаете это не хуже меня.

– Проклятие! – Арра с такой силой сжал страфер, что тот едва не треснул. – Чувствую, застрянем мы в Безымянной надолго!

– Эй, осторожнее со страфером, – вмешался Манх. – Оружие нам еще пригодится.

Улл оторвался от своего экрана и обвел взглядом команду «Этлона».

– Эта планетка кажется мне подходящей, – указал он на маленький светящийся шарик. – Садиться будем на нее.

– Звездолет теряет скорость, – сообщил Найс.

– Выходим на орбиту этой малышки, – решился Элакриэн, включая увеличение. – Ну-ка, покажись нам во всей красе...

Изображение заняло весь голографический экран. Незнакомая планета блистала приятным голубым светом.

– Она мне нравится гораздо больше, чем Сумрачная, – сказал Хэйр.

– Сейчас мы ее рассмотрим еще ближе, – пробормотал Улл.

На экране показались огромные водоемы, среди которых виднелись довольно большие участки суши, покрытые зеленой растительностью.

Эксперт с сожалением вздохнул.

– Здешняя атмосфера нам не подойдет. Эта планета пригодна для жизни, что мы и видим, но в составе ее воздуха нет золота. Она чем-то похожа на Ацтланику.

Элакриэн ткнул пальцем в один из участков суши.

– Увеличь это!

Экран заполнила яркая, причудливая картина. Горы, прорезанные глубокими каньонами и руслами рек, пышные леса, цветущие долины, светлые строения, рассыпавшиеся среди зелени и по склонам гор...

– Похоже на города ацтланов, – задумчиво произнес Тэлл. – Найс, есть еще время? Надо бы разобраться, что к чему.

– Времени нет, – отрезал Найс. – Пора немедленно начинать посадку.

– Я понял. Выбираем самое глухое местечко, где нас никто не потревожит.

Он указал на огромную, раскинувшуюся поперек самого крупного участка суши горную систему.

– Сюда!

– Что это за белые пятна повсюду? – заинтересовался Хэйр.

– Здесь не такие горы, как на Хелионе. Похоже, это каменные массивы, скалы, покрытые замерзшей влагой. Именно она и выглядит, как белые

пятна.

«Этлон» вошел в атмосферу голубой планеты и осторожно опустился в самом сердце гор, на седловину длинной заснеженной гряды. Со всех сторон была видна одна и та же картина – гроздящиеся от края и до края могучие снежные хребты.

Сначала высадились Хэйр и его воины. Они осмотрели окрестности и доложили, что опасности нет.

– Поступим так, – распорядился Тэлл. – Найс, Улл и Кори займутся ремонтом. Манх и Арра останутся их охранять, а я познакомлюсь поближе с этим голубым шариком. Хэйр и Сэнф полетят со мной.

Из пяти модулей, находящихся на борту «Этлона», они выбрали самый маленький.

– Нам следует быть незаметными, – сказал Элакриэн.

Хэйр придерживался другого мнения.

– Полагаю, здешние обитатели весьма примитивны. У них нет ни радаров, ни летательных аппаратов. От кого нам прятаться?

– Осторожность не помешает. Тот, кто сам невидим, сможет увидеть больше.

Модуль легко оторвался от каменистой площадки и исчез за горной грядой.

– Не отвлекайтесь, – призвал к порядку оставшихся Найс. – У нас времени в обрез.

Обшивка «Этлона» представляла собой жалкое зрелище.

– У нас хватит запасов эйла? – засомневался Арра.

Он был начеку и вооружился до зубов. Помимо двух страферов Арра повесил на грудь «черепаший глаз» и держал руку на импульсной кнопке.

– Должно хватить, – ответил Найс. – С дыхательной смесью хуже. Половину арумия мы уже израсходовали.

– Плохо...

Арра нервно поворачивался, обводя пристальным взглядом горы.

– Да расслабься ты, – добродушно посоветовал Манх. – Все спокойно. Нам тут ничего не грозит.

– Мы уже расслабились... – возразил Арра. – На Сумрачной.

Неожиданно в небе, прямо у них над головами, появился летящий предмет. Арра среагировал мгновенно. Бесшумно вспыхнул луч страфера, и сверху что-то посыпалось. Манх снял с плеча короткий стержень с оплавленным кончиком.

– Это была птица! – улыбнулся он, протягивая стержень Арре. – Видишь? Все, что осталось от пера. Успокойся! А то собьешь наш модуль,

когда он будет возвращаться.

Арра поднял голову и уставился в небо.

– А здесь красиво, – заметил он. – Небо синее, как лепестки наших майолов. Тебе нравились майолы?

Манх сразу представил себе цветущую речную долину на Хелионе, тихую гладь воды и огромные голубые цветы – майолы – которые раскрывали свои лепестки только днем, навстречу ласковым лучам Хели.

– Почему ты сказал «нравились»? – недовольно уточнил он. – Что ты имел в виду?

– Сдается мне, Безымянная не выпустит нас из своих цепких объятий, – печально ответил Арра. – Может, нам и удастся вернуться на Хелион... но это будет не скоро.

Они посмотрели друг на друга, и Арра прочитал те же мысли на лице товарища.

Чтобы отвлечься, они стали придумывать имя незнакомой планете.

– Назовем ее Тайрикой, – предложил Арра.

Тайрика на языке хелионцев означало «малышка», и Манх согласился.

Найс, Улл и Кори достали баллоны с жидким эйлом и занялись восстановлением обшивки. Дело продвигалось туго. Туда, где образовались трещины и повреждения, набилась бурая пыль, ее невозможно было извлечь. Во время прохождения через атмосферу она оплавилась и намертво затвердела.

– Эйл не ложится на эту дрянь! – сердито воскликнул Улл. – Не представляю, что делать. Вряд ли он будет держаться как следует.

– Модуль возвращается! – радостно закричал Найс, и все задрали головы вверх.

Арра, на всякий случай, навел на модуль прицел страфера. К счастью, на этот раз обошлось без сюрпризов.

– Заждались? – весело спросил Элакриэн, спрыгивая на каменистую почву. – У нас потрясающая новость. Кажется, нам повезло! Беглецы здесь!

– Ты не ошибаешься? – разволновался Найс.

– Думаю, нет. Эта малышка очень похожа на Ацтланику, только сила тяжести здесь в несколько раз больше. Мы видели их города... Такое ни с чем не спутаешь. И золото. Они просто купаются в золоте!

– Выходит... Эуль здесь?

– Надеюсь, что да. Нам еще предстоит это выяснить. Итак, мы никуда не летим. Мы остаемся.

Потрясенные известием, астронавты не сразу обратили внимание на странный гул, который зарождался где-то в немыслимых глубинах гор и

постепенно нарастал.

– Что это?

Арра показал на птиц, которые с тревожными криками кружили в небе. Все прислушались, стараясь определить источник гула. Твердь под ногами дрогнула и закачалась, со склонов посыпались камни. Гул превратился в ужасный грохот и рев, мощный толчок потряс скалы, которые на глазах раскалывались и валялись в бездонные пропасти...

Прошло немало времени. «Эрбор» и «Тобус» вернулись на Хелион ни с чем. «Этлон» же бесследно канул в черных просторах Безымянной. Команда, на которую возлагалось столько надежд, так и не вернулась. Эуль затерялся где-то в укромном уголке космоса, и его не нашли.

Аффит Эмеруэн с тоской взирал на медленное угасание великой цивилизации Хелион. Он все чаще помышлял о Сонных Берегах Нойлеха, где обитала Манфи. Теперь они с Тэллом поменялись местами. Знаменитый пилот исчез вместе со своим кораблем, и никто не знал, где он и что с экипажем «Этлона». Их искали, но поиски не дали результатов.

«Великий прорицатель Ацтлана предсказал, что Эуль будет найден и возвращен, – вспоминал правитель, живо представляя себе престарелого Темоку в золотом шлеме с горящими «глазами» из зеленого хрусталя, символизирующими Вездесущее Око Бога. – Старик ошибся. Что ж, и прорицатели иногда ошибаются...»

Планета Земля. Калаихум. Наше время

В калаихумской гостинице пахло пылью и старой мебелью. В открытые окна врвался ветер, но почти не приносил прохлады. Кондиционеров не было.

– Душно, – пожаловалась Ангелина Львовна.

– Нам нужно поговорить, – невпопад сказал Калитин. – Хочешь чаю?

– Хочу. И в душ хочу.

Горячей воды не было. Из крана вытекала жиденькая теплая струйка, но помыться все же удалось. Закревская обернула голову полотенцем и в таком виде уселась за стол. Марат налил чай в желтые пиалы.

– Разговор будет долгим, – предупредил он. Она рассердилась.

– Что ты тайны устраиваешь? – возмутилась она. – Уезжал, ни словом не обмолвился куда. Позвонил, опять промолчал, в чем дело. А если бы я не приехала? Душанбе – не ближний свет. Не говоря уже об этом...

Калаихуме. Я думала, в автобусе из меня все внутренности вытрясет. Дорога кошмарная!

– Прости... – улыбнулся Калитин. – Я очень хотел тебя увидеть. Не мог вынести разлуки.

Он что-то скрывал от нее, и она рассердилась.

– Какие у тебя здесь дела? Скажешь, решил открыть в Таджикистане фотостудию?

Марат засмеялся.

– Нет, конечно.

– Зачем же ты сюда ехал из Москвы? Меня вызывал? Что происходит? Почему вдруг тебя стали звать Алексеем Юрьевичем? Что за дурость?

– Так надо, – он сделал неопределенный жест. – Видишь ли... я – член комиссии по расследованию взрыва в туннеле.

Ангелина Львовна перестала пить чай и отодвинула от себя пиалу.

– Какого взрыва? – спросила она. – В каком туннеле? Я ничего не понимаю...

– Через Язгулемский хребет прокладывают автомобильный туннель. Между прочим, и проект, и строительство частично финансировал Ревин.

– Так он, наверное, поэтому и прилетел в Душанбе, – с облегчением вздохнула Закревская. – А я-то испугалась, напридумывала всего. Как все просто, оказывается. Ты знаешь, когда я его увидела в самолете, у меня душа в пятки ушла...

– Думаю, все далеко не так просто.

– Да! – спохватилась она. – Почему у тебя другое имя? И с какой стати тебя назначили членом комиссии? Таджикистан, между прочим, чужая страна.

Она замолчала, пытаясь отыскать на его лице выражение стыда или раскаяния. Не обнаружив ни первого, ни второго, добавила:

– Ты меня пугаешь, Марат...

– Я приехал сюда под видом эксперта из Москвы. Это легенда, – признался он. – Понимаешь?

– Ты что... шпион? – ужаснулась Ангелина. – Не тот, за кого себя выдаешь?

– Никакой я не шпион. Ты можешь выслушать все по порядку?

Она схватила пиалу и залпом осушила ее.

– Налей еще чаю. Никогда не пила чай с настоящим шпионом.

– Не говори глупости, – усмехнулся он.

Закревская принялась за вторую порцию чая. От волнения ее одолевала неутолимая жажда.

– Давай, говори! – потребовала она. – Ты упоминал какой-то взрыв?

– Да. Туннель взорвали, и строительство временно приостановлено. Моя задача – помочь ходу расследования. Я... как бы это сказать... внештатный сотрудник одной госструктуры.

Ангелина поперхнулась чаем и раскашлялась.

– И ты все это время лгал мне? Прикидывался владельцем фотостудии? Зачем?

– Ты многого обо мне не знаешь, – вздохнул Калитин. – Я сам узнал кое-что о себе буквально пару дней назад.

– Этого только не хватало, – сквозь слезы выдавила она. – Так ты... А твое детективное агентство? Тоже вранье? Боже мой... я верила тебе...

Вместо оправданий Марат улыбнулся. Раз Лина упомянула агентство, он воспользуется этим.

– Я здесь не только из-за взрыва. Один мой знакомый попросил разыскать его жену. Он думал, я до сих пор занимаюсь частным сыском. Лариса Мельникова устроилась на работу в киностудию «Дебют» и уехала со съемочной группой на Памир.

– Ты согласился искать ее?

– Когда я узнал, что киностудию тоже финансирует Ревин, то решил помочь Мельникову. Заодно и разобраться, что за каша здесь варится. Уж очень много странных совпадений.

– Ну и как? Нашел жену своего знакомого?

– Почти, – кивнул Марат. – Лариса Мельникова мертва. Ее убили.

У Ангелины Львовны сразу высохли слезы, она онемела. В тишине было слышно, как разговаривают по-таджикски в соседнем номере мужчина и женщина.

– У-убили? Ты ничего не путаешь?

– Я видел ее труп...

– Дай мне расческу, – нервно сказала Закревская и стала разматывать полотенце. – Я забыла фен, по твоей милости. Чем теперь прикажешь сушить голову?

Марат покорно исполнил ее просьбу.

– Фен можно купить, – сказал он. – Это не проблема.

Ангелина Львовна пыталась привести волосы в порядок. Зубья расчески застревали в ее густой шевелюре.

– Ты уверена, что хочешь слушать дальше? – спросил Марат.

– Подожди. Дай мне привыкнуть к тому, что ты уже сказал...

Она продолжала сердито расчесывать волосы.

– Помочь? – мягко предложил он.

– Они так путаются. Пожалуй, я просто распущу их. Пусть сохнут...
Она отложила гребень, глубоко вздохнула и посмотрела на Калитина.

– Можешь продолжать. Я готова.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

– Хорошо. Я расскажу тебе историю, на первый взгляд не имеющую никакого отношения ни к туннелю, ни к взрыву, ни к Ревину, ни к убийству Ларисы Мельниковой. Она произошла давным-давно, в другое время и в другом месте.

– Где?

– Далеко. Так далеко, что ты не сможешь даже представить себе этого. В другом мире, с другими существами.

– Если она произошла в другом мире и с другими существами, то откуда ты ее знаешь? – подозрительно спросила Ангелина Львовна.

– Наберись терпения. Я отвечу на все твои вопросы, но только потом.

– Ладно...

Марат Калитин начал длинное повествование о цивилизации Хелион, о Тэлле Элакриэне и его возлюбленной Ман – фи, о Драгии и Вальганиусе, о клонах, об Ацтланике, о золоте, о коварном Инке и похищении Эуля, о трех звездолетах, которые отправились на поиски святыни ацтланов...

Она слушала, затаив дыхание, боясь пропустить хоть слово.

– Потрясающая история! – восхищенно сказала Закревская, когда Марат закончил. – Ты сам все выдумал? Собираешься писать книгу?

– Я ничего не выдумывал.

– Ну да, прости, я неправильно выразилась, – поправилась она. – Ты решил написать роман. И пересказал мне сюжет. Здесь, в горах Памира, на тебя снизошло вдохновение. За этим ты сюда и приехал. Я угадала?

– Не совсем...

Марат подошел к окну и распахнул его настежь. Вместе с ветром в духоту гостиничного номера ворвались уличный шум и запахи цветущих деревьев. Голоса мужчины и женщины за стеной стали тише. Видимо, они пришли к какому-то согласию и успокоились.

– Марат!

– Называй меня Алексеем, – строго сказал он. – Я же просил.

– Я не могу, – улыбнулась она. – Это так глупо.

– Тогда лучше никак не называй. Во избежание неприятностей. Даже у стен бывают уши.

Ангелина Львовна не поняла, какие могут возникнуть неприятности, но послушно кивнула головой.

– Хорошо, не буду. А... чем закончилась твоя история? Что за катастрофа случилась на той незнакомой планете? Как, кстати, она называлась?

– Тайрика. Там произошло обыкновенное землетрясение. Правда, очень сильное. Экипажу «Этлона» чудом удалось спастись. Они успели воспользоваться модулем. Правда, на взлете модуль попал под град камней и получил повреждения. Но он все-таки смог подняться в воздух. А вот «Этлон» погиб. На корабль обрушился гигантский обломок скалы... и похоронил его под собой...

– Ужасно. У твоей книги плохой конец.

– У нее нет конца.

– Как это?

– Она все еще продолжается, – задумчиво произнес Марат. – И сейчас ты услышишь вторую ее часть...

– Роман в двух частях? – покачала головой Закревская. – Может, тебе не стоит замахиваться на двухтомник? Для начала...

– Ты тоже принимаешь участие в моей истории, – бесцеремонно перебил он. – У тебя неспроста появляется новый пациент – Данила Ревин. Он кажется тебе... мягко говоря, странным. И ты просишь меня навести справки о нем. Чем я и занялся.

Марат выложил все, что ему удалось узнать о Ревине. О том, куда он тратит деньги, о строительстве туннеля в горах, о киностудии «Дебют»...

– Знаешь, как называется фильм, который они приехали снимать? «Взрыв в туннеле»! Это навело меня на некоторые мысли...

– Но ты говоришь, в туннеле действительно произошел взрыв? – недоумевала Ангелина Львовна.

– Именно. И это далеко не все...

На Калаихум опустилась ночь, когда Марат закончил свое длинное повествование о взрыве в туннеле, о событиях в лагере альпинистов, о голуб-яване, о приключениях Ильи Вересова и его ребят, об общине гуру Нангавана, о находке Хакима, о странных происшествиях в съемочной группе, о гибели Ларисы Мельниковой и о золоте.

– Ты думаешь, это как-то связано? – спросила Ангелина Львовна. – Ревин и... взрыв?

В гостинице стало прохладнее или ее охватил озноб: она почти стучала зубами от ледяной дрожи.

– Тебе холодно? – спросил Марат. – Принести куртку?

– Лучше одеяло.

Он снял с гостиничной кровати одеяло и укутал ее. В его глазах

появился странный блеск.

– Я кое-что п-привезла с собой... Д-дай мне сумку...

Она вытащила магический шар, без всяких объяснений поставила его на стол. Шар постоял немного и вспыхнул изнутри золотистым свечением...

Глава 25

– Что это значит? – спокойно спросил Марат.

– Попробуй догадаться.

Они оба уставились на шар, который медленно разгорался золотым огнем.

– Точно так же он вел себя при Ревине, – прошептала Ангелина Львовна, почему-то оглядываясь.

Она говорила о шаре, как о живом существе.

– Ну и что? – так же шепотом спросил Марат.

– Пока не знаю. Я чувствую: это имеет какое-то значение. Как ты думаешь, зачем Ревин прилетел в Душанбе? Разбираться, кто и зачем устроил взрыв в туннеле?

– Его привела сюда более веская причина.

– И тебе известно какая?

– Боюсь, что да, – усмехнулся Марат. – Ты говорила, Ревин прилетел не один. Как выглядит его спутник?

Ангелина Львовна закрыла глаза, чтобы вспомнить внешность незнакомца.

– Это крупный, дородный мужчина... черноволосый, с бледным лицом. Хорошо одетый. Еще какая-то особенность... А! У него неестественно яркие губы, как будто накрашенные.

– Он, случайно, не носит на руке массивного золотого перстня?

– Был перстень! – радостно воскликнула она. – Откуда ты знаешь?

Калитин проигнорировал ее вопрос.

– Может быть, Ревин к нему обращался? Как он его называл?

– Постой-ка... кажется... нет, он не называл его по имени. Жутко неприятный тип.

– Я знаю, кто это, – уверенно заявил Марат. – Господин Чаров. Начальник отдела кадров киностудии «Дебют». Той самой, которая снимает фильм «Взрыв в туннеле» и в которой работала Лариса Мельникова.

Закревская тоскливо вздохнула.

– Я все равно ничего не понимаю, – призналась она. – Получается, они заодно? Или как?

– Кроме Ревина и Чарова есть еще режиссер Бахмет, пиротехник Николай и член общины Хаким...

– Ты хочешь сделать их персонажами своей книги? Марат промолчал.

На его губах блуждала отрешенная улыбка.

– Это не книга, Лина... – после долгой паузы вымолвил он. – Это моя жизнь.

Ангелина Львовна запуталась. Она не могла связать все услышанное воедино, как ни старалась. Неужели у Марата развивается психическое расстройство? Тогда... его слова и поступки порождены большим воображением.

– То есть... ты хочешь сказать, что Ревин, убийство Мельниковой, золото и взрыв в туннеле... являются продолжением той давней истории про Хелион и Ацтланику? – осторожно спросила она. – Но это же смешно, Марат! Сказка, которую ты сочинил, настолько завладела твоим сознанием, что ты принимаешь ее за реальность. Да еще пытаешься убедить в этом других.

– Я никого не пытаюсь убедить, кроме тебя, – возразил он.

Ангелина Львовна нервно засмеялась.

– Ты хочешь, чтобы я тебе поверила? За кого ты меня принимаешь?

– За друга... За женщину, которую я... люблю.

– Раньше ты не говорил мне о любви...

– Я думал, с любовью покончено. Но ты слишком дорога мне! Я понял это, когда... – он смешался и не договорил. Перескочил на другое. – Если бы не мое чувство к тебе, ты не сидела бы сейчас здесь и ничего бы не узнала. Мы бы просто больше не увиделись. Никогда. Ты понимаешь?!

Он схватил ее за плечи, встряхнул и прижал к себе.

– Для меня очень важно, чтобы ты мне поверила. Потому что... В общем, ты должна знать все. Только тогда я смогу принять решение.

Ангелина Львовна неожиданно для себя заплакала.

– Какое решение, Марат? Мне страшно...

– Выслушай все до конца, прошу тебя! Наберись мужества. Ничто не может помешать нам понять друг друга...

Что ей оставалось делать? Она должна была дать ему возможность объясниться.

– Ну хорошо, рассказывай, – согласилась она, вытирая слезы.

Этот ночной разговор в тесном номере калаихумской гостиницы казался ей бредовым сном, навеянным болезнью. Может, она сама не вполне нормальна?

– ...команда «Этлона», которая спаслась после землетрясения... – донесся до нее голос Марата, – ...продолжала искать Эуль. Хелионцы привыкли доводить любое дело до конца. То, что они оказались на Тайрике, было знаком судьбы, благоволением «звездного ветра», которому они

молились. Должно быть, сыграли свою роль и браслеты Жрецов Эуля, врученные Элакриэну на Ацтланике. Кто знает?

– Как же их «золотые» тела? – спросила Ангелина Львовна.

– Видишь ли... в отличие от людей, хелионцы знали, что они бессмертны, и материальный мир – их временный дом, где они воплощаются в разных обличьях. «Золотые» тела быстро погибли без арумия – насыщенной золотом дыхательной смеси, – но пилот и его экипаж заранее продумали план действий. Они разделились. Шестеро, в том числе и Тэлл Элакриэн, решили воплощаться в телах существ, обитающих на Тайрике. Двое согласились на существование в астральном виде. Если ты помнишь, цивилизация Хелион – это двойной мир: сама «золотая» планета и ее астральный двойник Нойлех. Так что для хелионцев астральное воплощение было в порядке вещей.

– Допустим. И что же дальше?

Ангелина Львовна не верила, что это происходит с ней. Марат казался ей таким рассудительным, таким благоразумным. Даже его «опусы» не поколебали ее уверенности в том, что она имеет дело с вполне адекватным человеком.

– Дальше... они занялись поисками Эуля, – между тем продолжал он. – Беглецы с Ацтланики, которые обосновались на незнакомой планете, не могли чувствовать себя в безопасности. Ведь они похитили величайшую святыню и отдавали себе отчет в том, что их будут искать. Сначала они проложили глубокие подземные лабиринты и долгое время обитали в них. Там же они укрыли и свой корабль «Космический Змей». Возможно, он до сих пор находится в одном из тайных ответвлений лабиринта. Подземные сооружения на Ацтланике были суровой необходимостью, поэтому беглецы прекрасно умели их создавать. Полагаю, они захватили с собой пару специальных буров, которые уничтожали горы земли и породы особым способом. В таком буре используется адское соединение электронного луча и термического давления, перед которыми отступает любая твердь.

– Как ты догадался? – съязвила Ангелина Львовна.

– Это нетрудно предположить. Ведь технику на Ацтланику поставляли с Хелиона. Инка и его сообщники знали, что им придется скрываться, и позаботились о себе. Там же, в запутанных переходах подземелья, они прятали Эуль. Постепенно беглецы успокоились. Время шло, никто их не преследовал, не тревожил, и они потихоньку переместились на поверхность Тайрики, готовые в любую минуту укрыться в своих тайных убежищах. Приютившая их планета оказалась обитаемой, и они создали на ней собственную империю, о которой мечтали...

Ангелина Львовна понимала, что надо поддерживать разговор. Иначе Марат замкнется и оставит ее в неведении относительно своих болезненных фантазий. Тогда она не сможет контролировать ситуацию. Он явно что-то задумал.

– Что это за планета – Тайрика? – осведомилась она.

– Я думал, ты сама догадаешься, – улыбнулся Марат. – Это наша Земля.

– Я почти догадалась... Ты имеешь в виду... империю инков?

Он кивнул.

– Ацтеки, инки... возникли внезапно и развивались стремительно. Они купались в золоте, а после их заката золото иссякло. Они поклонялись Солнцу и приносили бесчисленные человеческие жертвы. Правящая династия – Сыновья Солнца – тщательно заботилась о чистоте крови. А местных аборигенов они просто подчинили себе и заставили играть в свою игру. Как тебе эта идея?

– Захватывающая.

Марат не обратил внимания на ее скепсис.

– Как бы там ни было, похитителей преследовал страх, и они перепрыгивали святыню из одного места в другое. Это стало наваждением, болезненной манией, своего рода безумием. Хелионцам пришлось немало потрудиться, прежде чем они смогли отыскать Эуль.

– Они все-таки нашли его?

– Дело в том, что Эуль синтезирует золото только при солнечном свете, – объяснил Марат. – Воплотившись в человеческих телах, искатели смогли заметить, что ацтеки и инки при видимом изобилии золота начинают испытывать определенные трудности с этим металлом. Видимо, Эуль был укрыт глубоко под землей или в толще горных пород, куда не проникает солнечный свет. Беглецов что-то насторожило, и они поспешили спрятать святыню подальше. По иронии судьбы, «летающие инки» – жрецы Храма Орлов – спрятали Эуль в горах Памира. «Этлон» совершил аварийную посадку буквально рядом... и экипаж не знал об этом! Если бы Элакриан чуть больше доверял браслетам, подаренным Верховным жрецом Эочтитлана, то... мог бы догадаться. Увы! Его команде пришлось пройти долгий и трудный путь на Земле, прежде чем они узнали, что находились практически рядом с Эулем. Справедливости ради надо сказать, что внезапное землетрясение спутало им все карты. Они потеряли корабль и сами едва не погибли. У них было мало времени – ровно столько, сколько арумия еще оставалось в баллонах защитных костюмов. В этих экстремальных условиях они успели выработать план поисков, но в спешке

не учли всех деталей.

Ангелина Львовна задумалась, вспоминая «опусы» Марата.

– Твои видения тоже связаны с этой историей? – спросила она.

Он кивнул.

– Я совсем недавно понял, что описывал поиски Эуля. Каким-то образом это проснулось в моем сознании. После того как ты рассказала мне о Ревине. Он ведь тоже вспоминал нечто подобное? Золотые города инков, плавучие сады...

– Да... – рассеянно подтвердила Закревская.

В ее уме шевельнулась смутная догадка, которую она тут же прогнала.

– Потом... начались все эти события, – продолжал Марат. – Ревин, Мельникова, взрыв в туннеле. Я получил задание расследовать происшествие в районе Язгулемского хребта.

– Задание? От кого?

– Я же говорил, что работаю на силовую структуру. Видимо, туннель заинтересовал некоторых влиятельных лиц...

Ангелина Львовна забыла, что полчаса назад считала Марата чуть ли не сумасшедшим. Ее настроение и мысли лихорадочно менялись.

«Наверное, он не должен говорить мне всего этого, – думала она. – Это может навредить ему...»

– ...и только здесь, на Памире, ко мне пришло понимание истинного положения вещей, – донеслось до нее.

Она пропустила часть объяснений, но последняя фраза заставила ее напрячься.

– Что же ты понял? – спросила она, боясь услышать ответ.

– Посланцы Хелиона нашли Эуль давно. Но у них не было связи, а звездолет поглотили горы. Оставался единственный шанс сообщить о своей находке – аварийный *кассиорес*. Это такие кристаллы, хранящие и передающие информацию. Миниатюрный *кассиорес* был встроен в защитный костюм пилота, чтобы находиться при нем в любых обстоятельствах. У этого *кас* – *сиореса* не хватает мощности, чтобы «дотянуться» до станции космической связи Хелиона. Поэтому было условлено, что раз в иллий центр межгалактических полетов сам выходит на все аварийные *кассиоресы*. Подобное условие не имеет срока давности, дабы у любого затерявшегося во Вселенной пилота оставалась надежда на то, что он будет услышан и сможет сообщить о себе.

– Раз в иллий? – переспросила Ангелина Львовна.

– По земным меркам это что-то около семи веков.

– То есть хелионцы могли установить связь со своей планетой раз в

семьсот лет?

– При помощи аварийного *кассиореса* – да, – подтвердил Марат. – Как я уже говорил, после землетрясения команда Элакриэна решила разделиться. Шестеро должны были воплощаться в человеческих телах и вести земную жизнь, продолжая поиски Эуля. *Кассиорес* вместе с браслетами, подаренными жрецом Эочтитлана, командир корабля спрятал недалеко от места гибели «Этлона». Двое членов экипажа, существуя в астральном виде, остались охранять браслеты и *кассиорес*.

Марат замолчал, глядя на магический шар, который переливался уже всеми цветами радуги.

– Откуда у тебя этот шар? – вдруг спросил он.

– Самойленко дал... на всякий случай.

Марат не стал уточнять, какой случай она имеет в виду. Для него сейчас было важнее донести до нее смысл происходящего.

– Иллий подходит к концу... – задумчиво произнес он.

– Ты хочешь сказать... после того землетрясения прошло семьсот лет?

– Около того...

– Боже мой! Минуло столько времени. Неужели...

– Видишь ли, – перебил ее Марат. – «Золотые» тела могли существовать десять тысяч лет. Такова была продолжительность жизни на Хелионе. Несколько земных веков не представляли для них большого срока. Подошло время аварийной связи. Посланцы готовы сообщить о том, где они находятся и что Эуль найден. Я надеюсь, тебе все понятно...

– Мне ничего не понятно! – упрямо покачала головой Ангелина Львовна.

– Я повторю. Шестеро членов команды «Этлона» все эти годы жили на Земле как обыкновенные люди, воплощаясь из тела в тело, с той лишь разницей, что у них была цель – не только найти Эуль, но и разгадать тайну золота. По стечению обстоятельств, на этой планете золото рождается и без святыни ацтланов. Пусть не в таком изобилии, но оно есть. На протяжении семи веков хелионцы, вынужденные обитать среди людей, так или иначе пытались проникнуть в секрет сотворения солнечного металла. Их интересовало все – мифы, легенды, религиозные культы, геология и, особенно, алхимия. Погрузившись в человеческую жизнь, они постепенно забыли, кто они и для чего прибыли сюда. Череды смертей и рождений, краткого и бурного бытия подавляют память и поглощают внимание. «Астральным» посланцам было легче. Они сконцентрировались на определенной задаче, не рассеиваясь на все остальное.

– Выходит, члены экипажа «Этлона» потеряли связь друг с другом?

– Их разбросало по свету. Сначала они поддерживали телепатическое общение, но со временем эта слабая ниточка становилась все тоньше, пока не порвалась совсем. Когда подошел срок аварийной связи, посланцы постепенно пробуждались от «спячки». Со всеми это происходило по-разному. К Ревину, полагаю, осознание пришло в горах. Альпинистские впечатления включили его память, смутные догадки взбудоражили и заставили заглянуть в себя. То, что он там увидел, испугало Даниила Петровича. Он перестал ходить в горы и забросил скалолазание. Но странную тягу к золоту преодолеть не сумел. Так он стал твоим пациентом. Фактически ты помогла ему восстановить недостающие звенья в цепи его воспоминаний. Он понял, кто он и в чем заключается его цель. К тому моменту строительство туннеля уже шло полным ходом, и Ревин догадался, что его убедили финансировать проект не случайно. И что он не случайно согласился.

– Кто его убедил?

– Сведения, которые мне удалось раздобыть, и некоторые финансовые документы позволяют предположить, что это Чаров. Никому не известный менеджер средней руки явился к владельцу «Роскомсвязи» и сделал фантастическое предложение, на которое тот сразу дал согласие. Мало того, Чаров со временем выхлопотал и себе средства на содержание киностудии «Дебют». На первых порах Ревин действовал неосознанно, подчиняясь внутренним импульсам, которые толкали его на вопиющие, с точки зрения окружающих, поступки и решения.

– А под воздействием чего проснулась память Чарова? – спросила Ангелина Львовна. Ее профессиональный интерес взял верх над скепсисом.

– Точно не знаю, – покачал головой Марат. – Могу только догадываться. В сущности, какая разница? Чаров *вспомнил*, и все. Он разыскал Ревина и взялся за дело. Подспудно в каждом из них под необъятным грузом «жизненного опыта» тлела искорка, которая вела их особым путем и в конечном итоге определяла судьбу. Ревин не зря бросил альпинизм и занялся бизнесом, стремительно наращивая капитал. Пришло время! Понимаешь?

– Не совсем. Почему бы Чарову просто не посадить Ревина напротив себя и не выложить ему все то, что ты сейчас говоришь мне?

Марат задумался. Слышно было, как поскрипывает оконная форточка от порывов ветра. Мужчина и женщина в соседнем номере утомонились. Наверное, легли спать.

– Есть вещи, которые подчиняются своему собственному внутреннему развитию, – сказал он. – Нельзя форсировать события. Им надо

предоставить возможность идти своим чередом.

Ангелина Львовна кивнула. Она начинала улавливать некую логическую нить.

– «Этлон» погиб где-то здесь, недалеко, – догадалась она. – Язгулемский хребет. Ведь туннель тоже прокладывают не зря?

– Во время землетрясения обломками скал завалило не только звездолет, но и подземное хранилище, в котором жрецы спрятали Эуль. Теперь до него не просто добраться. Строительство туннеля – прекрасная возможность сделать это.

– Допустим, – милостиво согласилась Ангелина Львовна. – Тогда взрыв совершенно не вписывается в общую картину.

– Только на первый взгляд. Я встречался с киношниками. Николай, пиротехник съемочной группы, и режиссер наверняка действуют заодно. Думаю, взрывчатку заложили еще во время съемок... и нарочно по – вредили электрический кабель. Началась суматоха, которая была на руку заговорщикам. Потом Бахмет сделал вид, что заблудился, и тем самым отвлек внимание строителей. Поднялся переполох, все кинулись на поиски. Режиссер где-то отсиделся, а на рассвете объявился, притворился больным, остался в медпункте и мог держать под контролем все происходящее. Скорее всего, именно он привел в действие взрывное устройство.

– Но зачем?

Марат вздохнул. То, что казалось ему очевидным, к счастью, оставалось непонятным для окружающих.

– Строительство – непредсказуемый процесс, особенно в горах, – объяснил он. – Нельзя точно рассчитать скорость проходки. Сопутствующие работы выполняются в зависимости от условий: качества грунта или породы, например. Существует множество факторов, и учесть их все не удастся. Эуль слишком рано оказался в опасной близости от людей. Должно быть, именно по его «вине» случались ошибки в инженерных расчетах и разные отклонения во времени. Кроме того, те крохи света, которые просачивались в туннель, послужили причиной появления самородного золота. Это могло привлечь нежелательное внимание. Взрыв затормозил все процессы... однако слухи о золоте успели просочиться и взбудоражить строителей. Ко мне подходили Изотов с Вересовым и показали небольшой самородок, найденный ими в отвале. Это может вызвать волнения...

– Значит, золото, которое находили в этих горах, создал Эуль?

– Вероятнее всего, да. Гуру Нангаван напрасно возомнил себя мессией, пророком, способным превращать камни в золото. Боюсь, его ждет

сокрушительное разочарование.

– Но ведь община... насколько я поняла, находится далеко от туннеля...

Ангелина Львовна невольно втянулась в дискуссию. Она увлеклась, забыв о своих сомнениях.

– Такое расстояние не имеет значения для Эуля, – покачал головой Марат. – Честно говоря, я понятия не имею, каков принцип его действия. Эуль непредсказуем.

– Почему же рабочие в туннеле не находили самородков?

– Эуль создает особое поле, воздействие которого невыносимо для человеческого организма. Оно то усиливается, то ослабевает, в зависимости от активности солнца. Рабочие старались избегать этого участка, обходить его стороной. А вот Лариса Мельникова пострадала. Экскурсия в туннель оказалась для нее роковой.

– Ее убили из-за золота? Кто?

– Николай, пиротехник из «Дебюта». Он вызвал ее ночью из дома и... Ему пришлось это сделать, – с сожалением сказал Марат. – Тот кусочек золота, который Лариса показывала, образовался либо прямо в кармане ее куртки, либо она машинально подобрала его на том самом участке. С ней случился обморок в туннеле, и после она ничего не смогла вспомнить. Но если бы о золоте узнали в съемочной группе... Сама понимаешь. Видимо, Николай подслушал разговор Мельниковой и Глафиры, когда закладывал взрывчатку. Они его не заметили, а он...

– Это жестоко.

– Согласен. Порой приходится идти на крайние меры, – развел руками Кали тин. – Николаю было нелегко принять такое решение. Думаю, этим он хотел как следует испугать Глафиру, зная ее болтливость. Могли бы быть две жертвы вместо одной.

– Чудовищно... – прошептала Ангелина Львовна.

– Жизнь иногда вынуждает быть безжалостным. Я же объяснил тебе – наступает особое время. Семьсот лет минули, и команда «Этлона» получает шанс вернуться на Хелион вместе с Эулем. Думаешь, они станут рисковать?

Доктор Закревская так не думала. Она растерялась, занервничала. Марат как будто оправдывает убийство. Это поразило ее, вопреки чувству, которое она питала к нему, вопреки всему, что он здесь говорил.

Он считал нужным кое-что добавить в защиту неких мифических посланцев.

– Двое из команды «Этлона», существующие в астральном виде,

пытались отпугнуть людей от местопребывания Эуля, умерить их любопытство. Все здешние легенды о голуб-яване, звуковые и зрительные миражи, появление гигантских теней есть следствие подобных попыток. «Золотые» тела хелионцев были огромного роста. По земным меркам, три-четыре метра высотой. Естественно, астральные двойники имеют ту же форму. Они становятся видимыми только при лунном свете. Но и этого бывает достаточно. Чем меньше людей крутится около Эуля, тем спокойнее астральным стражам. Вроде бы у них все получалось: кишлак близ Священной Горы опустел, даже хищники в округе разбежались. Собаки, и те не выдерживали их угрожающего присутствия. Но люди оказались крепкими орешками. Любопытство пересиливало страх. Чего стоит гуру Нангаван с его общиной? Строительство туннеля тоже подлило масла в огонь... но этого избежать было нельзя. Приходилось корректировать действия на ходу...

Он вспомнил о консервных банках, раскуроченных по велению неизвестного «голоса», и улыбнулся. Неужели и это – проделки астральных стражей?

– Хелионцы ведь погибли семьсот лет назад? Вернее... – Ангелина Львовна запнулась, подбирая слова, – ...умерли их «золотые тела». Так?

– Да.

Она спрашивала так, будто приняла его рассказ всерьез. Впрочем, она перестала ломать голову, верить ей или не верить.

– Куда же делись эти тела? Где они сейчас? Рассыпались в прах или...

– «Золотые» тела не могут рассыпаться, – улыбнулся Марат. – Они затвердевают, превращаясь в нечто вроде золотых статуй. Со временем они поддаются коррозии и другим разрушительным процессам, но это происходит очень не скоро.

– Куда же они делись, в таком случае?

– Думаю, люди приняли их за останки Богов и поместили в подземные усыпальницы и храмы. Наверняка они до сих пор там. Хаким придерживается того же мнения.

– Он тоже не случайно оказался в общине?

– Разумеется. Только понимание пришло к нему после посещения тайника в скалах. Мы с ним очень долго обсуждали этот вопрос. Он мне на многое открыл глаза.

Марат опять покосился на магический шар, но промолчал.

– Те кристаллы, которые Хаким нашел в тайнике...

– Это и есть аварийный *кассиорес*, – сказал он.

Ангелина Львовна не знала, плакать ей или смеяться. «Они с Ревиным

– одного поля ягодки», – подумала она и провела рукой по волосам. Те уже успели высохнуть. Мысль о том, чтобы расчесаться, показалась ей смехотворной и нелепой. Она вообще чувствовала себя не в своей тарелке. Как ей теперь быть после всего услышанного? Встать и уйти? Потребовать, чтобы Марат отвез ее в Душанбе и посадил на самолет? Это невозможно.

О каком решении он говорил ей? У нее на языке вертелся один вопрос, но она решила задать его позже.

– Ты побледнела, – заметил Марат. – Тебе плохо?

– Мне хорошо... О чем вы беседовали с Хакимом? Судя по всему, он – один из них?

«Мы оба сошли с ума, – вертелось у нее в голове. – Оба несем сущий бред!»

– Ты умная женщина, Лина. Я не ошибся в тебе. Мы с Хакимом решили второй раз сходить к тайнику... и нашли там еще кое-что.

Он достал из сумки полукруглый футляр из непроницаемого материала, похожего на пластик, открыл его и положил на стол. Внутри футляра лежали два золотых браслета дивной красоты, в виде свернутых крылатых змеек.

– Это браслеты Жрецов Эуля, – прошептал Калитин.

Он мог бы и не говорить. Ангелина Львовна сразу поняла, что находится перед ней, и отвернулась. Ей стало страшно.

– Итак, картина выглядит следующим образом, – она глубоко вздохнула, преодолевая оцепенение. – Эуль находится в туннеле. Верно?

– В нише, обнаруженной вездесущим Изотовым, – подтвердил Марат. – Его скрывает слой породы, совсем тонкий. Военные и строители неспроста отказываются разбирать завал. На них влияет поле этой непостижимой субстанции, которая называется Эулем. Взрыв произвел двойкий эффект: притормозил строительство, но частично разрушил хранилище. Само присутствие Эуля вызывает погрешности в расчетах.

– Теперь *посланцы* ждут наступления момента связи?

– Да. Ты уже догадалась, кто они. Это Ревин, Чаров, Бахмет, Николай, Хаким и двое астральных стражей. Все они справились со своей задачей. По наитию... Буквально на грани подсознания.

– Но... как вы узнали друг друга?

– Не сразу. Кристалл помог.

– Который нашел Хаким? Марат кивнул.

– Произошел обмен информацией... И память включилась в полном объеме. Не буду грузить тебя ненужными подробностями. Важно, что все они здесь... в горах.

Ангелина Львовна ощутила гнетущую тоску, от которой хотелось взвыть в голос.

– Их только семеро, – выдавила она. – Где же восьмой?

Она не была уверена, что готова услышать правду. Но и отступить поздно.

– Ты лучше других понимаешь, откуда я знаю все, – сказал Марат, глядя ей в глаза. – Последние мелочи всплыли в моей памяти, когда я увидел браслеты. Попробуй, надень один.

Она робко протянула руку к футляру и тут же отдернула. Ей показалось, тело пронзила жгучая боль. Кончики пальцев покраснели.

– Их могу надеть только я... – Марат продемонстрировал это смелое утверждение, украсив браслетами свои запястья. – Кори тоже пробовал, но у него не получилось.

– Кори? Кто это?

– Хаким, – поправился господин Калитин. – Так его зовут сейчас. Только тот, кто носит такие браслеты, может прикоснуться к Эулю без риска для жизни.

– Ты уверен, что...

– Уверен! – перебил он, угадав ее мысли. – В горах, когда мы с Хакимом шагали к месту, где хранились браслеты, я испугался собственной тени. Странно, что никогда раньше я не замечал ничего подобного. Вероятно, такое стало возможным только на Священной Горе. Наши тени в свете луны были огромны!..

– И... как же твое настоящее имя?

– Меня зовут Тэлл... – медленно произнес Марат. – Тэлл Элакриэн. Я – восьмой...

Эпилог

– Смотри! – воскликнула она, указывая рукой на магический шар.

Тот уже весь полыхал золотым свечением, грозя расплавиться.

Марат дотронулся до него и улыбнулся. Поверхность шара оставалась приятно прохладной, лаская ладонь.

– Рядом с другими он не светится, – сказала Закревская. – Значит, то, что ты сказал о себе, правда.

– Зачем мне лгать? – удивился он. – Я вызвал тебя сюда с одной целью: рассказать все. От этого зависит моя дальнейшая судьба.

– Ты хочешь вернуться туда... на Хелион?

Он ничего не ответил, продолжая смотреть на нее. В его глазах она читала любовь... Но ведь он – *чужой!* Он не был человеком на Земле и вряд ли сможет им стать.

– Время связи наступает завтра ночью, – сказал он. – Я должен вернуться к Священной Горе. Меня ждут. За нами пришлют «Эрбор» или «Тобус». Иначе не удастся транспортировать Эуль. Мы сообщим свои координаты и предупредим команду о ловушках Безымянной. Каждый из нас восьмерых будет самостоятельно решать, возвращаться ему на Хелион или нет.

– Но ведь вы... больше не хелионцы, – робко возразила Ангелина Львовна. – У вас человеческие тела. Астральные стражи и вовсе... – она запнулась, ощущая всю нелепость произносимых слов.

– Нойлех примет всех, – спокойно объяснил Калитин. – Мы выполнили то, ради чего прилетели сюда. Это главное. А с «золотыми» телами проблем не будет. Ведь Эуль возвращается!

Она опустила глаза, полные слез. Ей будет не хватать Марата. Как неожиданно рушится ее жизнь...

– Ты будешь ждать меня в этой гостинице, – сказал он. – Сколько понадобится. Пока не прилетит корабль с Хелиона. Никто, кроме меня, не сможет забрать из ниши Эуль. Потом я вернусь к тебе.

Она не верила ни одному его слову. Элакриэн и сам себе не верил. Неужели он променяет золотой Хелион на эту дикую Землю?

– Я знаю, о чем ты думаешь, Лина, – вдруг сказал он.

Когда-то он не согласился соединиться с Манфи на Сонных Берегах Нойлеха... а теперь остается на крошечной Тайрике, которую сотрясают раздоры и вражда? Эта планета похожа на библейский Вавилон, где

сосуществуют разные народы, сталкиваются разные идеи и где ее такие разные дети играют в такие разные игры! Не потому ли беглецы избрали Тайрику своим убежищем, что здесь легко затеряться? В подобном смешении языков и нравов никто ни на кого не обращает внимания, никто ничему не удивляется. Чужой легко сходит за своего, а свой так же легко может оказаться чужим. Разноязыкое племя, где сотни вождей безуспешно пытаются договориться и где сосед дерется с соседом, а брат идет войной на брата. И в жерле этого вулкана рождаются прекраснейшие творения духа, который неистребим и вечен. Рождается любовь, которая побеждает. Ибо она – начало и конец всех вещей...

Жизнь на Земле бурлит в преддверии нового, удивительного и великого прозрения. Элакриэну захотелось окунуться в это новое, встретить его и присоединиться к могучей реке бытия, сметающей ненужные мусор и хлам. Земляне напоминали ему детей, у которых все еще впереди – постижение истины, обретение мудрости и золотой век мира и согласия. Для Хелиона подобное давно миновало.

Элакриэн никогда не мечтал о покое. Он вспомнил свой дом, золотистый туман на берегу реки, синие деревья и черепаху, выползающую из воды погреться в лучах ласкового Хели. Так было и так будет впредь – неизменно, предсказуемо...

– Может быть, я еще затоскую по спокойствию, – прошептал он. – Но не сейчас. Я не все познал...

– Что? – спросила Ангелина Львовна. – Повтори, я не расслышала.

– Я люблю тебя, – сказал Элакриэн. – Я остаюсь.

Она не поверила. Ничего, он даст ей возможность убедиться, что не бросает слов на ветер.

– Я думаю, как земляне, – усмехнулся Элакриэн. – И мне это нравится.

Они подошли к распахнутому окну и долго стояли, обнявшись и глядя на звезды. Вселенная простиралась перед ними, полная тайн, великолепная в своей ледяной немоте. Она ревниво хранила свои секреты. И один из них – золото.

Слезы Солнца...

Кровь Огненного Бога...

Желтый дьявол...

Часть непознанного. Дар, смысл которого еще не разгадан...

Примечания

1

Юнг Карл Густав (1875–1961) – швейцарский психолог и философ, основатель аналитической психологии.

2

Гирокомпас – гироскопический прибор для определения курса судна.

3

Арумий – фантастическое название насыщенной золотом воздушной смеси для дыхания.

4

Сетлей – транспортное средство, похожее на земной автомобиль.

5

Ном – промежуток времени, приблизительно равный земной неделе.

6

Лея – музыкальный инструмент, похожий на свирель.

7

Маат – в древнеегипетской мифологии богиня истины и порядка.

8

Теокали – плоская вершина культового сооружения в форме многоуровневой пирамиды.

9

Протуберанец – громадное плазменное образование в солнечной короне.

10

Дутар – двуструнный щипковый музыкальный инструмент.

11

Страфер – фантастическое название лучевого оружия.

Table of Contents

[Наталья Солнцева В горах ближе к небу](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Эпилог](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

8

9

10

11